

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Annotation

Кто такой хоббит? В 1937 году, после выхода этой волшебной сказки полмира озадачились этим интереснейшим вопросом. А это всего-навсего существо небольшого роста с мохнатыми ногами, отважное, но добродушное, умеющее очень тихо передвигаться. Именно о приключениях хоббита — Бильбо Бэггинса, а также его друзей — отважных гномов и волшебника Гэндальфа, повествует эта книга.

- [Джон Рональд Руэл Толкин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [notes](#)

- [1](#)

**Джон Рональд Руэл
Толкин
Хоббит или туда и
обратно**

Глава 1

Незванные гости

В норе под землей жил хоббит. Не в сырой и затхлой с дождевыми червями, не в голой песчаной, где не на что сесть и нечем подкрепиться; нора была хоббичья, а это означает уют.

У нее была круглая, как иллюминатор, дверь, выкрашенная в зеленый цвет, с блестящей медной ручкой точно посередине. Она открывалась в круглый туннель вроде железнодорожного, но, разумеется, без дыма, очень удобный, с деревянными стенами, плиткой и

ковром на полу, с полированными стульями и множеством вешалок для пальто и шляп — хоббит любил гостей. Туннель этот (или коридор) вел в глубь холма — Холма, как звали его на мили вокруг. Отсюда в обе стороны отходили маленькие круглые двери. В хоббитском жилище не бывает лестниц: спальни, ванны, кладовые, буфетные (в немалом количестве), гардеробные (здесь были целые комнаты, отведенные под одежду), кухни и гостиные — все размещалось на одном этаже и даже в одном коридоре. Лучшие комнаты были по левую сторону (если смотреть от входа), потому что только в них имелись окна —

глубокие круглые окна с видом на сад и пологие зеленые склоны.

Хоббит этот был весьма обеспеченный, и звали его Бэггинс. Бэггинсы жили в окрестностях Холма, сколько себя помнят, и считались весьма уважаемым семейством, не только из-за достатка (а они и впрямь были, по большей части, зажиточны), но и потому, что никто из них не запятнал себя приключениями или вообще странными речами и поступками; вы, не спрашивая, знали, что ответит Бэггинс на любой ваш вопрос.

Это история о том, как Бэггинс пустился в приключение, начал говорить и делать **такое** , чего **никто**

(и он сам в первую очередь) не ожидал. Он, быть может, потерял уважение соседей, зато *приобрел*... ну, вы увидите, приобрел он что-нибудь в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита... А что такое хоббит? Наверное, в наше время это следует объяснить, потому что хоббиты теперь малочисленны и боятся Большого Народа, как называют нас. Сами они маленькие (наверное, правильней сказать «были»), ростом примерно в половину нашего, ниже бородатых гномов. Бороды у хоббитов не растут. Волшебного в них нет или совсем мало, разве что по мелочи, скажем, умение быстро и тихо исчезать, когда

глупые громадины, вроде меня и вас, ломаются с грохотом, как слоны, так что за милю слышно. Они склонны отращивать брюшко, одеваются ярко (по большей части в желтое и зеленое) и не носят обуви, потому что подошвы у них от природы жесткие, с густой темно-каштановой шерсткой, такой же курчавой, как и на голове; пальцы у них длинные, смуглые и ловкие, мордочки добродушные. Смеются хоббиты раскатисто и от души (особенно после обеда, который по возможности устраивают два раза в день). Теперь вы знаете довольно, чтобы продолжить.

Как я уже говорил, матушка

нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, — знаменитая Белладонна Тук, одна из трех замечательных дочерей Старого Тука, предводителя хоббитов, живущих за Рекой — узенькой речушкой у подножия Холма. Поговаривали (в других семьях), что давным-давно предок Тука женился на фее. Это, разумеется, чепуха, но в Туках определенно было что-то не совсем хоббитское, и время от времени кто-нибудь из них пускался в приключение. Они исчезали без шума, и в семье о них больше не говорили, но факт остается фактом: Туки были совсем не так респектабельны, как Бэггинсы, хотя

и, несомненно, богаче.

Не то чтобы Белладонна Тук пускалась в приключения после того, как стала миссис Банго Бэггинс. Банго — отец Бильбо — выстроил для нее (и отчасти на ее деньги) самую роскошную хоббитскую нору, какую только можно сыскать под Холмом, на Холме или за Рекой; там они и жили до конца дней. Однако сдается, что их единственный сын Бильбо, даром что с лица и поведением был вылитый отец, солидный и респектабельный, унаследовал по туковской линии некую странность, которая только и ждала случая проявиться. Впрочем, случай все не представлялся, а Бильбо тем

временем достиг зрелости, то есть примерно пятидесяти лет, живя в прекрасной, выстроенной отцом норе, которую я вам только что подробно описал, и из которой, казалось, он никуда не собирался трогаться.

По странной случайности в одно прекрасное утро, когда в мире было меньше шума и больше зелени, а хоббиты плодились и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака у двери, покуривая длинную деревянную трубку, доходившую ему почти до мохнатых ступней (аккуратно расчесанных) — и тут появился Гандальф. Гандальф! Если бы вы

слышали хотя бы четверть того, что слышал я, а я слышал лишь маленькую толику того, что стоит о нем услышать, — вы бы поняли, что речь пойдет о чем-нибудь удивительном. Везде, куда бы он ни пришел, сразу начинали происходить самые невероятные приключения. Под Холмом он не появлялся давно — с тех самых пор, как умер его приятель, Старый Тук, и хоббиты почти забыли, как он выглядит. Гандальф отсутствовал по своим делам так долго, что тогдашние хоббиты-мальчики и хоббиты-девочки успели превратиться во взрослых хоббитов.

Так что в то утро ничего не

подозревающий Бильбо увидел просто старика с посохом. На нем была остроконечная синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, поверх которого свисала до пояса длинная белая борода, и огромные черные башмаки.

— Доброе утро! — приветствовал незнакомца Бильбо вполне искренне.

Солнце светило, трава весело зеленела.

Однако Гандальф сдвинул кустистые брови, выступавшие из-под широкополой шляпы, и строго взглянул на хоббита.

— Что Вы этим хотите сказать? — спросил он. — Что

желаете мне доброго утра, или что утро доброе, хочу я того или нет, или что нынче утром Вы в добром расположении духа, или что в такое утро хочется быть добрым?

— Все вместе, — отвечал Бильбо. — И в придачу, что в такое утро приятно подымить на свежем воздухе. Если у Вас есть трубочка, присаживайтесь и угощайтесь табачком! Спешить некуда, весь день впереди! — И Бильбо сел на скамеечку у двери, скрестил ноги и выпустил преотличное колечко дыма, которое, как было целое, поднялось и уплыло за Холм.

— Очень мило! — сказал Гандальф. — Но мне сегодня утром

некогда рассиживаться и пускать дымовые кольца. Я ищу, кого бы взять в приключение, которое я затеял, а это очень трудно.

— Неудивительно — в наших-то краях! Мы народ простой, тихий, нам приключения ни к чему. От них одни неприятности! Того гляди, опоздаешь к обеду! Не знаю, что некоторые в них находят! — сказал наш мистер Бэггинс, заложил большой палец за помочи и выпустил новое кольцо, еще больше первого. Потом он достал утреннюю почту и стал читать, делая вид, будто не замечает старика. Чудной какой-то, пусть лучше идет своей дорогой.

Однако старик не думал уходить.

Он стоял, опершись на палку, и молча смотрел на хоббита, так что тот в конце концов смутился и даже немного осерчал.

— Доброе утро! Нам тут приключений не надо, благодарю покорно! Попробуйте за Холмом или за Рекой! — Этим он давал понять, что разговор окончен.

— Что только не означает у Вас «доброе утро»! — сказал Гандальф. — Сейчас вот — что Вы хотите от меня отделаться, и утро не будет добрым, пока я не уйду.

— Ничуть, ничуть, милостивый сударь! Дайте-ка припомнить. Боюсь, что не знаю Вашего имени.

— Знаете, знаете, милостивый

сударь! Я знаю Ваше, мистер Бильбо Бэггинс. А Вы — мое, хоть Вам и невдомек, что мы с ним одно и то же. Я — Гандальф, а Гандальф — это я! Кто бы подумал, что я доживу до того дня, когда сын Белладонны Тук буркнет мне «доброе утро», как будто я пуговицы с лотка продаю!..

— Гандальф! Гандальф! Батюшки-светы! Не тот ли бродячий волшебник, что подарил старому Туку пару алмазных запонок — они еще сами застегивались и не расстегивались, пока им не скажешь? Не тот ли, что рассказывал на праздниках такие занимательные истории про драконов, гоблинов, великанов, спасенных принцесс и

негаданное счастье, привалившее сыну вдовы? Не тот ли, который пускал такие удивительные фейерверки? Я их помню — у старого Тука в канун летнего солнцеворота! Потрясающе! Они распускались огненными лилиями, и львиным зевом, и золотыми шарами и висели в небе весь вечер! — *(Вы уже заметили, наверное, что мистер Бэггинс был совсем не таким прозаичным, как хотел казаться, к тому же очень любил цветы).* — Помилуйте, не тот ли Гандальф, с чьей нелегкой руки столько смирных ребят и девушек отправились незнамо куда на поиски приключений — кто по деревьям

лазить, кто к эльфам в гости, а кто и в море — в море к чужим берегам? Страшно молвить, жизнь тогда была куда увле... то есть вы все тогда перебаламутили в наших краях. Прошу прощения, не знал, что вы до сих пор этим пробавляетесь.

— А чем же еще? — сказал волшебник. — Однако приятно обнаружить, что вы меня не совсем забыли. Вы добрым словом помянули мои фейерверки, а значит, не все потеряно. Ради вашего дедушки Тука и бедной Белладонны, получайте, о чем просили.

— Прошу прощения, я ничего у вас не просил.

— Просили, и уже дважды.

Моего прощения. Так я Вас прощаю. Более того, я отправлю Вас в приключение. Очень забавно для меня, очень полезно для Вас, да и выгодно, если дойдете до конца.

— Извините! Не надо мне приключений, благодарствую! Не сегодня! Доброе утро! Заглядывайте на чай, как надумаете! Почему бы не завтра? Приходите завтра! До свидания!

С этими словами хоббит юркнул в круглую зеленую дверь и запер ее так быстро, как только позволяли приличия. Волшебники, как-никак, это волшебники, их лучше не злить.

— Угораздило же меня пригласить его к чаю! — сказал себе

Бильбо и направился в буфетную. Он недавно позавтракал, однако решил, что кекс-другой и глоточек чая помогут оправиться от испуга.

Гандальф тем временем по-прежнему стоял у двери и смеялся долго, но тихо. Потом он шагнул ближе и посохом нацарапал на красивой зеленой краске какой-то знак. Покончив с этим, он двинулся прочь, примерно в то время, когда Бильбо доканчивал второй кекс, думая, что счастливо отделался.

На следующий день хоббит почти забыл про Гандальфа. У него вообще многое вылетало из головы, если только он не заносил это в специальную книжечку, например

«Гандальф, чай, среда». Вчера он так разволновался, что ничего, конечно, не записал. Перед самым чаем что есть силы зазвонил дверной колокольчик, и тут-то Бильбо вспомнил! Вскочил, поставил чайник, принес на стол еще чашку с блюдцем и побежал открывать дверь.

— Простите, что заставил ждать! — собирался сказать он, но увидел вовсе не Гандальфа.

На пороге стоял гном с синей бородой, заправленной под золотой кушак, и очень яркими глазами под темно-зеленым капюшоном. Едва дверь открылась, он протиснулся в нору, как будто его тут ждали.

Гном повесил плащ с

капюшоном на ближайший крючок.

— Двалин к Вашим услугам, — промолвил он с низким поклоном.

— Бильбо Бэггинс к Вашим! — Хоббит от изумления не догадался ничего спросить. Когда молчание стало совсем уж неловким, он добавил: «Я как раз садился пить чай. Прошу, проходите к столу», — может быть, немножко натянуто, но вполне искренне.

А что делать, если непрошенный гном без всяких объяснений вешает одежду в твоей прихожей?

Они только-только принимались за третий кекс, когда колокольчик зазвонил снова, на этот раз громче.

— Простите! — воскликнул

Бильбо и пошел открывать.

«Вот и Вы наконец!» — собирался сказать он. Однако на пороге стоял не Гандальф, а очень старый гном с белой бородой и в алом капюшоне; он тоже сразу проскочил в дверь, как будто его звали.

— Вижу, наши уже начали собираться, — промолвил гном, заметив зеленый плащ Двалина, и повесил рядом свой красный. — Балин к Вашим услугам, — сказал он, приложив руку к груди.

— Спасибо, — пробормотал Бильбо.

Отвечать надо было не так, но «начали собираться» здорово его

огорошило. Он любил гостей, но предпочитал знать о них загодя, и вообще самому их приглашать. У него мелькнула страшная мысль, что может не хватить кексов, и тогда хозяину (а Бильбо неукоснительно соблюдал законы гостеприимства) придется уступить свои.

— Заходите, чайку выпьем! — набрав в грудь воздуха, проговорил он.

— Мне бы лучше глоточек пива, если не составит лишних хлопот, милостивый сударь, — отвечал белобородый Балин. — А вот от кекса я бы не отказался — с тмином, пожалуйста, если найдется.

— Сколько угодно! — к

собственному изумлению
воскликнул Бильбо и помчался в
подвал нацедить кружку пива, потом
в буфетную за двумя чудесными
кексами с тмином, которые испек
сегодня на послеужинный перекус.

Когда он вернулся, Балин и
Двалин болтали за столом, словно
старые приятели (вообще-то они
были братья). Бильбо поставил перед
ними пиво и кексы. Тут снова
зазвонил колокольчик — один раз и
сразу второй.

«Вот теперь точно
Гандальф», — думал Бильбо, пыхтя
по коридору. Однако нет. Перед ним
стояли два гнома, оба в синих
капюшонах, с серебряными

кушаками и желтыми бородами. У каждого были при себе мешок с инструментами и лопата. Оба шмыгнули в дом, едва приоткрылась дверь. Бильбо почти не удивился.

— Чем могу быть полезен, мои гномы? — спросил он.

— Кили к Вашим услугам! — сказал один.

— И Фили, — добавил другой.

Оба сорвали с головы синие капюшоны и поклонились.

— К вашим и ваших семейств! — проговорил Бильбо, вспомнив на этот раз учтивый ответ.

— Двалин и Балин, как вижу, уже здесь, — заметил Кили. — Идем к народу!

«К народу! — подумал мистер Бэггинс. — Не нравится мне, как это звучит. Надо присесть на минуточку, собраться с мыслями и глотнуть чаю».

Он только раз отхлебнул — в уголочке, покуда четверо гномов, сидя вокруг стола, толковали о рудниках, золоте, беспокойстве от гоблинов, разорении от драконов и всем таком прочем, чего Бильбо не понимал и понимать не хотел, уж очень это смахивало на приключение, когда — динь-динь-дон! — снова зазвонил колокольчик, да так громко, словно какой-нибудь

шалун-хоббитенок вздумал его оторвать.

— Еще кто-то у дверей, — сказал Бильбо, моргая.

— Еще четверо, судя по звону, — подхватил Кили. — Между прочим, они шли за нами.

Бедный маленький хоббит сел в коридоре, обхватил голову руками и задумался, что же такое происходит и останутся ли все гости ужинать. Колокольчик зазвонил громче прежнего, и пришлось ему бежать к двери. Оказалось, что все же не четверо, а **ПЯТЕРО** — последний гном подоспел, покуда Бильбо раздумывал в коридоре. Едва хоббит повернул ручку, как все они были в

доме и кланялись, и говорили: «К вашим услугам». Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин были их имена; очень скоро на крючках висели два лиловых плаща, один серый, один коричневый и один белый, а гномы, засунув широкие ладони за серебряные и золотые кушаки, гуськом топали в гостиную. Одни потребовали эля, другие портера, а один попросил кофе, и все желали кексов, так что хоббиту некоторое время не удавалось даже присесть.

Когда кофейник уже кипел на огне, а гномы, покончив с кексами, принялись за плюшки с маслом, раздался громкий стук. Не звон колокольчика, а бум-бум-бум по

красивой зеленой двери! Кто-то барабанил в нее палкой!

Бильбо в сердцах бросился по коридору, совершенно сбитый с толку и с панталыку — такой сумбурной среды у него еще не было. Он рывком распахнул дверь, и все они посыпались друг на друга — еще гномы, целых четыре! А за ними стоял Гандальф, опершись на посох, и смеялся. Он оставил настоящую вмятину на красивой зеленой двери, а заодно, кстати, сбил тайный знак, который нацарапал вчера утром.

— Полегче! Полегче! Не в твоих правилах, Бильбо, томить друзей на пороге, а потом дергать дверь, словно пугач! Позволь представить

Бифура, Бофура, Бомбура и особенно Торина!

— К вашим услугам! — объявили, стоя в ряд, Бифур, Бофур и Бомбур. Они повесили на крючки два желтых капюшона, один светло-зеленый и один небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Голубой плащ принадлежал Торину, исключительно важному гному — еще бы, ведь это был не кто иной, как сам Торин Дубовый Щит, и ему очень не понравилось, что его опрокинули на коврик у двери и еще навалили сверху Бифура, Бофура и Бомбура, хотя бы потому, что Бомбур был чрезвычайно грузен и толст. Торин держался высокомерно и

ничего не сказал про услуги, однако бедный мистер Бэггинс столько раз повторил «извините», что Торин наконец изрек: «Прошу, не надо больше об этом» и перестал хмуриться.

— Вот мы все и в сборе! — сказал Гандальф, оглядывая ряд из тринадцати капюшонов — лучших съемных капюшонов для хождения в гости — и одной шляпы на вешалках. — Ну, разве не веселое общество! Надеюсь, у вас отыщется, чем напоить-накормить опоздавших? Это что? Чай? Нет уж, увольте. Мне, пожалуй, немного красного вина.

— И мне, — сказал Торин.

— И малинового варенья с

яблочным пирогом, — сказал Бифур.

— И мясных пирожков с сыром, — сказал Бофур.

— И свиной окорок с салатом, — сказал Бомбур.

— И еще кофе-эля-кексов! — закричали из комнаты другие гномы.

— Сделай милость, прихвати пару яиц! — крикнул вдогонку Гандальф, когда хоббит заковылял к буфетной. — И холодную курицу! И маринованных огурцов!

— Кажется, они лучше меня знают, что в кладовой! — пробормотал мистер Бэггинс, чувствуя себя совершенно ошарашенным и гадая, не началось ли самое скверное приключение

прямо у него дома. К тому времени, как он собрал на большие подносы бутылки, блюда, ножи, вилки, стаканы, тарелки, ложки и прочее, он весь взмок, покраснел и разозлился.

— Тьфу на этих гномов! Могли бы и помочь, нелегкая их побери! — сказал он вслух.

Глядь — в дверях кухни стоят Балин и Двалин, а за ними Фи́ли и Ки́ли. Не успел Бильбо охнуть, как они подхватили подносы, пару маленьких столов, и все мигом устроили.

Гандальф сидел во главе стола в окружении тринадцати гномов, а Бильбо — на табуретке в углу, грызя сухарик (аппетит у него совершенно

пропал) и старательно делая вид, что все в порядке вещей и никакое это не приключение. Гномы ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо привстал, чтобы убрать посуду.

— Надеюсь, вы останетесь ужинать? — спросил он самым вежливым своим тоном, без всякой настойчивости.

— Конечно! — ответил Торин. — И ночевать тоже. Разговор у нас долгий, но сначала надо сыграть и спеть. А теперь расчистим-ка стол!

Все двенадцать гномов — кроме Торина, он был слишком важный и

остался беседовать с Гандальфом — вскочили и составили тарелки одну на другую. Вихрем унеслись они в кухню, не дожидаясь подносов — на каждой руке по высоченной стопке тарелок, сверху бутылка, — а хоббит бежал сзади, испуганно выкрикивая: «Осторожней!» и «Не утруждайтесь, я сам!» Однако гномы только запели:

Ножи и вилки все погнем,
Объедки разбросаем,
Поставим нору кверху дном
—

Пусть бесится хозяин!
Бегом, ребята, кувырком!
Всю перебьем посуду,
Порвем скатерку, разольем

Вино и жир повсюду!
Кидай в бадейку черепки,
Обломки и осколки,
И хорошенько растолки
Их палкой от метелки!
Пусть Бильбо стонет от
тоски —
Круши тарелки и горшки!

Разумеется, ничего такого ужасного они не делали, и все было вымыто и убрано в мгновение ока, покуда хоббит вертелся волчком посреди кухни, пытаясь за всеми углядеть.

Когда все вернулись в гостиную, Торин сидел, положив ноги на

решетку перед камином, и курил трубку. Он выпускал огромные кольца, которые плыли, куда он скажет — в дымоход, за часы на каминной полке, под стол — или кружили под потолком — но нигде им было не скрыться от Гандальфа. Пфу! — и колечко из его короткой глиняной трубки продевалось в кольцо Торины, после чего зеленело и, вернувшись, повисало у Гандальфа над головой. Их собралось уже целое облачко; в полутьме они придавали волшебнику странный и колдовской вид.

Бильбо стоял тихо и смотрел — он любил дымовые кольца. Внезапно он покраснел, вспомнив вчерашнюю

гордость за колечко, которое отправил плыть над Холмом.

— А теперь сыграем! — сказал Торин. — Доставай инструменты!

Кили и Фили бросились к своим мешкам и вытащили по скрипочке. Дори, Нори и Ори извлекли из-за пазухи флейты, Бомбур принес из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и возвратились с кларнетами, которые оставили вместе с дорожными палками.

Двалин и Балин сказали:

— Простите, наши на крыльце!

— И мою заодно прихватите! —

крикнул им вслед Торин.

Вскоре они вернулись, таща виолончели с себя ростом и арфу

Торина, завернутую в зеленую ткань. Арфа была очень красивая, золотая; едва Торин ее коснулся, как полилась музыка, такая неожиданная и чарующая, что Бильбо позабыл обо всем на свете и унесся в темные края под чуждыми лунами, далеко за Рекой и очень-очень далеко от хоббичьей норы в склоне Холма.

Сквозь оконце в комнату вползли сумерки; в камине дрожал огонь — был апрель, — а они все играли, и тень Гандальфовой бороды покачивалась на стене.

Тьма заполнила гостиную, камин погас, тени исчезли, а гномы все играли. Сначала один, а затем и остальные запели под музыку:

низкими гортанными голосами пели
они о гномах в древних обиталищах
под землей, и вот вам что-то вроде
отрывка из их песни, если, конечно,
может быть гномья песня без их
музыки:

К вершинам далеким, к
туманам седым,
К ущельям, где вьется
заоблачный дым,
В скалистые горы, в
подземные норы
Уйдем за сокровищем
древним своим.
Там пращуры-гномы в
пещерной тени
Кузнечных костров

раздували огни;
Искусны и стары, могучие
чары
Знавали они и ковали они.
Для древних владык и
эльфийских вождей
Трудились они у
плавильных печей;
Резьбы многограньем,
сапфиров сияньем
Слепили глаза рукояти
мечей.
В эмали сверкали все
краски земли,
В подвесках лучистые
звезды цвели;
И ярче дракона пылала
корона,

Которой венчались тех гор
короли.

К вершинам далеким, к
туманам седым,

К ущельям, где вьется
заоблачный дым,

В скалистые горы, в
подземные норы

Уйдем за сокровищем
древним своим.

Ни эльфы лесные, ни люд
городской

Не слышали музыки их
колдовской,

Не знали о гимнах, что в
кузницах дымных

Слагали и пели они под
землей.

Но страшный удар прогудел
в вышине,
Как будто ударил певец по
струне,
И вспыхнули грозно
высокие сосны,
Как факелы, в красном
шатаясь огне.
Испуганно в сумерках
колокол бил,
Столб копоти небо и
звезды закрыл;
Разгневанный ящер
дыханьем палящим
Жилища и башни людей
сокрушил.
Раздался последний удар
громовой,

Гора содрогнулась под
вражьей стопой,
И древние гномы в земные
проломы
Сокрылись неведомой
людям тропой.
К вершинам далеким, к
туманам седым,
К ущельям, где вьется
заоблачный дым,
В скалистые горы, в
подземные норы
Уйдем за сокровищем
древним своим.

Они пели, и в груди у хоббита
пробуждалась любовь к прекрасным

творениям рук, мастерства и чар, яростная и ревнивая любовь, влечение гномьих сердец. Что-то туковское всколыхнулось в душе, захотелось пуститься в путь и увидеть горы-исполины, услышать шум сосен и водопадов, исследовать пещеры, носить меч вместо дорожной палки. Он выглянул в окно. В темном небе над деревьями зажглись звезды. Хоббиту подумалось о сияющих самоцветах в темных гномьих пещерах. Внезапно в лесу за Рекой взметнулось пламя — наверное, кто-то развел костер, — и ему представилось, что на тихий Холм опустился дракон и палит все огнем. Бильбо поежился и вновь стал

тихим мистером Бэггинсом из Бэг-энда Под Холмом.

Он встал, дрожа. Ему хотелось то ли сходить за лампой, то ли сделать вид, что пошел, а на самом деле спрятаться в подвале за пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Вдруг он понял, что пение и музыка смолкли, а из темноты на него смотрят сверкающие огоньки глаз.

— Куда это Вы? — спросил Торин таким тоном, будто угадал оба его намерения.

— Как насчет света? — виновато спросил Бильбо.

— Нам милее сумерки, — ответили гномы. — Темнота — для

темных дел! До рассвета еще много часов.

— Конечно! — Бильбо торопливо сел, промахнулся мимо табуретки и угодил на каминную решетку, с грохотом уронив совок и кочергу.

— Шш! — сказал Гандальф. — Пусть говорит Торин.

И Торин начал.

— Гандальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы собрались в доме нашего друга и тайного сообщника, превосходнейшего и отважнейшего хоббита — да не облысеют его ступни! хвала его пиву и элю! — Он остановился, чтобы перевести дыхание, и чтобы хоббит вежливо

поблагодарил, но добрые слова о хозяине пропали втуне.

Бедный Бильбо ничего не слышал. Когда его называли отважнейшим, да еще сообщником, он открыл рот, чтобы возразить, да так и не смог выговорить ни слова. Поэтому Торин продолжил:

— Мы собрались, чтобы обсудить наши замыслы, способы, меры, средства и орудия к их осуществлению. Вскоре, перед рассветом, мы отправимся в долгое путешествие, из которого многие, если не все (исключая, конечно, нашего друга и советчика, многомудрого волшебника Гандальфа) могут не возвратиться.

Это торжественный миг. Цель наша, полагаю, хорошо известна всем. Впрочем, досточтимому мистеру Бэггинсу и одному или двум гномам помоложе (думаю, что не ошибусь, назвав, к примеру, Кили и Фи́ли) не помешает краткое разъяснение касательного точного положения дел на настоящее время.

Примерно так Торин изъяснялся. Он был важный гном и, наверное, еще час вещал бы в том же духе без остановки, так и не сказав ничего нового. Однако его грубо прервали. Бедный Бильбо не мог больше терпеть. При словах «могут не возвратиться» стон зародился в его груди и очень скоро вырвался наружу

со свистом, словно паровоз на выезде из туннеля.

Гномы вскочили, опрокинув стол. Гандальф зажег голубое пламя на конце волшебного посоха, и в мерцающем свете все увидели маленького хоббита, который стоял на коленях возле камина и трясся, как тающее желе. Потом он ничком повалился на коврик, голося:

«Зарезали! Без ножа зарезали!»,

и очень долго от Бильбо ничего больше не удавалось добиться. Поэтому его подняли и уложили на кушетку в соседней гостиной,

поставили рядом питье и вернулись к своим темным делам.

— Впечатлительный малый, — сказал Гандальф. — Подвержен странным припадкам, но один из лучших, один из лучших. Грозен, что дракон, которого загнали в угол.

Если вы когда-нибудь видели загнанного в угол дракона, вы поймете, что это всего лишь поэтическое преувеличение по отношению к любому хоббиту, даже к двоюродному прадедушке Старого Тука Тарабару, который был настолько велик (для хоббита), что мог ездить на лошади. Он бросился на боевые порядки гоблинов с горы Грам в битве на Зеленых полях и

деревянной дубиной снес голову их королю Гольфимбулу. Та отлетела на сотню ярдов и завалилась в кроличью нору. Так была выиграна битва, и появилась игра в гольф.

Тем временем не столь воинственный потомок Тарабара приходил в себя на кушетке. Немного оклемавшись и выпив пару глотков чая, он на цыпочках подкрался к двери, и вот что услышал:

«Хм! — так или примерно так хмыкнул Глоин. — Думаете, он нам сгодится? Хорошо Гандальфу говорить, будто этот хоббит грозен, но

одного такого вопля в
минуту опасности
достанет, чтобы разбудить
дракона и его родичей и
навлечь гибель на нас всех!
По мне это больше
смахивает на трусость, чем
на впечатлительность!
Вообще-то, если бы не знак
на двери, я бы решил, что
мы ошиблись домом. Едва я
увидел, как этот коротышка
пыхтит и подпрыгивает на
пороге, у меня закрались
сомнения. Да он больше
смахивает на лавочника,
чем на взломщика!».

Тут мистер Бэггинс повернул ручку и вошел. Туковская сторона окончательно взяла верх. Он вдруг понял, что готов обходиться без постели и завтрака, лишь бы прослыть грозным. Что до «коротышки, который пыхтит и подпрыгивает на пороге», тут он и впрямь рассвирепел почти как дракон. Не раз потом его бэггинсовская половинка сожалела о том, что случилось дальше, и он говорил себе: «Свалял же ты дурака, Бильбо. Сидел бы себе тихо, ничего бы не было».

— Простите, — сказал он, — что ненамеренно подслушал ваши слова. Не буду притворяться, будто

понимаю, о чем вы говорите, и, в частности, упоминание о взломщиках, но, думаю, что не погрешу против истины, — (это он называл держаться с чувством собственного достоинства), — заключив, что вы усомнились в моей пригодности. Что ж. На моей двери нет знаков (она покрашена неделю назад), и я убежден, что вы ошиблись домом. Как только я увидел на пороге ваши смешные физиономии, у меня закрались сомнения. Однако считайте, что пришли по адресу. Скажите, что вам нужно, и я постараюсь все выполнить, даже если придется отправиться на самый восточный восток и сражаться с

дикиими змеями-оборотнями в
Последней Пустыне. Мой
двоюродный прапрапрадед, Тарабар
Тук, некогда...

— Да, да, но это было давно, —
перебил Глоин. — Сейчас речь о Вас.
И уверяю, на двери был принятый
знак Вашего ремесла, во всяком
случае, принятый раньше. Взломщик
ищет хорошую работу, связанную с
опасностью, за разумную оплату —
вот как это читается. Можете
говорить не взломщик, а опытный
кладоискатель, некоторые
предпочитают именоваться так.
Гандальф сказал, что в здешних
краях живет охотник на такую работу
и что встреча нам назначена в среду

за чаем.

— Конечно, знак на двери есть, — сказал Гандальф. — Я его и оставил. И у меня были на то самые веские основания. Вы попросили найти вам четырнадцатого участника экспедиции, и я выбрал мистера Бильбо Бэггинса. Только скажите, что я выбрал не того спутника или не ту дверь, и можете отправляться втринадцатером, навлекая на себя неудачу, или дальше копать уголь.

Он воззрился до того свирепо, что гном Глоин втянул голову в плечи; когда же Бильбо попытался открыть рот, волшебник повернулся к нему и так насупил кустистые брови, что у хоббита пропала всякая охота

задавать вопросы.

— То-то, — сказал Гандальф. — Довольно спорить. Я выбрал мистера Бэггинса, и уж извольте с этим смириться. Если я сказал, что он Взломщик, значит, он Взломщик — или станет им, когда придет время. Этот хоббит далеко не так прост, как вам кажется или как он сам думает. Настанет день, когда вы скажете мне спасибо, если, конечно, доживете до тех пор. А теперь, Бильбо, будь другом, принеси-ка огня.

Когда Бильбо принес большую лампу с красным абажуром, волшебник расстелил на столе кусок пергамента, похожий на карту.

— Ее составил Трор, твой дед,

Торин, — сказал он в ответ на взволнованные расспросы гномов. — Это план Горы.

— Не думаю, чтобы он нам сильно помог, — разочарованно заметил Торин, взглянув на карту. — Я и без того хорошо знаю Гору с ее окрестностями. И знаю, где Сумрачный лес Мирквуд и Сожженная пустошь, родина великих драконов.

— Дракон отмечен красным, — вставил Балин, — но его и так несложно будет найти, если доберемся до места.

— Вы кое-что пропустили, — сказал волшебник, — и это потайной вход. Видите руну на западной

стороне, и к ней — указующий перст от других рун. Она отмечает потайную дверь в нижние чертоги.

— Может, дверь и была когда-то потайной, — ответил Торин, — однако старый Смауг так долго живет в этих пещерах, что давно изучил все входы-выходы.

— Да, но уже долгие годы не мог бы ей пользоваться.

— Почему?

— Потому что ход слишком узок.

«Дверь пять футов высотой, и трое в ряд могут пройти в нее»

гласят руны. Смауг не мог бы туда пролезть даже молодым и юрким драконом, а уж тем более после того, как сожрал столько гномов и людей Дейла.

— По мне так это очень большое отверстие, — пискнул Бильбо (он не был знаком с драконами, только с хоббичьими норами). От волнения и любопытства хоббит забыл, что надо держать рот на замке. Он любил планы, в прихожей у него висела большая карта округи, на которой красными чернилами были нанесены маршруты его любимых прогулок. — Как можно спрятать его ото всех, не говоря уже о драконе?

Не забывайте, что он был всего

лишь маленький хоббит.

— Разными способами, — сказал Гандальф. — Однако этого не узнать, пока не побываешь на месте. Из карты я заключаю, что там есть закрытая дверь, неотличимая от скалы. Так обычно делают гномы — верно?

— Совершенно верно, — подтвердил Торин.

— И еще, — продолжал Гандальф, — забыл упомянуть, что к карте прилагается ключ, маленький и весьма необычный. Вот он! — И волшебник протянул Торину длинный серебряный ключ с замысловатой бородкой. — Береги его!

— Буду беречь. — Торин пристегнул ключ к золотой цепи у себя на шее и убрал под одежду. — Что ж, это обнадёживает. До сих пор мы неясно представляли себе план наших действий. Мы думали, что двинемся на восток, как можно тише и осторожнее, и дальше к Долгому озеру. Там начнутся опасности.

— Гораздо раньше, если я что-нибудь знаю о восточных дорогах, — перебил Гандальф.

— Оттуда мы могли бы доехать вдоль реки Быстрой, — продолжал Торин, словно не слыша, — до развалин Дейла — вот этого старого города у подножья Горы. Однако никому из нас не хотелось бы идти

через Главные ворота на юге. Из них вытекает река и водопадом низвергается с отвесного склона; оттуда же вылетает дракон — чересчур часто, если он не изменил своему обычаю.

— Этот путь не годится, — сказал волшебник, — разве что с вами пошел бы могучий воин, даже герой. Я искал такого, но войны сражаются между собой в дальних краях, а в здешних землях они то ли почти, то ли совсем повывелись. Мечи затупились, топорами валят лес, в щитах качают младенцев или закрывают ими горшки, а драконы далеко (и потому в них никто не верит). Вот почему я остановился на

краже со взломом, особенно когда вспомнил про черный ход. А вот и наш маленький Бильбо Бэггинс, взломщик — избранный и отмеченный взломщик! Так что вперед, обсудим, что делать.

— Прекрасно, — кивнул Торин. — Быть может, опытный взломщик даст нам какой-нибудь дельный совет? — Он с притворной вежливостью повернулся к Бильбо.

— Во-первых, я хотел бы подробнее все выяснить, — сказал тот. Он чувствовал себя не очень уютно, но готов был с туковской решимостью идти до конца. — То есть, про золото, про дракона и про все прочее, как оно туда попало, кому

принадлежит, и так далее и тому подобное.

— Помилуйте! — вскричал Торин. — Разве у Вас нет карты? и разве Вы не слышали песню? и разве мы не битый час об этом твердим?

— И все равно я хотел бы услышать четко и ясно, — упрямо произнес Бильбо, напуская на себя деловой вид (*припасенный для тех случаев, когда к нему приходили просить в долг*) и всячески стараясь выглядеть мудрым, осмотрительным и хватким, чтобы оправдать отзывы Гандальфа. — Кроме того, я хотел бы знать про возможные опасности, накладные расходы, продолжительность, вознаграждение

и все в таком роде. — Этим он хотел сказать:

«Что я за это получу?
и вернусь ли домой
живым?».

— Хорошо, — кивнул Торин. —
Давным-давно, во времена моего
деда Трора, наша семья бежала с
далекого севера и вместе со всеми
богатствами и орудиями вернулась к
Горе, которую вы видите на карте. Ее
открыл мой далекий предок, Траин
Старый, но теперь в ней пробили
новые туннели и ходы, вырубili
просторные чертоги и мастерские, а
попутно, как я понимаю, нашли

немало золота и драгоценных камней. Так или иначе, гномы богатели, и слава их гремела по всей округе. Мой дед снова стал Королем-под-Горой; смертные люди, живущие на юге, оказывали ему всяческие почести. Они постепенно расселялись по реке Быстрой до самой долины у подножья Горы, где и построили веселый город Дейл. Их король посылал за нашими кузнецами и богато вознаграждал даже самых неумелых. Отцы умоляли взять сыновей в подмастерья и щедро платили за науку, по большей части съестными припасами, потому что не в нашем обычае сеять хлеб или пасти скот. Это были счастливые

дни, и даже у самого бедного из нас с избытком хватало денег, чтобы тратить и давать в долг, и свободного времени, чтобы мастерить искусные вещицы просто для удовольствия, не говоря уже о дивных и волшебных игрушках, подобных коим не сыщешь в нынешнем мире. Чертоги моего деда наполнились доспехами, оружием, драгоценными камнями и кубками, а на ярмарку игрушек в Дейле дивился весь север.

Без сомнения, это и привлекло дракона. Как вам известно, драконы похищают золото и самоцветы у людей, эльфов и гномов, где только найдут, и стерегут награбленное до окончания дней (то есть почти вечно,

если их не убьют), хотя нет им ни проку, ни радости даже от самого маленького медного колечка. Они не способны отличить искусную работу от неумелой, зато, как правило, точно знают, что сколько стоит; сами же ничего сделать не могут, даже починить отставшую чешуйку на своей броне. На севере об ту пору было много драконов, и золота, надо полагать, на всех не хватало, да ему и неоткуда было взяться: уцелевшие гномы бежали на юг, а драконы продолжали опустошать и без того разоренные земли. Жил тогда особенно алчный, сильный и злой дракон по имени Смауг. Однажды он взмыл в небо и устремился на юг.

Сперва мы слышали как бы ураган, налетевший с севера, и сосны на склонах Горы закрипели и затрещали под ветром. Те из гномов, кому случилось оказаться снаружи (я был среди этих счастливых — молодой и предприимчивый в те дни, я целыми днями лазил по округе, и это меня спасло) — так вот, мы издалека увидели, как дракон, точно огненный смерч, опустился на Гору. Потом он пополз вниз и добрался до леса, и лес вспыхнул. К этому времени в Дейле трезвонили все колокола, и воины облачались в доспехи. Гномы бежали к воротам; но там уже ждал змей. Никто не спасся. Река вскипела, туман

опустился на Дейл, и под прикрытием мглы дракон истребил большинство воинов — обычная скорбная повесть, увы, слишком частая в те годы. Потом он вернулся и вполз в главные ворота, и опустошил чертоги, туннели, ходы, жилые покои, погреба, закоулки и тупики. После этого живых гномов внутри не осталось, и змей забрал себе их богатство. Вероятно, он, по драконьему обыкновению, сгреб все в кучу и спит на нем, как на ложе. Позже он часто выползал из ворот и ночами совершал набеги на Дейл, где похищал людей, особенно девушек, чтобы потом сожрать, так что вскоре от Дейла остались одни развалины, а

уцелевшие люди бежали. Что там сейчас, точно не знаю, но вряд ли кто-нибудь живет ближе к Горе, чем на дальней стороне озера.

Те немногие из нас, кто были вне дома, рыдали в укрытии и проклинали Смауга, когда внезапно к нам присоединились мой дед и отец с опаленными бородами. Оба были мрачны и молчаливы. Когда я спросил, как они выбрались, мне велели придержать язык и пообещали, что я все узнаю в свое время и в должный срок. После этого мы пустились в путь и зарабатывали на хлеб по городам и весям низким кузнечным ремеслом и даже добычей угля. Однако мы не забыли свои

сокровища. Даже теперь, когда я, осмелюсь сказать, не жалуюсь на нужду и располагаю кое-какими средствами, — Торин погладил золотую цепь на шее, — мы по-прежнему мечтаем вернуть свои богатства и отомстить Смаугу — если сумеем.

Я часто гадал, как спаслись дед и отец. Теперь я вижу, что они знали про потайной ход, неведомый остальным. Однако они составили карту, и хотелось бы знать, как Гандальф ей завладел и почему сразу не отдал мне, законному наследнику.

— Я не «завладел», мне ее дали, — сказал волшебник. — Твой дед, Трор, пал в рудниках Мории от

рук Азога-гоблина...

— Да будет проклято его имя, — вставил Торин.

— А твой отец Траин ушел двадцать первого апреля, в прошлый четверг тому минуло сто лет, и ты его больше не видел.

— Чистая правда, — сказал Торин.

— Так вот, твой отец дал карту мне, чтобы я отдал тебе, и если я сам выбрал время и место, стыдно роптать, если вспомнить, как трудно было тебя найти. Твой отец своего имени не помнил, когда вручал мне этот пергамент, и не называл твоего; так что, в общем и целом, считаю, что заслужил благодарность. Вот. —

И он вручил карту Торину.^[1]

— Не понимаю, — сказал гном, и Бильбо с ним мысленно согласился. Объяснение ничего не объясняло.

— Твой дед, — медленно и мрачно начал волшебник, — вручил эту карту сыну перед тем, как отправиться в Морию. Когда он погиб, твой отец решил попытаться счастья с картой и пережил много пренеприятнейших приключений, но до Горы так и не добрался. Я нашел его пленником в застенках у Некроманта — уж не знаю, как он туда попал.

— Что ты там делал? — с содроганием спросил Торин, и все

ГНОМЫ ПОЕЖИЛИСЬ.

— Неважно. Кое-что выяснял, по обыкновению, — и опасное же это было занятие! Даже я, Гандальф, чудом унес ноги. Я пытался спасти твоего отца, но было поздно. Он повредился в уме и заговаривался, помнил только про карту и ключ.

— Мы давно поквитались с морийскими гоблинами, — сказал Торин. — Дойдет черед и до Некроманта.

— Полегче! Этого врага гномам не одолеть, даже если собрать их со всех четырех концов света. Твой отец хотел одного: чтобы его сын прочел карту и воспользовался ключом. Хватит вам за глаза Горы и дракона!

— Слушайте, слушайте! —
нечаянно сказал Бильбо, причем
вслух.

— Что?

Все разом повернулись к нему, и
Бильбо от растерянности выпалил:

— Слушайте, что я скажу!

— Так что же? — снова
спросили гномы.

— Ну, я бы сказал, что стоит
отправиться на восток и осмотреться
на месте. Есть черный ход, и даже
драконы когда-нибудь да спят.
Посидите на пороге и что-нибудь
непременно придумаете. И, знаете,
мне кажется, что мы для одной ночи
говорим уже слишком долго, если вы
меня понимаете. Как насчет того,

чтобы лечь сейчас и тронуться пораньше? Я накормлю вас плотным завтраком перед тем, как вы двинетесь в путь.

— *Двинемся,* Вы хотели сказать, — заметил Торин. — Разве не Вы взломщик? И разве не Ваше дело сидеть на пороге, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Однако насчет сна и завтрака я согласен. Перед долгой дорогой я предпочитаю яичницу из шести яиц с ветчиной, хорошенько прожаренную, и чтоб желтки не полопались.

Все остальные заказали себе завтраки, не добавив даже «пожалуйста» (чем немало раздосадовали Бильбо), и поднялись

из-за стола.

Ну и хлопот же было устроить их на ночь! Хоббиту пришлось стелить на стульях и диванах во всех свободных комнатах, так что в свою кроватку он ушел очень усталый и не слишком довольный. Одно он решил твердо: не вскакивать чуть свет и не готовить гномам их треклятые завтраки. Туковское в нем заметно пошло на убыль, и он вовсе не был уверен, что утром куда-нибудь отправится. В постели он слышал, как Торин напевает себе под нос в лучшей гостевой спальне прямо за стеной:

К вершинам далеким, к

туманам седым,
К ущельям, где вьется
заоблачный дым,
В скалистые горы, в
подземные норы
Уйдем за сокровищем
древним своим.

Под эту песню Бильбо заснул, и
спал беспокойно. Проснулся он
много позже рассвета.

Глава 2

Баранье жаркое

Бильбо подскочил, надел халат и кинулся в гостиную, но вместо гостей застал только следы обильного и поспешного завтрака. В комнате все было вверх дном, на кухне громоздилась грязная посуда. В ход пошли чуть ли не все его котелки и сковородки. Как ни хотелось Бильбо думать, что вчерашние гости привиделись ему в страшном сне, немытая посуда осязаемо убеждала в обратном. У него даже полегчало на сердце: гномы ушли, не потрудившись

разбудить хозяина (правда, и «спасибо» не сказали). Впрочем, к радости примешивалось легкое разочарование, удивившее его самого.

— Угомонись, Бильбо Бэггинс! — сказал себе хоббит. — В твои ли годы думать о драконах и прочей иноземной чепухе!

Поэтому он надел фартук, развел огонь, вскипятил воду и перемыл посуду, а засим уютно позавтракал на кухне, прежде чем приниматься за уборку в гостиной. К этому времени солнышко сияло, дверь стояла нараспашку, и в нее

задувал теплый весенний ветерок. Бильбо принялся громко насвистывать, мало-помалу забывая о вчерашних гостях. Он успел соорудить себе второй завтрак и уютно устроился у открытого окошка в гостиной, когда вошел Гандальф.

— Любезнейший, — сказал тот, — не стоит ли поторопиться? Кто-то говорил, что надо тронуться пораньше, а теперь сидит завтракает, или как у вас это называется, в половине одиннадцатого утра! Они не могли ждать, поэтому оставили записку.

— Какую записку? — спросил бедный Бильбо Бэггинс в полнейшем замешательстве.

— Силы слоновьи! — вскричал Гандальф. — Ты, наверное, совсем потерял голову, раз даже не протер каминную полку!

— Что если и не протер? Мне пришлось перемыть гору посуды!

— Если бы ты протер полку, то нашел бы под часами вот это. — Гандальф протянул Бильбо послание (написанное, разумеется, на собственной бумаге хозяина).

«Торин со товарищи
взломщику Бильбо —
здравствовать!

Всеглубочайше
признательны за оказанное
гостеприимство;

предложенную
профессиональную помощь
с благодарностью
принимаем. Условия:
оплата наличными по
получении, в размере до
(но не сверх) одной
четырнадцатой общей
прибыли (при
благоприятном исходе
предприятия); дорожные
издержки в любом случае,
возмещение похоронных
расходов нами или нашими
представителями, буде
возникнет такая
надобность и дело не
устроится каким-то иным

образом.

Не видя
необходимости тревожить
ваш досточтимый сон, мы
отбыли для завершения
необходимых сборов и
будем ожидать Вас в корчме
«Зеленый дракон», Заречье,
в 11 утра ровно.
Рассчитываем на Вашу
пунктуальность.

Честь имеем
оставаться,

Искренне Ваши,

*Торин со
товарищи»*

— Осталось десять минут.
Придется бежать, — сказал
Гандальф.

— Но... — начал Бильбо.

— Некогда, — сказал
волшебник.

— Но... — снова начал Бильбо.

— Тоже некогда. Марш!

До конца своих дней Бильбо не мог понять, как очутился на улице без шляпы и трости, да и вообще без денег и всего, с чем обычно выходил из дому; он помнил только, что, не доев завтрак и не вымыв посуду, сунул Гандальфу ключи и со всех мохнатых ног припустил по аллее, мимо большой мельницы, через Реку и отмахал еще милю с лишком. И как

же он запыхался, когда добежал до Заречья с одиннадцатым ударом часов и обнаружил, что не захватил с собой носового платка!

— Браво! — воскликнул Балин, который стоял в дверях корчмы и смотрел на Бильбо.

В этот самый миг из-за поворота дороги показались остальные гномы. Все они ехали на пони, обвешанных тюками, вьюками, мешками и прочими причиндалами. Имелся и совсем маленький пони, очевидно, для Бильбо.

— В седло, не мешкая! — призвал Торин.

— Приношу извинения, — промолвил Бильбо, — но я вышел без

шляпы и оставил дома носовой платок, к тому же у меня нет при себе денег. Я получил вашу записку только в десять сорок пять, чтобы быть совсем точным.

— Не будьте совсем точным, — сказал Двалин, — и не горюйте! Научитесь обходиться без носового платка, да и без многого другого. Что до шляпы, у меня есть лишний плащ с капюшоном.

И так они тронулись в путь, трясясь на нагруженных пони, погожим апрельским утром; на Бильбо был темно-зеленый капюшон (несколько выцветший) и такой же плащ. Одежда Двалина сидела на нем мешком, и выглядел он довольно

забавно. Что об этом подумал бы его отец Банго, предположить не решаюсь. Утешало Бильбо одно: без бороды его никто за гнома не примет.

Довольно скоро их догнал Гандальф верхом на белом коне. Он привез Бильбо кучу носовых платков, а также табак и трубку. После этого ехали очень весело, пели песни и рассказывали истории. В седлах провели весь день, за исключением того времени, когда спешивались перекусить. Это случалось реже, чем хотел бы Бильбо, и все же приключение ему нравилось.

Сперва их путь лежал через хоббитские земли, населенные приличным народом, с хорошими

дорогами. Здесь попадались постоянные дворы; иногда путники встречали бредущего по делам фермера или гнома. Дальше пошли места, где жители говорили иначе, чем Под Холмом, и пели песни, которых Бильбо прежде не слышал. Наконец въехали в Глухой край, где не было ни жилья, ни гостиниц, а дороги становились менее и менее проезжими. Впереди темнели лесистые холмы; они поднимались выше и выше, превращаясь в отроги гор. Порою их венчали замки, зловещие, как будто их выстроил какой-то недобрый народ. Все было хмуро, даже погода испортилась. До сих пор май стоял, как в сказке, и

даже лучше; теперь же стало сыро и холодно. Прежде они останавливались, где придется, но хотя бы в сухости.

«Подумать только, что скоро июнь», — ворчал Бильбо, трясясь в хвосте кавалькады. Время чая уже миновало, лил проливной дождь, с капюшона капало на глаза, плащ отяжелел от воды, усталый пони оступался на камнях в жидкой грязи; путники ехали нахохлившись и не разговаривали.

«Наверняка намочило уже и одежду, и припасы в седельных сумках, — думал Бильбо. — Тьфу на эти

приключения и все, что с ними связано! Вот бы оказаться в уютной норе у камелька, рядом с поющим чайником!»

Сколько раз еще предстояло ему о них вспомнить!

Однако гномы продолжали путь, не оборачиваясь и не обращая на хоббита внимания. Где-то за серыми тучами солнце, вероятно, спряталось за горизонт, потому что начало смеркаться, когда они спустились в глубокую долину. Поднялся ветер, ивы у рекигнулись и вздыхали. По счастью, дорога шла по древнему каменному мосту, ибо река,

вздувшаяся от дождей, стремительно катила свои воды с северных гор.

Когда отряд переправился на другой берег, уже совсем стемнело. Ветер разорвал серые облака, и сквозь ключья туч, над горами, проглянула странница-луна. Все остановились, и Торин пробурчал что-то насчет ужина и сухого места для сна.

Только тут заметили, что нет Гандальфа. До сих пор волшебник ехал с честной компанией, не объясняя, участвует ли в приключении или просто им пока по пути. Он ел больше всех, говорил больше всех и больше всех смеялся. А теперь вот взял да исчез!

— Как раз когда волшебник особенно пригодился бы! — простонали Дори и Нори (*они были согласны с хоббитом, что есть надо часто, регулярно и помногу*).

В конце концов решили остановиться на ночлег прямо здесь. Отыскали рощицу; здесь было чуть суше, хотя ветер стряхивал дождевую влагу с листвы, и постоянное «кап-кап» действовало угнетающе. Кроме того, костер словно нарочно артачился. Гномы умеют разводить огонь почти в любом месте, на любом ветру и практически из ничего, но сегодня это не удавалось даже лучшим костровым Оину и Глоину.

Потом один пони испугался без всякой причины и рванулся прочь. Он успел забежать в реку, и, пока его вытаскивали, Фили и Кили чуть не утопили, а всю поклажу снесло течением — разумеется, именно съестные припасы, так что на ужин остались сущие крохи, а на завтрак и того меньше.

Все сидели злые и мокрые, покуда Оин и Глоин пытались развести костер и ругали друг друга, оттого что ничего не выходит. Бильбо размышлял о том, что приключения — это не только катание на пони теплым майским деньком, когда Балин — он всегда стоял на часах — сказал:

— Там свет!

Чуть подальше высился холм, поросший лесом, местами весьма густым. В глубине за деревьями приветно мерцал красноватый огонек — то ли костер, то ли факелы. Путники некоторое время всматривались во тьму, потом заспорили. Одни говорили «да», другие — «нет». Некоторые убеждали, что стоит просто пойти и посмотреть, и все лучше, чем скудный ужин, еще более скудный завтрак и ночь в мокрой одежде. Другие говорили:

«Места это
малоизвестные, никакому

королю не подвластные. Путники теперь редко сюда забредают, а от старых карт никакого толку — все изменилось к худшему и дороги никто не охраняет. Мы слишком близко к горам, и чем меньше любопытствовать по дороге, тем будем целее».

Третьи возражали:

«Нас, как-никак, четырнадцать».

Четвертые спрашивали:

«Куда подевался

Гандальф?».

Это повторяли все.

Тут дождь полил пуще прежнего, а Оин с Глоином передрались. Это убедило самых осторожных.

«В конце концов, с нами взломщик»,

— решили гномы и двинулись на свет, ведя в поводу пони (*со всеми подобающими предосторожностями*).

Они подошли к холму и вскоре углубились в лес. Склон полого уходил вверх, но ни тропы, ни дороги, которая вела бы к жилью, видно не было, и пришлось им в крошечной тьме с шумом и

треском (*а также ворчанием и бранью*) ломиться через чащу.

Вдруг красный огонек блеснул за деревьями совсем близко.

— Теперь черед взломщика, — сказали гномы, имея в виду Бильбо.

— Иди и разведай, чей это костер, и зачем горит, и все ли чинно и безопасно, — распорядился Торин. — Ступай не мешкая и возвращайся бегом, если все окажется хорошо. Если нет, возвращайся, коли сможешь. Не сможешь — ухни два раза совой-сипухой и один раз совой-сплюшкой, и мы уж постараемся помочь.

Бильбо сорвался с места, не успев объяснить, что так же не

способен ухнуть совой, как взлететь нетопырем. Одно хорошо — хоббиты умеют беззвучно двигаться в лесу, совершенно беззвучно. Это предмет их гордости, и Бильбо по пути не раз фыркнул на то, что назвал про себя «всем этим гномьим треском», хотя, убежден, вы или я ничего не услышали бы в такую ненастную ночь, даже если бы вся кавалькада прошла от нас в двух шагах. Что до Бильбо, осторожно крадущегося к костру, думаю, и хорек не повел бы в его сторону ухом. Так что, естественно, он подобрался к самому огню, никого не потревожив. И вот что увидел.

У огромного костра из буковых

поленьев сидели три великана. Они жарили баранину на длинных жердях и облизывали с пальцев мясной сок. Запах шел самый аппетитный. Рядом стоял бочонок, и все трое держали в руках кружки. Но это были тролли. Явные тролли. Даже домосед Бильбо их узнал: по грубым лицам, по размеру, по очертаниям ног, не говоря уже о речи, ну совсем-совсем не салонной.

— Баранина вчера, баранина сегодня, и плюньте мне в глаз, коли завтра снова не будет баранина, — сказал один.

— И хрящика человеческого не было у меня на зубу уж не припомню сколько, — сказал второй. — О чем

Вильям думал, прах его побери, когда тащил нас в эти края? Вот и пиво кончается, — добавил он, толкая под локоть Вильяма, который как раз прихлебывал из кружки.

Вильям подавился.

— Попридержи язык! — сказал он, продышавшись. — Так и будут людишки здесь дожидаться, чтобы брюхо твое потешить. Вы с Бертом полторы деревни на двоих разъели с тех пор, как мы с гор спустились, а вам все мало? А ведь было время, говорили:

«Спасибо тебе, Билл,
за жирного равнинного
барашка!».—

Он откусил от бараньей ноги, которую поджаривал, и утер рукавом рот.

Да, боюсь, тролли ведут себя именно так, даже те, у которых по одной голове. И вот тут-то бы хоббиту и сообразить. Он мог тихо вернуться к друзьям и предупредить, что поблизости три громадных тролля в скверном расположении духа, готовые для разнообразия поужинать жареным гномом или даже пони. Настоящий легендарный вор-взломщик к этому времени уже быстренько обчистил бы троллям карманы — там всегда найдется что-нибудь стоящее, если сумеешь до них добраться, — позаимствовал бы

баранину с вертела и стянул бочонок, а они бы даже не заметили. Другой — более практичный, но менее разборчивый — мог бы исподтишка заколоть всех троих кинжалом, а затем весело провести ночь у костра.

Бильбо все это знал. Он почерпнул из книг немало такого, чего никогда не видел и не совершал в жизни. Ему было очень страшно и противно; хотелось очутиться за сотни миль отсюда, но все же что-то мешало вернуться к Торину с пустыми руками. Из краж, о которых хоббит слышал, самой несложной представлялась карманная, поэтому он прокрался к дереву у Вильяма за спиной.

Берт и Том подошли к бочонку. Вильям снова припал к кружке. Бильбо набрался смелости и сунул руку в его обширный карман. Там лежал огромный кошель, для Бильбо — целый мешок.

«Ха! — подумал хоббит, вытаскивая добычу (новая работа положительно ему нравилась). — С почином тебя, Бильбо!».

Так-то оно так, да тролльский кошелек — штука коварная, и этот не был исключением. «Эй, ты кто?» — пискнул он, вылезая из кармана, и

Вильям, мигом обернувшись, схватил Бильбо за шею, прежде чем тот успел юркнуть за дерево.

— Прах меня побери, Берт, смотри, кого я поймал! — сказал Вильям.

— Это кто? — спросили два других тролля, подходя.

— Почему я знаю! Ты кто такой?

— Бильбо Бэггинс, взло... хоббит, — пролепетал бедный Бильбо, трясясь мелкой дрожью и гадая, как бы ухнуть совой, пока не придушили.

— Взлохоббит? — переспросили они с некоторым удивлением.

Тролли туго соображают и с

опаской относятся ко всему новому.

— И что понадобилось взлохоббиту у меня в кармане? — спросил Вильям.

— И можно ли их готовить? — спросил Том.

— Попробуем, — сказал Берт, берясь за вертел.

— Да от него и на укус не останется, как освежуешь, — заметил Вильям, который уже плотно поужинал.

— Может, здесь еще такие бегают. Глядишь, и на пирог хватит... Эй, ты, паршивый крольчишка, много в лесу вашего брата? — спросил Берт, разглядывая мохнатые хоббитские ступни, затем поднял Бильбо за ноги

и встряхнул.

— Много, — ответил Бильбо и тут же вспомнил, что друзей выдавать нельзя. — Нет, ни одного, никогошеньки, — добавил он сразу.

— Это как? — удивился Берт, держа его головой вверх, на этот раз — за волосы.

— Так, — с трудом выговорил Бильбо. — И, пожалуйста, не готовьте меня, господа хорошие! Я сам повар, хоть куда, и готовлю лучше, чем в готовке, если вы меня понимаете. Я буду вам прекрасно готовить и состряпаю вам отличный завтрак, если вы не съедите меня на ужин.

— Ах ты бедолага, —

растрогался Вильям. Он уже до отказа набил живот, к тому же выпил немало пива. — Ах ты бедолага. Отпусти его!

— Не отпущу, пока не объяснит, что значит много и ни одного, — заявил Берт. — Не хочу, чтобы мне во сне перерезали горло. Подержать его пятками над костром, пока не заговорит!

— Не позволю, — сказал Вильям. — Это я его поймал.

— Ты жирный дурак, Вильям, — сказал Берт. — Я весь вечер это твержу.

— А ты — остолоп!

— Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! — сказал Берт и двинул

Вильяма в глаз.

Началась свара. Бильбо совсем растерялся. Когда Берт бросил его на землю, он еле-еле сумел отползти в сторонку, чтобы не затоптали. Тролли дрались, как бешеные, громко обзывая друг друга разными уместными и подобающими словами. Вскоре они сцепились и в обнимку покатались едва ли не в костер, брыкаясь и пинаясь, а Том охаживал обоих веткой, чтобы привести в чувство, отчего те, естественно, только больше распалялись.

Тут бы хоббиту и сбежать. Однако Берт своей лапищей помял его бедные маленькие ножки, голова шла кругом, он еле дышал, поэтому

остался лежать, отдуваясь, сразу за кругом света от костра.

В самый разгар потасовки явился Балин. Гномы издалека слышали шум, и, не дождавшись ни Бильбо, ни совиного крика, один за другим крадучись двинулись к огню. При виде Балина Том оглушительно взвыл. Тролли терпеть не могут гномов (по крайней мере, сырыми). Берт и Билл тут же перестали драться, и — «Мешок, Том, живо», — сказали они.

Прежде чем Балин, гадавший, где в этой суматохе Бильбо, успел сообразить, что к чему, его поймали в мешок и повалили на землю.

— Это не последний, — сказал

Том, — или я сильно ошибаюсь. Много и ни одного, так и есть. Ни одного взлохоббита и много гномов, я так разумею.

— Сдается, ты прав, — сказал Берт. — Так что отойдем-ка от света.

Сказано — сделано. Держа наготове мешки, в которых носили баранов и другую поживу, тролли притаились в тени. Как только очередной гном появлялся из-за деревьев и останавливался, в недоумении глядя на костер, опрокинутые кружки и обглоданные кости, ему — хлоп! — накидывали на голову зловонный мешок. Вскоре рядом с Балином лежали Двалин, Фили и Кили в одном мешке и тут же

Дори, Нори и Ори, а Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур были свалены в кучу возле костра.

— Будет им урок, — сказал Том. Бифур и Бомбур заставили троллей попотеть и отбивались, как одержимые — гномов вообще голыми руками не возьмешь.

Торин появился последним. Он был готов к неожиданностям и ему не надо было видеть торчащие из мешков ноги, чтобы понять — не все тут ладно. Гном остановился под деревьями на некотором отдалении и спросил:

— Что случилось? Кто повалил моих спутников?

— Тролли! — прошептал из-за

дерева Бильбо. Про него в пылу схватки позабыли. — Прячутся в кустах с мешками.

— Ах, вот как! — вскричал Торин и прыгнул к костру раньше, чем тролли метнулись к нему. Он выхватил из костра огромную головню и ткнул ею Берту в глаз. Тролль на некоторое время выбыл из сражения. Бильбо помогал, как мог. Он ухватил Тома за ногу — толстую, что молодое деревце — но тут же отлетел в кусты, когда Том ударом башмака запустил горящие уголья Торину в лицо.

За это он получил головней по физиономии и лишился переднего зуба. Надо было слышать, как он

взвыл. Однако в этот миг из-за деревьев выскочил Вильям и с головой накрыл Торуна мешком. На этом бой закончился. Угодили гномы в переделку: лежали, аккуратно упакованные в мешки, а рядом сидели три сердитых тролля (двое, к тому же, обожженные и в ссадинах) и спорили, зажарить их на медленном огне, или мелко порубить и сварить, или просто посидеть на каждом, чтобы расплющить всмятку; а Бильбо за кустом, поцарапанный, в рваной одежде, не смел шелохнуться из страха, что его услышат.

Тут-то и вернулся Гандальф. Однако никто его не увидел. Тролли только что решили зажарить гномов

сейчас и съесть позже — мысль принадлежала Берт, и после долгих споров сошлись на ней.

— Чего сейчас жарить, всю ночь провозимся, — возразил голос.

Берту показалось, что это Билл.

— Не начинай снова-здорово, — сказал Берт, — не то провозимся всю ночь.

— Кто из нас спорит? — буркнул Вильям, который думал, что это Берт.

— Ты, — сказал Берт.

— Врешь, — ответил Вильям, и перебранка началась по новой. В конце концов решили порубить и сварить; достали огромный черный котел и вытащили ножи.

— Нет, не годится! Воды у нас нет, а до родника далеко, — протянул голос.

Берт и Вильям подумали, что это Том.

— Помалкивай! — сказали они, — не то снова увязнем. А будешь перечить, сам и пойдешь за водой.

— Сам помалкивай! — огрызнулся Том, который думал, что говорит Вильям. — Кто спорит, хотел бы я знать, если не ты?

— Олух! — сказал Вильям.

— Сам олух! — ответил Том.

И они опять заспорили, еще более ожесточенно, и наконец решили посидеть на мешках и

раздавить гномов, а утром сварить.

— На кого сядем? — спросил голос.

— Лучше на того, что пришел последним, — сказал Берт, которому Торин заехал головней в глаз. Он думал, что говорит Том.

— Взял манеру болтать сам с собой! — пробурчал Том. — Хочешь — сиди на последнем. Это который?

— В желтых чулках, — сказал Берт.

— Чепуха, в серых, — возразил голос Вильяма.

— Точно помню, в желтых, — сказал Берт.

— В желтых он и был, — подтвердил Вильям.

— А чего ты говоришь, будто в серых? — возмутился Берт.

— Это не я. Это Том.

— Вовсе не я, — сказал Том, — а ты.

— Двое против одного, и заткнись! — сказал Берт.

— Ты кому? — спросил Вильям.

— Хватит! — сказали вместе Том и Берт. — Ночь кончается, скоро рассвет. Давайте покончим с этим!

— Рассвет вас застанет, и камнем каждый станет! — произнес голос Вильяма, только это был не Вильям. В следующий миг над холмом блеснуло солнце, в ветвях громко запели птицы. Вильям не говорил, потому что он, как стоял,

нагнувшись, так и окаменел. Берт и Том застыли, глядя на него, подобно утесам. Там они и высятся по сю пору, и только птицы, присев на каменные головы, скрашивают их одиночество; ибо тролли, как вам, наверное, известно, должны до зари укрыться под землей, иначе возвратятся в то, из чего сделаны горы, и больше не смогут двинуться. Именно это случилось с Бертом, и Томом, и Вильямом.

— Превосходно! — сказал Гандальф, выступая из-за деревьев и помогая хоббиту выбраться из колючего куста. Тут-то Бильбо все понял. Это волшебник голосами троллей вмешивался в разговор,

всячески подначивая и подзуживая, пока рассвет не обратил их в камень.

Следующим делом было развязать мешки и выпустить гномов. Они чуть не задохнулись и были очень злы: поди полежи, слушая, как тролли собираются изжарить тебя, порубить и раздавить! Бильбо пришлось дважды повторить свой рассказ, прежде чем они успокоились.

— Самое время упражняться в карманных кражах, — проворчал Бомбур, — когда нам нужны были только еда и огонь!

— Вот их-то бы тролли без драки не уступили, — заметил Гандальф. — И вообще, вы напрасно

тратите время. Разве не ясно, что где-то рядом пещера, в которой тролли укрывались от солнца! Надо ее обследовать.

Они поискали и вскоре нашли следы каменных тролльских башмаков, ведущие за деревья. Следы уходили на холм, к кустам, за которыми и пряталась большая каменная дверь в пещеру. Однако, сколько ни толкали, она не открывалась, даже после того, как Гандальф попробовал несколько заклинаний.

— А это не поможет? — спросил Бильбо, когда все порядком устали и разозлились. — Лежало на земле, там, где дрались тролли. —

Он протянул огромный ключ (без сомнения, Вильям считал его совсем крохотным и незаметным). По счастью, тролль выронил его из кармана перед тем, как обратиться в камень.

— Что же ты раньше молчал? — закричали все.

Гандальф схватил ключ и вставил в замочную скважину. Каменная дверь подалась от первого же сильного толчка, и все вошли в пещеру.

На полу валялись кости, в воздухе висело зловоние, однако на полках и на полу лежало в беспорядке немало еды вперемежку с награбленным добром — от медных

пуговиц до горшков с золотом по углам. По стенам висела одежда, явно слишком маленькая для троллей — боюсь, она принадлежала несчастным жертвам, — а кроме того, несколько мечей различной работы, размера и формы. Два особенно привлекали внимание — в богато изукрашенных ножнах и с драгоценными рукоятями. Их взяли Торин и Гандальф, а Бильбо выбрал себе кинжал в кожаных ножнах. Для тролля это был бы крошечный карманный ножичек, для хоббита — скорее короткий меч.

— Добрые клинки, судя по виду, — сказал Гандальф, еще раз до половины вытаскивая мечи из ножен

и с любопытством их оглядывая. — Работа не троллей и не кузнецов из числа здешних людей; когда мы прочтем руны на лезвиях, то узнаем, кто их ковал.

— Давайте выйдем из этого смрада! — сказал Фили.

Они вынесли наружу горшки с золотом, те припасы, которые выглядели нетронутыми и годными в пищу, а также непчатый бочонок эля. К этому времени все проголодались и не стали воротить нос от тролльской еды. Их собственный провиант был на исходе. Теперь появились хлеб, сыр, вдоволь эля и ветчины, чтобы жарить на углях. После еды легли спать,

наверстывая упущенный сон, и до послеобеденного часа только отдыхали. Потом они собрали разбежавшихся пони и зарыли горшки с золотом на берегу реки неподалеку от дороги, и наложили на них множество заклятий, на случай, если когда-нибудь вернутся и смогут их откопать. Покончив с этим, все сели в седла и двинулись по дороге дальше на восток.

— Где ты был, если не секрет? — спросил Торин Гандальфа.

— Смотрел вперед, — отвечал волшебник.

— А как догадался вернуться в последний миг?

— Оглянулся назад, — был ответ.

— Исчерпывающе! — сказал Торин. — Но нельзя ли пояснее?

— Я поехал разведать дорогу. Вскоре она станет опасна и трудна. Кроме того, я думал, как бы нам пополнить запасы продовольствия. Впрочем, отъехал я недалеко и сразу встретил двух знакомцев из Ривенделла.

— Это где? — спросил Бильбо.

— Не перебивай! — сказал Гандальф. — Если повезет, ты будешь там через несколько дней, и сам все увидишь. Я говорил, что встретил двух соплеменников Эльронда. Они спасались бегством, потому что, как

сказали мне, три тролля спустились с гор и обосновались в лесу, недалеко от дороги, распугали всю округу и теперь подстерегают проезжих. Я тут же почувствовал, что надо возвращаться. Оглянувшись назад, я увидел вдали огонь и двинулся на него. Теперь вы все знаете. Пожалуйста, впредь будьте осторожнее, не то мы далеко не уедем.

— Спасибочки! — отвечивал Торин.

Глава 3

Передышка

В тот день они не пели и не рассказывали историй, и на второй и на третий тоже, хотя погода наладилась. Путники чувствовали, как со всех сторон подступает опасность. Ночевали под звездами, и пони ели сытнее, чем седоки, потому что травы было вдоволь, а седельные сумки быстро пустели, даже после того, как их пополнили в пещере у троллей. Как-то утром пришлось переходить вброд неглубокую, но бурную реку. Дальний берег оказался крутым и скользким. Ведя в поводу

пони, они выбрались на обрыв и увидели совсем близко горы. Казалось, до подножия ближайших не более дня пути. Темны и мрачны вздымались вершины, хотя бурые склоны кое-где освещало солнце, а вдали сверкали снежные пики.

— Это Гора? — благоговейно спросил Бильбо, глядя вперед круглыми от изумления глазами. Он в жизни не видел ничего такого большого.

— Конечно, нет! — отвечал Балин. — Это всего лишь отроги Мглистых гор, и нам предстоит пройти сквозь них, или по ним, или под ними, прежде чем мы попадем в Безлюдные края. А оттуда еще

долгий путь к Одинокой горе на востоке, где стережет наши сокровища Смауг.

— О! — протянул Бильбо и почувствовал себя усталым, как никогда прежде. Он снова вспомнил уютное креслице у камина в своей любимой гостиной и песенку чайника. Не в последний раз!

Теперь кавалькаду возглавлял Гандальф.

— Главное не сбиться с пути, не то плохо придется, — сказал он. — Во-первых, нам нужно пополнить припасы и отдохнуть в более-менее безопасном месте. К тому же переваливать Мглистые горы надо по правильной дороге, иначе заплутаете

и вынуждены будете возвращаться обратно, чтобы начать все сначала (если вообще сможете вернуться).

Его спросили, куда он направляется, и волшебник ответил:

— Как некоторым из вас известно, мы на самой границе Дикого края. Где-то впереди укрылась прекрасная долина Ривенделла, где в Последнем Приветном доме обитает Эльронд. Я послал ему весточку с друзьями, и нас ждут.

Слова Гандальфа всех обнадежили, но не так-то легко разыскать Последний Приветный дом к западу от гор. Впереди не видно было ни деревьев, ни лощин,

ни холмов, только обширный склон, полого вздымающийся к ближайшей горе — ровное каменистое пространство, заросшее редким вереском, да еще полосками травы и мха над невидимыми ручьями.

Прошло утро, наступил день, а в окружающем безмолвии по-прежнему не угадывалось никаких признаков жилья. Путники начали тревожиться. Понятно было, что дом может прятаться где угодно между ними и горами. Иногда под ногами открывались теснины, и, заглянув вниз, они с удивлением видели деревья и бегущие по дну ручьи. Встречались и такие, через которые можно было перепрыгнуть, но очень

глубокие, с водопадами. Были узкие темные расселины, которые можно было только объехать. Попадались топи, часто похожие на зеленые полянки в ярких и высоких цветах; но нагруженный пони, ступив туда, никогда бы не выбрался обратно.

Местность от брода до гор и впрямь была куда более дикой, чем вы можете вообразить. Бильбо только дивился. Единственную дорогу отмечали белые камни, порою совсем мелкие; многие из них наполовину заросли мхом и вереском. Ехать быстро не получалось даже с таким проводником, как Гандальф.

Волшебник поводил бородой из

стороны в сторону, выискивая глазами белые камни. Остальные ехали за ним, однако к вечеру стало казаться, что они за весь день так и не приблизились к цели. Время чая давно прошло, наступил час ужина, но и его, судя по всему, предстояло провести в седле. Повсюду кружили ночные бабочки, смеркалось, луна еще не возшла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о камни. Кавалькада выехала на край обрыва. Земля так круто уходила из-под ног, что конь Гандальфа чуть не соскользнул вниз.

— Наконец-то! — воскликнул волшебник. Все остальные подъехали к нему и посмотрели с обрыва.

Далеко внизу лежала долина. Слышался плеск воды по каменистому ложу, пахло деревьями, за рекой поблескивал огонек.

Бильбо навсегда запомнил, как они, скользя и оступаясь, съезжали в сумерках по крутой, змеящейся тропке в сокровенную лощину Ривенделла. Чем ниже они спускались, тем теплее становился воздух, от запаха сосен клонило в сон; хоббит то и дело задремывал и тыкался носом в лошадиную шею.

Все повеселели. Сосны сменились дубами и буками, сумерки дышали теплом и уютом. Трава казалась уже почти серой, когда они выехали наконец на открытую

поляну недалеко от ручья.

«Хм! Попахивает эльфами», —
подумал Бильбо и взглянул на яркие
голубые звезды. И тут за деревьями,
словно смех, зазвучала песня:

Зачем вы спешите?
Куда вы стремитесь?
Чего вы хотите,
Мой доблестный витязь?
Прохладная речка
Светла и тиха,
Упало колечко
С руки...
Ха-ха-ха!
Зачем торопиться
В туманные дали?
Погасла зарница,

Лошадки устали.
О, тра-ля-ля-ляли!
Погодка тиха,
Лепешки пекутся
В костре...
Ха-ха-ха!
Куда вы, скажите,
Глухими тропами,
В потемки спешите
Тряся бородами?
Эй, Двалин и Балин,
Давно не видались!
Ба, сам мистер Бэггинс!
Откуда вы взялись?
Ха-ха!
К чему торопиться?
Не лучше ль остаться?
Водичка струится,

В долине прохладца.
Поем мы и пляшем
Все ночь до рассвета
В убежище нашем
Под песенку эту:
Ха-ха!

Так эльфы смеялись и пели между деревьями — сущий вздор, сказали бы вы. Они бы не обиделись, только рассмеялись еще громче. Вскоре Бильбо различил в полумраке неясные очертания. Он любил эльфов, хотя редко их видел; но и опасался немного. Гномы не очень-то их жалуют. Даже такие достойные гномы, как Торин и его друзья,

находят эльфов глупыми (что само по себе глупо) и даже несносными. Дело в том, что некоторые эльфы дразнят гномов и особенно потешаются над их бородами.

— Ах, ах! — пропел голос. — Только глянь! Бильбо-хоббит верхом на пони! Ну разве не мило?

— Просто загляденье!

И они начали новую песню, такую же вздорную, как та, что вы только прочли. Потом один эльф, высокий и юный, выступил из-за деревьев и поклонился Гандальфу с Торином.

— Приветствуем вас в долине! — сказал он.

— Спасибо, — буркнул Торин,

но Гандальф уже спешился и весело разговаривал с эльфами.

— Вы немного сбились, — сказал эльф, — если хотели выехать на единственную дорогу через реку к дому. Мы вам ее покажем, но до моста лучше идти пешими. Останетесь с нами и попоете, или двинетесь прямо сейчас? Ужин готовится, я чую запах горящих поленьев.

Бильбо, хоть и вымотанный дорогой, охотно задержался бы в лесу. Не всякому выпадает послушать эльфийские песни в летнюю ночь. Кроме того, ему хотелось бы перемолвиться парой слов с этими незнакомцами, которым, казалось,

известно о нем все, и спросить, что думают они о его приключении. Эльфы — всезнайки; новости доходят до них быстрее, чем течет вода. Однако гномы не желали слышать ни о чем, кроме ужина, поэтому отряд двинулся вперед, взяв пони под уздцы.

Вскоре эльфы вывели их на торную тропу у самой реки, быстрой и шумной, как всякий горный поток летним вечером, когда солнце весь день светит на ледники. Через реку был перекинут узкий каменный мостик без перил, только-только для пони. Путники перешли на другой берег, очень осторожно и медленно, ведя пони в поводу. Эльфы вынесли

на берег яркие фонари и распевали веселые песни, пока хоббит, Гандальф и гномы перебирались по мосту.

— Не намочи бороду, папаша! — кричали они Торину, который разве что не полз на карачках. — Она и без полива вон какая выросла!

— Смотрите, чтобы Бильбо не съел все плюшки! — смеялись эльфы. — Он и без того слишком упитанный — глядишь, не пролезет в замочную скважину!

— Шш, шш! Добрый народ! и доброй вам ночи, — сказал Гандальф, шедший последним. — У долин есть уши, а у некоторых эльфов слишком веселые языки.

Доброй вам ночи!

И так они наконец подошли к Последнему Приветному дому и нашли его двери широко открытыми.

Странное дело: о хорошем рассказываешь быстро, да и слушать особенно нечего, а вот из плохого, неуютного и даже страшного получается длинная захватывающая повесть. Путники прожили в этом чудесном доме довольно долго, не меньше четырнадцати дней, и все равно не хотели уезжать. Бильбо охотно остался бы здесь навсегда, даже если бы мог без труда, силой желания перенестись в хоббичью нору. Однако рассказывать об этом времени почти нечего.

Хозяин дома был друг эльфов — один из тех, чьи предки упоминаются в легендах о давних войнах между гоблинами, эльфами и первыми людьми на севере. В пору, о которой мы говорим, еще жили те, кто вели свой род и от эльфов, и от героев севера, а Эльронд, хозяин дома, был у них предводителем — благородный и прекрасный лицом, как эльф, сильный, как воин, мудрый, как волшебник, величавый, как король гномов, и добрый, как лето. О нем повествуется во многих сказаниях, но в истории Бильбо он появляется ненадолго, хотя роль его очень важна, как вы увидите, если мы когда-нибудь доберемся до конца.

Все в его доме было замечательно, любите ли вы есть, спать, трудиться, рассказывать истории, петь, просто сидеть и думать или всего помаленьку. Злу не было дороги в эту долину.

Жаль, нет времени привести вам хотя бы несколько историй или одну-две песни, которые слышали путники в этом доме. Все, включая пони, окрепли и отдохнули. Для порванной одежды сыскались иголка и нитка, для ссадин и синяков — лекарство, для упавшего духа — слова ободрения, для дальнейшей дороги — добрый совет. Мешки наполнили провизией, легкой, но сытной, чтобы преодолеть горные

перевалы. Близился канун летнего солнцестояния; на следующий день отряд должен был со светом тронуться в путь.

Эльронд знал все и всяческие руны. Взглянув на мечи из пещеры троллей, он сказал:

— Это ковали не тролли, а Высокие эльфы Запада, мои родичи, давным-давно, в Гондолине, для войн с гоблинами. Видимо, они побывали добычей гоблинов или драконов, которые в древние времена разрушили город. На этом мече, Торин, написано рунами имя Оркрист, Гоблинобойца на древнем языке Гондолина — прославленный клинок. А это Гламдринг,

Сокрушитель Врагов, его некогда носил король Гондолина. Дорожите ими!

— Как они попали к троллям, хотел бы я знать? — пробормотал Торин, с новым интересом разглядывая меч.

— Кто ведает? — ответил Эльронд. — Могу только догадываться, что тролли разорили разорителей или поживились в какой-нибудь северной крепости остатками старой поживы. Говорят, в заброшенных рудниках Мории немало забытых кладов времен войны между гоблинами и гномами.

Торин обдумал эти слова.

— Я буду хранить его с

величайшим почетом. Да разит он гоблинов снова — и поскорее!

— В горах твоему желанию сбыться недолго! — сказал Эльронд. — Но покажите мне карту! — Он взял ее и долго разглядывал, качая головой; ибо, хотя не совсем одобрял гномов с их страстью к золоту, яро ненавидел драконов и скорбел, вспоминая веселые колокола Дейла и выжженные берега реки Быстрой.

В небе ярко сиял молодой месяц. Эльронд поднял карту и посмотрел на просвет.

— Что это? — спросил он. — Я вижу лунные письмена рядом с обычными рунами, что гласят «дверь

пяти футов высотой и трое в ряд могут в нее пройти».

— Что такое лунные письмена? — взволнованно спросил хоббит. Как я уже упоминал, он очень любил карты и обожал руны, письмена и искусную каллиграфию, хотя сам писал мелко и неразборчиво.

— Лунные письмена — те же руны, — ответил Эльронд, — только невидимые, даже если глядишь в упор. Чтобы их разобрать, нужно при луне посмотреть на просвет, а особо искусные — еще и в тот же день лунного месяца и года, когда они были начертаны. Гномы придумали их и писали серебряными перьями,

как тебе расскажут твои друзья. Видимо, эти нанесены на карту давным-давно в канун летнего солнцестояния, которое пришлось на первую лунную четверть.

— Что они говорят? — разом спросили Гандальф и Торин. Оба немного досадовали, что Эльронд раньше них обнаружил руны — и совершенно напрасно: такое сочетание солнца и луны не случалось с давних времен и долго не повторится вновь.

— Встань у серого камня, когда застучит дрозд, — прочел Эльронд, — и последний луч солнца в Доринов день коснется замочной скважины.

— Дорин, Дорин! — повторил Торин. — Праотец древнейшего рода гномов, Длиннобородых, и мой прапрапредок. Я — наследник Дорина.

— А что такое Доринов день? — спросил Эльронд.

— Первый день гномьего Нового года, — сказал Торин, — это, как все вы, наверное, знаете, первый день последней осенней луны на пороге зимы. Мы зовем его Дориновым днем, если молодой месяц висит в небе одновременно с солнцем. Однако это мало чем нам поможет, ибо утрачено искусство предсказывать такой день.

— Посмотрим, — сказал

Гандальф. — Что-нибудь еще тут написано?

— При этой луне больше ничего не прочтешь, — ответил Эльронд, и все пошли к реке посмотреть, как эльфы поют и танцуют в канун солнцеворота.

Следующее утро — утро середины лета — выдалось таким ясным и свежим, как только можно мечтать: в синем небе ни облачка, солнце играет на воде. Путники выехали из дома под песни, прощания и добрые напутствия, готовые к новым приключениям и знающие теперь, по какой дороге ехать через Мглистые горы.

Глава 4

По горам и под горой

Много дорог уводит в эти горы и много перевалов лежит между их пиками. Однако в большинстве своем дороги эти обманчивы и ведут в тупик, если не в западню, а перевалы кишат опасностями и злобными тварями. Гномы и хоббит, направляемые советами Эльронда и познаниями Гандальфа, выбрали нужную дорогу к нужному перевалу.

Много долгих дней миновало с тех пор, как путники поднялись из долины и оставили позади Последний Приветный дом, а они

все ехали и ехали вверх. Дорога была трудна и опасна — непрямая дорога, длинная и затерянная в горах. Теперь, оглядываясь назад, они видели внизу оставленные равнины. Бильбо знал, что далеко на западе, в голубой дымке, лежит его родной край, уютный и безопасный, с маленькой хоббичьей норой. Он ежился. Подмораживало, в скалах дул пронизывающий ветер. Иногда по склонам скатывались огромные валуны с подтаявших ледников и пролетали между путниками (на их удачу) или над головами (к их страху). По ночам они мерзли и не решались петь или громко разговаривать, потому что зловещее

это подхватывало слова, а тишине как будто не нравилось, когда ее нарушали другие звуки, кроме грохота водопадов, завывания ветра и треска камней.

«Внизу лето, — думал Бильбо, — сенокос и пикники. Пока перевалим через горы, начнется жатва, а там и ежевика поспеет».

Остальные были погружены в столь же мрачные думы, хотя от Эльронда в день летнего солнцеворота уезжали окрыленные и весело говорили о горах и скорой дороге дальше. Надеялись добраться

до потайной двери в Одинокой горе еще до конца осени. «А вдруг как раз будет Доринов день», — говорили они. Только Гандальф качал головой и помалкивал. В отличие от гномов он ездил этой дорогой и знал, насколько опаснее стал Дикий край с тех пор, как драконы выжили оттуда людей, и как далеко расселились гоблины после битвы в рудниках Мории. Планы даже таких мудрых волшебников, как Гандальф, и таких добрых друзей, как Эльронд, порою идут наперекосяк, когда вы затеваете опасный поход в пределы Дикого края; и волшебнику Гандальфу хватало мудрости, чтобы это понять.

Он знал, что могут произойти

самые непредвиденные события, и не смел надеяться, что они перевалят через высокие горы, неподвластные ни одному королю, без какого-нибудь страшного приключения. Так и получилось.

Все шло хорошо, пока однажды путников не застигла гроза — и не просто гроза, а настоящая грозовая сеча. Вы знаете, какой страшной бывает гроза на равнине, например, возле реки, особенно когда сразу две их сойдутся не на жизнь, а на смерть. Еще страшнее гром и молния ночью в горах, когда бури, налетевшие с запада и с востока, вздумают померяться силами. Молнии били в горные пики, скалы дрожали,

оглушительный грохот наполнял воздух и эхом прокатывался в лощинах.

Ничего подобного Бильбо прежде не видел и вообразить не мог. Путники укрылись на ночь под каменным козырьком, на узкой площадке у самого края пропасти. Хоббит завернулся в одеяло и трясся с головы до пят. Выглядывая наружу, он видел во вспышках молний, как по другую сторону ущелья каменные исполины играючи перекидываются огромными глыбами, ловят их и бросают во тьму, разбивая вдребезги или круша деревья внизу. Налетел ветер, хлынул ливень; вихри швыряли дождь с градом во все стороны, так

что нависающий камень нисколько не защищал. Вскоре все вымокли, пони стояли, понурившись и поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как повсюду на склонах гор кричат и хохочут великаны.

— Так не пойдет! — сказал Торин. — Если нас не сдует, и не зальет, и не убьет молнией, то какой-нибудь великан подхватит и запустит в небо вместо мяча.

— Ну, если ты знаешь место получше, то води нас туда, — проворчал Гандальф, которому тоже было несладко и неуютно рядом с великанами.

Поспорив, решили отрядить

Фили и Кили на поиски лучшего убежища. Они были самые зоркие, к тому же лет на пятьдесят моложе остальных гномов, вот им и поручали такие дела (убедившись, что Бильбо посылать без толку). Когда что-нибудь ищешь, самое главное — смотреть хорошенько (по крайней мере, так сказал Торин молодым гномам). И впрямь, если хорошенько посмотреть, обязательно что-нибудь найдешь, хотя не всегда то, что ищешь. Так и оказалось на этот раз.

Вскоре Фили и Кили вернулись, прижимаясь от ветра к скале.

— Мы нашли сухую пещеру, — сказали они. — Недалеко за

соседним выступом; там поместятся все и даже пони.

— Вы хорошо ее обследовали? — спросил волшебник, зная, что пещеры в горах редко остаются незанятыми.

— Да, да! — отвечали Фи́ли и Ки́ли, хотя все понимали, что они только заглянули внутрь, иначе не вернулись бы так быстро. — Она небольшая и уходит неглубоко.

Это, разумеется, одна из опасностей, которую таят в себе пещеры: вы не знаете, как далеко они уходят и куда ведут, или что вас поджидает внутри. Однако сейчас принесенная новость казалась доброй. Все встали и приготовились

перебраться в укрытие. Ветер бушевал, гром рокотал, и идти по горной тропе с пони было делом нелегким. Впрочем, до пещеры оказалось недалеко, и вскоре перед путниками встал большой камень. Обойдя его, они попали в низкий проем в склоне горы. Пони еле-еле туда протиснулись, и то лишь после того, как их развьючили и расседлали. Зато как хорошо было внутри, как приятно слышать ветер и дождь снаружи, а не вокруг себя, и знать, что теперь ты недосягаем для великанов и их глыб. Однако волшебник так легко не успокоился. Он зажег посох — как тем вечером в гостиную у Бильбо, который теперь

казался далеким-предалеким, — и в этом свете путники обследовали пещеру от одной стены до другой.

Она была просторная, но не слишком огромная и таинственная; с сухим полом и уютным закутками. В одном конце нашлось место для пони; там они и стояли, исходя паром и хрумкая сеном в мешках. Оин и Глоин хотели развести костер, чтобы просушить одежду, но Гандальф запретил наотрез, поэтому они просто расстелили мокрое на полу и достали из тюков сухое, потом поудобнее разложили одеяла, вынули трубки и принялись пускать дымовые кольца, которые Гандальф расцвечивал всевозможными

красками и заставлял выплясывать под потолком к всеобщему развлечению. Путники говорили и говорили, и забыли про бурю, и обсуждали, что сделает каждый со своей долей сокровищ (когда их добудут, что в ту ночь представлялось не таким уж невероятным), и один за другим погрузились в сон. И это был последний раз, когда им довелось пользоваться пони, тюками, вьюками, инструментами и прочими причиндалами.

В ту ночь выяснилось, что они все же не зря захватили с собой маленького Бильбо. Почему-то он долго не мог уснуть, а когда все же уснул, его мучили кошмары. Снилось

ему, что щель в дальнем конце пещеры становится все больше и больше, раскрывается все шире и шире, а ему очень страшно, но он не может ни вскрикнуть, ни шелохнуться, а может только лежать и смотреть. Потом ему приснилось, что пол пещеры проваливается, и он падает вниз, вниз, вниз, незнамо куда.

Он проснулся в поту и обнаружил, что первая часть сна была правдой. В дальнем конце пещеры раскрылась щель и образовался широкий лаз. Бильбо пробудился как раз вовремя, чтобы увидеть, как в дыре исчезает хвост последнего пони. Конечно, он

оглушительно завопил, так оглушительно, как только может вопить хоббит (глядя на его маленький рост, ни за что не скажешь, что он способен издавать столь громкие звуки).

И выпрыгнули гоблины, большущие гоблины, огромные безобразные гоблины, множество гоблинов, раньше, чем вы успели бы сказать «ох!». Их было по шестеро на каждого гнома и даже двое на Бильбо, и всех схватили и потащили в щель, раньше, чем вы успели бы сказать «ой!». Всех, но только не Гандальфа. А все благодаря хоббиту. Вопль Бильбо разбудил волшебника в последнюю долю секунды, и, когда

гоблины подбежали его схватить, яростная вспышка озарила пещеру, пахло порохом, и несколько нападавших упали замертво.

Щель с грохотом захлопнулась, и Бильбо с гномами остались в горе! Где был Гандальф? Об этом ни они, ни гоблины понятия не имели, и гоблины не остались выяснять. Схватив Бильбо и гномов, они бегом припустили вперед. Мрак стоял кромешный, такой, в каком только гоблины, привыкшие жить в сердце гор, могут что-нибудь различить. Переходы петляли и поворачивали, но гоблины знали путь, как вы знаете дорогу к ближайшей почте, и мчались вниз и вниз в спертom

тяжелом воздухе. Гоблины были грубые и щипались немилосердно, и гоготали жуткими каменными голосами, и Бильбо приходилось даже хуже, чем когда тролль поднял его за ноги. Снова и снова он мечтал оказаться в милой светлой хоббичьей норе. Не в последний раз!

Впереди забрезжил алый свет. Гоблины запели, или захрипели, отбивая такт плоскими ступнями по полу и заодно встряхивая пленников.

Хватайте! Тащите!
Кусайте! Щиплите!
Кидайте их прямо
В змеиную яму!
Ну что? Жутковато?

Струхнули, ребята?
Пищите! Дрожите
С макушки до пяток!
Внизу, в подземелье —
Вот будет веселье!
Там ждет Главный Гоблин,
Свиреп и озлоблен!
Кусачки и клещи —
Хорошие вещи!
Вот будет потеха!
Йо-хэй!

Это было по-настоящему жутко.
В переходах гулко отдавалось
«хватайте!», «тащите!», «кусайте!»,
«щиплите!» и отвратительный гогот
«Йо-хэй» Общий смысл песни не

оставлял сомнений, потому что гоблины вытащили плети и — свись, хрясь! — с гиканьем погнали пленников перед собой. Многие гномы уже мычали и блеяли как не знаю кто, когда все ввалились в большую залу.

Ее освещали костер посередине и факелы по стенам, и была она полна гоблинов. Все они загоготали, и затопали, и застучали в ладоши при виде гномов (а также Бильбо, который бежал последним, ближе всех к погонщикам, поэтому ему доставалось больше других). Пони уже согнали в угол, там же лежала развороченная поклажа, и гоблины рылись в тюках, хватали все, что

попадется, обнюхивали добычу и рвали ее друг у друга из лап.

Боюсь, что больше наши друзья не видели своих отличных маленьких пони, в том числе бодрого белого крепыша, которого Эльронд одолжил Гандальфу (конь волшебника по горам не прошел бы). Дело в том, что гоблины едят лошадей, пони, ослов (и много чего похуже), а вдобавок всегда голодны. В эту минуту, впрочем, пленники думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, соединили всех в ряд — сперва гномов, потом Бильбо — и погнали в дальний угол пещеры

Здесь в полумраке восседал на
большом плоском камне

исполинский гоблин с огромной головой, а рядом стояли гоблины-стражники, вооруженные кривыми саблями и топорами.

Все гоблины злы, коварны и жестокосердны. Они не делают красивых вещей, но делают хитроумные. Когда не лень, они пробивают туннели и шахты не хуже самых искусных гномов, только там обычно грязно и неопрятно. Молоты, топоры, сабли, кинжалы, кирки, щипцы, а также орудия пыток они выковывают умело или заставляют выковывать других, пленных или рабов, которых принуждают трудиться, пока те не умрут от недостатка света и воздуха. Очень

вероятно, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые потом доставили миру столько неприятностей, и особенно те, что позволяют убить сразу много людей. Дело в том, что они обожают шестерни, моторы и взрывы, к тому же не любят утруждаться без надобности. Однако в описываемую пору и в той глуши они еще не достигли такого прогресса (как это называется). Не то чтобы гоблины особо ненавидят гномов (не больше, чем всех остальных, в первую очередь чинных и преуспевающих); в иных краях злые гномы даже заключали с ними союзы. Однако с Торином и его народом у них были

давние счета из-за войны, о которой я уже упоминал, да и вообще гоблинам безразлично, кого ловить, лишь бы все произошло быстро и скрытно, а пленники не могли постоять за себя.

— Кто эти несчастные? — спросил Великий Гоблин, оборачиваясь к Торину.

— Гномы — и вот! — Погонщик так потянул Бильбо за цепь, что хоббит плюхнулся на колени. — Мы нашли их на Главном входе.

— С чем пожаловали? — спросил Великий Гоблин. — Не с добром, готов поручиться! Лазутчики, вот вы кто, более чем уверен! Воры, как пить дать! Убийцы

и друзья эльфов, весьма вероятно! Ну же? Что скажешь?

— Гном Торин к вашим услугам, — отвечал тот (*это была вежливая формула и ничего больше*). — Того, что ты подозреваешь, у нас и в мыслях не было. Мы укрылись от непогоды в пещере, которую сочли ничьей; менее всего в наши намерения входило тревожить гоблинов. — И это была сущая правда!

— Хр! — проревел Великий Гоблин. — Не входило, говоришь? А что вы вообще делали в горах, и откуда пришли, и куда направляетесь? Мне угодно знать про вас все. Не то, чтобы это сильно

скрасило твою участь, Торин Дубовый Щит, мне про твой народ и без того много известно, но изволь говорить правду, или готовься кое к чему исключительно неприятному!

— Мы шли навестить наших родичей, племянников и племянниц, двоюродных, троюродных, четвероюродных братьев и прочих потомков наших пращуров по нисходящей, обитающих по другую сторону этих воистину гостеприимных гор, — ответил Торин, не зная в точности, что говорить, поскольку правда, разумеется, не годилась.

— Он лжец, о воистину великий! — воскликнул один

погонщик. — Несколько наших убило молнией в пещере, когда мы пригласили этих вот спуститься с нами, и они теперь мертвее мертвого! И пусть объяснит вот это! — Он поднял меч, который отняли у Торина, меч из логова троллей.

При виде меча Великий Гоблин взревел от ярости, а его телохранители заскрежетали зубами, застучали щитами и затопали ногами. Они с первого взгляда узнали меч. Он уложил сотни гоблинов в те давние времена, когда прекрасные эльфы Гондолина преследовали их по горам или рубили у стен. Оркрист, называли его эльфы, Гоблинобойца, а

гоблины — просто Кусач. Они ненавидели сам меч, а еще больше того, кто его носит.

— Убийцы и друзья эльфов! — взвыл Великий Гоблин. — Бей их! Луни! Кусай! Дроби! Отвести их в темную яму, кишашую змеями, и никогда не выпускать на свет! — Он так рассвирепел, что соскочил с камня и, раскрыв пасть, сам ринулся на Торуна.

В этот самый миг факелы в пещере погасли, а пламя — пф! — обратилось в колонну голубовато мерцающего дыма, из которой во все стороны посыпались ослепительно-белые искры.

Не описать, какие поднялись

вой, нытье и вытье, скулеж, ворчанье и причитанье, ор, крики, брань, хрипы и всхлипы. Несколько сотен диких волков и кошек, поджариваемых на медленном огне, и то не могли бы так визжать. Искры прожигали в гоблинах дыры, а в заполнившем пещеру едком дыму даже они ничего не могли различить. Вскоре они в суматохе посбивали друг друга с ног и теперь катались по полу, кусаясь, брыкаясь и дерясь, как одержимые.

Внезапно вспыхнул собственным светом меч. Бильбо видел, как клинок пронзил насквозь Великого Гоблина, который стоял, будто в столбняке. Тот рухнул

мертвым, а гоблины-телохранители, истошно вопя, бросились спасаться во мрак.

Меч скользнул в ножны.

«Быстро за мной!», — тихо и грозно прозвучал голос.

Не успел Бильбо понять, что происходит, как уже снова бежал во всю прыть, последним в цепочке, вниз в еще более темные переходы. Крики гоблинов постепенно затихали вдали. Бледный свет вел беглецов вперед.

— Быстрее, быстрее! — требовал голос. — Скоро снова зажгут факелы.

— Секундочку! — сказал Дори, который бежал предпоследним.

Добрый гном помог хоббиту вскарабкаться себе на спину (мешали скованные руки), и все побежали снова, гремя цепями. Многие спотыкались, потому что не могли помогать себе руками. Они бежали, не останавливаясь, пока не оказались в самом сердце горы.

Тут Гандальф зажег посох. Да, именно Гандальф, хотя сейчас недосуг было выяснять, откуда он взялся. Волшебник снова достал меч, и лезвие блеснуло собственным светом. Когда рядом были гоблины, его распалял жар ненависти, и сейчас оно горело голубой молнией, радуясь, что убило великого повелителя подземелий. Оно без труда рассекло

гоблинские цепи и окончательно освободило пленников. Имя ему Гламдринг, Сокрушитель Врагов, как вы, конечно, помните. Гоблины звали его просто Рубач и ненавидели даже больше, чем Кусач, если такое возможно. Оркрист также был спасен; Гандальф выхватил его у перепуганного стражника. Волшебник вообще много что успевал предусмотреть и хотя, конечно, не мог предвидеть всего, часто выручал друзей в трудную минуту.

— Все здесь? — спросил он, с поклоном возвращая меч Торину. — Дайте-ка сосчитать. Раз — это Торин, два, три, четыре, пять, шесть,

семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... а где Фили и Кили? Вот они. Двенадцать, тринадцать, а вот мистер Бэггинс — четырнадцать! Ну, могло быть хуже, а с другой стороны, могло быть много лучше. Мы остались без пони и еды неведомо где, а позади — полчища разъяренных гоблинов! Вперед!

И они побежали. Гандальф оказался прав: далеко позади в оставленных проходах слышались шум и яростные вопли гоблинов. Это прибавило беглецам прыти, а поскольку бедный Бильбо не мог бежать и вполовину так быстро — гномы умеют передвигаться с исключительным проворством, —

его по очереди несли на закорках.

И все же гоблины бегают быстрее, чем гномы, а эти еще и лучше знали подземные переходы (которые сами же и вырыли), к тому же разозлились не на шутку; как гномы ни торопились, крики и вой слышались все ближе. Вскоре можно было различить шлепанье гоблинских ног, множества ног, чуть ли не сразу за поворотом. Позади мелькали факелы, а беглецы уже порядком устали.

— Зачем, о зачем я покинул хоббитскую нору! — сказал бедный мистер Бэггинс, подпрыгивая у Бомбура на спине.

— Зачем, о зачем я взял этого

жалкого хоббита на поиски сокровищ! — простонал бедный Бомбур, который был очень тучен и весь вспотел от натуги и страха.

Тут Гандальф переместился в хвост цепочки, а с ним Торин. Они только что обогнули крутой поворот.

— Кругом! — крикнул волшебник. — Меч наголо, Торин!

Ничего другого не оставалось; и гоблинам это пришлось не по вкусу. Они с разбегу выскочили за поворот, и в глаза им ясно и холодно блеснули Гоблинобойца и Сокрушитель Врагов. Передовые гоблины выронили факелы и лишь по разу вскрикнули, прежде чем рухнуть мертвыми. Те, что бежали за ними,

продолжали вопить и, попятившись, сбили с ног задних. «Кусач и Рубач!» — орали они.

И все. Большинство гоблинов убежали туда, откуда пришли.

Нескоро самые смелые из них вновь отважились заглянуть за угол. К этому времени гномы уже давно бежали по длинным-предлинным темным переходам гоблинского царства. Когда преследователи это поняли, они потушили факелы, надели мягкие туфли и отрядили вперед самых проворных и зорких. Те помчались быстро, как ласки, и бесшумно, как летучие мыши.

Вот почему ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гандальф не

услышали их приближения. И не увидели. А вот гоблины, бесшумно бегущие сзади, прекрасно их видели, потому что Гандальф снова зажег посох, освещая дорогу.

Внезапно гнома Дори, который теперь снова нес Бильбо, схватили сзади из темноты. Он вскрикнул и упал; хоббит скатился с его спины, ударился головой о камень и провалился в беспамятство.

Глава 5

Загадки во тьме

Когда Бильбо открыл глаза, то засомневался, действительно ли их открыл — темно было точно так же, как с закрытыми. И никого рядом!.. Вообразите его испуг! Он ничего не видел, ничего не слышал и ничего не чувствовал, кроме каменного пола под собой.

Очень медленно хоббит встал на четвереньки и принялся шарить руками, пока не нащупал каменную стену. Однако ни впереди, ни позади не было никаких признаков гоблинов или гномов. Голова кружилась,

Бильбо не помнил точно, в какую сторону они бежали. Выбрав, как ему показалось, нужное направление, он пополз вперед и вскоре наткнулся рукой на маленькое колечко, холодное и, судя по всему, металлическое. Это был поворотный миг в его карьере, чего Бильбо, разумеется, не знал. Он, почти не думая, сунул бесполезное колечко в карман, потом, проползя еще немного, сел на холодный пол и предался отчаянию. Сидел он долго, воображая, как у себя дома жарит яичницу с ветчиной. Желудок подсказывал, что пришло время еды, но мысль о яичнице только усугубила страдания.

Бильбо не знал, что делать, не понимал, что случилось и почему его бросили, или почему, раз его бросили, он не достался гоблинам; и даже откуда на голове шишка. На самом деле он просто очень долго лежал себе в темном уголке, а, как говорится, с глаз долой — из сердца вон.

Через некоторое время хоббит полез в карман за трубкой. Она не сломалась, и это уже было отрандно. Потом он достал кисет, и там оказался табачок, что было еще отранднее. Тогда он полез за спичками, и не нашел ни одной, отчего совсем потерял присутствие духа. Вообще-то это было к лучшему,

как он согласился, когда немного пришел в себя. Кто знает, чем бы грозили ему в этой темной норе огонек спички и запах табачного дыма. Однако в первый миг он почувствовал себя совершенно раздавленным. Впрочем, шаря по карманам в поисках спичек, он наткнулся на рукоять своего маленького меча — того самого кинжала, который взял в пещере у троллей, и про который начисто позабыл; гоблины его не заметили, потому что Бильбо прятал ножны под бриджами.

Он вытащил меч. Клинок тускло светился.

«Значит, тоже эльфийский, — подумал Бильбо, — и гоблины не очень далеко, но и не очень близко».

Ему почему-то стало спокойнее. Шутка ли — носить меч, выкованный в Гондолине для войн, о которых сложено столько песен; к тому же он заметил, какое впечатление произвели эльфийские клинки на гоблинов.

«Назад? — подумал хоббит. — Ни в коем случае! Вбок? Невозможно! Вперед? Единственное, что

остается! Значит, вперед!»

И он затрусил вперед, держа перед собой меч и нащупывая рукой стену. Сердце его отчаянно трепыхалось.

Конечно, положение Бильбо было затруднительным, но все же не настолько, как показалось бы нам с вами. Хоббиты — не люди, и хотя их норы, в отличие от гоблинских туннелей, уютны и хорошо проветриваются, они куда больше нашего привыкли быть под землей и не так быстро теряют направление — особенно когда в голове у них прояснится после удара. К тому же они умеют двигаться очень тихо и

прятаться, и легко оправляются после падения, а еще у них полно мудрых присловий, которые люди либо не знают, либо давно позабыли.

И все же я не хотел бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Туннель тянулся бесконечно. Хоббит знал одно: он идет вниз и примерно в одном направлении, несмотря на несколько поворотов. Вбок отходили и другие туннели, которые Бильбо видел в свете меча или нащупывал рукой. Туда он не заглядывал, а наоборот, торопливо проходил мимо, страшась гоблинов или полувоображаемых темных тварей. Дальше и дальше он шел, ниже и ниже, и по-прежнему не слышал ни

звука, только иногда во тьме порскала летучая мышь. Сначала хоббит пугался, потом привык. Не знаю, долго ли он так шел, боясь двигаться вперед, не смея остановиться, пока не настал миг, когда от усталости начали подгибаться ноги. Ему казалось, что уже давно настало завтра, и послезавтра, а он все идет и идет.

Вдруг, совершенно неожиданно, он наступил в воду. Ух! И холодная же!.. Бильбо застыл, как вкопанный. Он не знал, лужа это на дне туннеля, или подземная река, или край глубокого и темного озера. Меч почти не светился. Бильбо замер, прислушался и различил кап-кап-кап

с невидимого потолка. Больше не раздавалось ни звука.

«Значит, это лужа или озеро», — подумал он, но все-таки не решился зайти в воду. Плавать он не умел, да и пугали мысли о странной живности, населяющей озера в глубоких недрах: гадких пучеглазых созданиях в склизкой чешуе, рыбах, чьи прашуры заплыли сюда и не смогли выбраться наружу — глаза их становились все больше и больше от вглядывания во тьму — а есть твари и погаже рыб. Даже в пещерах и туннелях, пробитых гоблинами, заводятся непрошеные обитатели. Некоторые из этих пещер существовали с начала времен, гоблины их только

расширили и соединили переходами, а бывшие хозяева по-прежнему копошились в темных углах.

Глубоко-глубоко под землей у темной воды жил старый Голлум, маленькое склизкое существо. Не знаю, откуда он пришел и кто вообще такой. Он — Голлум, черный, как тьма, только два больших круглых глаза белеют на узкой морде. Он тихо плавал в лодочке по большому, глубокому и холодному, как смерть, озеру — греб без единого всплеска, свесив за борт большие перепончатые лапы. Бледными глазами-прожекторами высматривал Голлум слепых рыб и быстрее мысли хватал их длинными пальцами.

Мясное он тоже любил, особенно гоблинов, когда мог раздобыть; но сам никогда не попадался им на глаза. Он душил их сзади, если какой-нибудь бедолага в одиночку спускался к воде. Случалось это редко: у гоблинов было чувство, что в самой глубине гор обитает что-то нехорошее. На озеро они наткнулись давным-давно, прокладывая туннель, и, поняв, что дальше дороги нет, на этом месте остановились. По своей воле они сюда не ходили, только по приказу Великого Гоблина. Иногда ему хотелось рыбки из озера, и часто он не дожидался ни рыбы, ни рыбака.

Вообще-то Голлум жил на склизком каменном острове

посредине озера. Сейчас своими белесыми глазами он как в бинокль изучал Бильбо. Хоббит его не видел, а вот Голлум усиленно гадал, кто это такой, потому что явно не гоблин.

Голлум сел в лодку и оттолкнулся от берега. Бильбо тем временем сидел на берегу в полной растерянности, совершенно сбитый с дороги и с толку. Вдруг появился Голлум и с присвистом зашипел:

— Тсс, моя радость! Ссдается, что это нечто съедобное, лакомый кусочек для нас, голлум! — При слове «голлум» он громко булькнул горлом, сглатывая слюну. Отсюда он и получил свое имя, хотя сам называл себя не иначе чем «моя радость».

Бильбо чуть из кожи не выпрыгнул, когда у него зашипело под самых ухом, и внезапно увидел перед собой бледные светящиеся глаза.

— Ты кто? — спросил хоббит, выставляя вперед кинжал.

— Кто оно, моя радость? — прошептал Голлум (он всегда говорил сам с собой, потому что больше никого рядом не было). Сейчас им двигал не голод, а любопытство, иначе он сперва бы схватил, потом зашептал.

— Я — мистер Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов и потерял волшебника и не знаю, где нахожусь, и не хочу знать, мне бы только

отсюда выбраться.

— А что у них в персстах? — спросил Голлум, глядя на меч, который ему совершенно не понравился.

— Меч, клинок из Гондолина!

— Шш, — сказал Голлум и сразу стал очень вежливым. — Шшто если оно посидит и посудачит с нами, моя радость? Оно любит загадки, ссдается, моя радость? — Голлум старался казаться приветливым, по крайней мере сейчас, пока не узнает больше про меч и хоббита, действительно ли он совершенно один, годится ли он в пищу, и хочется ли Голлуму есть. Кроме загадок ему ничего в голову не пришло.

Загадывать их и иногда разгадывать — единственная игра, в которую он играл с забавными тварями, сидевшими по норам — давным-давно, до того, как растерял всех друзей, и лишился дома, и вынужден был уползти далеко-далеко в недра горы.

— Хорошо, — ответил Бильбо. Он старался казаться сговорчивым, пока не узнает больше про это создание, совсем ли оно одно, не злое ли и не голодное, и не дружит ли с гоблинами.

— Загадывай первым, — сказал хоббит, потому что не успел придумать загадку.

И Голлум прошипел:

Что к самому небу
взросло без корней,
высокого дуба
сильней и видней?

— Это легко! — ответил
Бильбо. — Гора, я думаю.

— Оно быстро соображает?
Устроим состязание, моя радоссть!
Если радоссть спросит, а оно не
ответит, мы его съедим, а если оно
спросит, а мы не ответим, мы
сделаем, что оно хочет, а? Мы
покажем ему дорогу наружу!

— Идет! — сказал Бильбо, не
решаясь спорить и лихорадочно
придумывая загадку, которая спасла

бы его от пасти этого существа.

Белые кони
на красном склоне.
Коням несыто,
стучат копыта.

Это все, что он смог вспомнить
— мысль о пасти не шла у него из
головы. Загадка была старая, и
Голлум не хуже вашего знал ответ.

— Просто, просто, — зашипел
он. — Зубы! зубы! моя радость; но у
нас их только шесть!

И он задал вторую загадку:

Бескрылый летает,
безрукий стучит,

беззубый кусает,
безгубый кричит.

— Минуточку! — вскричал Бильбо, который по-прежнему думал о пасти. К счастью, он раньше слышал похожие загадки, и, взяв себя в руки, быстро придумал ответ. — Ветер, ветер. — Он так обрадовался, что с ходу сочинил новую.

«Это заставит
скользкую подземную
тварь поломать голову», —
подумал хоббит.

Смотрит синее лицо
желтым глазом вниз,

а зеленое лицо
желтым глазом ввысь.

— Шш, шш, шш. — Голлум так давно жил под землей, что про все такое забыл. Однако, как только у Бильбо появилась надежда, что гадкое создание сдастся, Голлум вспомнил то, что видел давным-давно-предавно, когда жил с бабушкой в норе под речным обрывом.

— Шш, шш, моя радость, — сказал он. — Это солнце смотрит на маргаритку.

Впрочем, обычные наземные загадки его утомили. Они

напоминали о днях, когда Голлум не был таким одиноким, гадким и грязным, а это его злило. Более того, это разбудило в нем голод, и он решил выдумать что-нибудь похитрее и менее приятное.

Она никогда не рождалась
на свет,
ни вида, ни звука, ни вкуса
в ней нет;
она обитает в глубинах
земли,
в закрытом ларце и в
надзвездной дали;
она есть начало всего и
конец;
и страх в ней великий для

смертных сердец.

К несчастью для Голлума, Бильбо слышал похожую загадку, к тому же ответ окружал его со всех сторон.

— Тьма! — ответил он, даже не почесав в затылке и не пораскинув мозгами.

Шкатулка без крышки,
ключа и щелей;
но клад золотой
заключается в ней.

Бильбо хотел выиграть время, пока не придумает что-нибудь

покаверзнее. Уж эту-то Голлум разгадает с ходу, хотя он и немного изменил слова. Однако для Голлума загадка оказалась крепким орешком. Он зашипел про себя, но разгадка не приходила, поэтому он продолжал шипеть и отдуваться.

Бильбо начал терять терпение.

— Так что это? Ответ — не кипящий чайник, как можно подумать по звукам, которые ты издаешь.

— Надо поразмыслить, пусть оно даст нам поразмыслить, моя радосс-сс-сть.

— Ну, — сказал Бильбо, дав ему основательно поразмыслить, — что-нибудь надумал?

И тут Голлум внезапно вспомнил, как давным-давно разорял птичьи гнезда, и сидя под речным обрывом учил свою бабушку высасывать...

— Яйтсса! — зашипел он. — Яйтсса!

Потом он загадал:

Как смерть, холодна;
ее чаша — без дна,
кольчуга — без звона,
и гибель — без стога.

Он тоже думал, что это совсем просто, потому что ответ постоянно занимал его мысли, однако не мог в

эту минуту припомнить ничего лучше, так его выбила из колеи загадка про яйцо. Тем не менее эта оказалась крепким орешком для Бильбо, который всю жизнь по возможности избегал воды. Вы, конечно, знаете ответ или отгадали его в мгновение ока, но ведь вы сидите дома в тепле, и никто не собирается вас съесть (а это ой как мешает думать). Бильбо выпрямился, прочистил горло раз, другой, но ответ не приходил.

Через некоторое время Голлум довольно зашипел:

— Вкусное ли оно, моя радоссть? Сочное ли? Хрустят ли его косточки? — И вытаращился на

Бильбо из темноты.

— Полсекундочки, — сказал хоббит, дрожа. — Я же дал тебе время подумать.

— Скорее, пусть поторопитесь! — Голлум начал вылезать из лодки. Когда он спустил в воду длинную перепончатую лапу, оттуда выскочила перепуганная рыбешка и плюхнулась к ногам Бильбо.

— Фу! — скривился тот. — Холодная и склизкая!

И тут его осенило!

— Рыба! Рыба! — закричал хоббит. — Это рыба!

Голлум был ужасно разочарован, но Бильбо уже выпалил очередной

вопрос, так что пришлось Голлуму забираться обратно в лодочку и думать.

Без-ног на одноногом,
двуногий на трехногом;
оставь четырехной
остатки от безногой!

Время для этой загадки было неподходящее, однако Бильбо торопился. Чуть раньше Голлуму пришлось бы над ней побиться, но он сейчас он сразу сообразил, что «безногая» — это рыба, а дальше все распуталось само. «Рыба на столике, человек за столом на табурете, кошке

достались кости» — таков, разумеется, ответ, и Голлум его назвал. Теперь он решил загадать что-нибудь трудное и пугающее. Вот что он сказал:

Ужасный воитель,
всех тигров лютей,
жестокий губитель
зверей и людей;
он стены кусает
и горы грызет;
ни щит, ни доспех
от него не спасет.

Бедный Бильбо сидел в темноте, вспоминая имена всех великанов и

людоедов, о которых когда-нибудь слышал в сказках, но никто из них такого не совершал. Бильбо чувствовал, что ответ какой-то другой, и он его наверняка знает, но сообразить не мог. Ему стало страшно, а это мешает думать.

Голлум начал снова выбираться из лодки. Он плюхнулся в воду и зашлепал к берегу. Бледные глаза приближались. Язык у Бильбо прилип к гортани. Он хотел крикнуть: «Дай мне время! Дай время!», но у него вырвался только пронзительный вопль:

— Время! Время!

Бильбо спасла чистая удача, потому что это, разумеется, был

правильный ответ.

Голлум почувствовал еще более сильное разочарование. Он злился, игра его утомила, к тому же голод разыгрался не на шутку. На этот раз он не стал возвращаться в лодку, а сел в темноте рядом с Бильбо.

Хоббиту стало еще страшнее, и мысли его окончательно разбежались.

— Пусть задаст нам вопрос, моя радость, пусть. Еще один вопросик для нас, да, — сказал Голлум.

Однако Бильбо просто не мог вспомнить еще загадку, пока гадкое существо сидит рядом и трогает его мокрой холодной лапой. Он почесал в затылке, он ущипнул себя, но так

ничего и не придумал.

— Спроси нас! Спроси нас! —
прошипел Голлум.

Бильбо еще раз ущипнул себя и хлопнул по щеке; схватился за короткий меч; даже сунул другую руку в карман и случайно нащупал кольцо, которое подобрал в туннеле и про которое начисто забыл.

— Что у меня в кармане? — спросил он вслух. Бильбо говорил сам с собой, но Голлум решил, что это вопрос, и ужасно расстроился.

— Нечестно! Нечестно!
Нечестно, моя радость, спрашивать,
что у него в паршивых
карманишках!

Бильбо понял, что получилось,

и, поскольку другого вопроса в запасе не было, решил настоять на этом.

— Что у меня в кармане? — спросил он громче.

— Шш-шш-шш, — зашипел Голлум. — Пусть даст нам три шанса, моя радость, три шанса.

— Отлично! Первый!

— Руки! — сказал Голлум.

— Неправильно! — ответил Бильбо, который по счастью уже вынул руку из кармана. — Вторая попытка!

— Шш-шш-шш. — Голлум расстроился еще больше. Он вспомнил, что в карманах у него самого: рыбы кости, гоблинские

клыки, мокрые ракушки, крылышко летучей мыши, острый камешек, чтобы точить зубы, и прочая пакость. Он пытался сообразить, что носят в карманах другие.

— Нож! — сказал он наконец.

— Неправильно! — ответил Бильбо — он потерял свой некоторое время назад. — Третья попытка!

Теперь Голлум изводился куда сильнее, чем когда Бильбо загадал ему про яйцо. Он шипел и отдувался, и качался взад-вперед, и шлепал подошвами по полу, извивался и ерзал, но все никак не решался истратить третью попытку.

— Давай! Я жду! — Бильбо старался говорить решительно и

бодро, хотя не знал, чем закончится игра вне зависимости от того, отгадает ли Голлум. — Время вышло!

— Бечевка или пусто! — выкрикнул Голлум. Конечно, это было жульничество — назвать две отгадки вместо одной.

— Ни то, ни другое! — вскричал Бильбо с огромным облегчением; он тут же вскочил, прижался спиной к ближайшей стене и выставил вперед меч. Хоббит, разумеется, знал, что игра в загадки — древняя и священная; даже гадкие создания боялись в нее подличать. Однако он чувствовал, что склизкое существо так просто свое обещание не выполнит. Найдет какой-нибудь

предлог. В конце концов последний вопрос не был настоящей загадкой по древним правилам.

По крайней мере, Голлум сразу на него не бросился. Он видел меч у Бильбо в руках и сидел, шепча и подрагивая. Наконец у Бильбо иссякло терпение.

— Ну? Как насчет твоего обещания? Я хочу наружу. Покажи мне дорогу.

— Мы обещали, радоссть? Показать мерзкому маленькому Бэггинсу дорогу наружу, да-с. Но что у него в кармашках? Не бечевка, радоссть, и не пусто. О нет! Голлум!

— Не твое дело, — сказал Бильбо. — Обещание есть обещание.

— Оно сердится, радость, оно злится, — прошипел Голлум, — но пусть запасется терпением, пусть. Нам прежде нужно забрать кой-какие вещицы, да, полезные вещицы.

— Тогда побыстрее! — сказал Бильбо, радуясь, что Голлум уйдет.

Он думал, что тот просто выдумал предлог и больше не вернется. О чем это Голлум бормочет? Что за вещицы такие у него в озере? Однако хоббит ошибался. Голлум и впрямь собирался вернуться. Он был зол и голоден. А поскольку это было мерзкое и коварное существо, у него уже созрел план.

Недалеко был его остров, о

котором Бильбо не знал; там в тайнике Голлум хранил свои жалкие пожитки и одну красивейшую вещьцу, очень замечательную. У него было колечко — золотое колечко, его радость.

— Мой деньрожденный подарочек, — бормотал он про себя, как частенько в эти нескончаемые темные дни. — Вот что нам сейчас нужно, да-с!

Дело в том, что кольцо было волшебное, и, надев его на палец, вы становились невидимым; только на ярком солнце вас можно было заметить, и то лишь по тени, бледной и едва различимой.

— Деньрожденный подарочек!

Оно досталось нам в день рождения, моя радость! — Так он всегда себе говорил. Однако кто знает, как достался Голлуму этот подарок, давным-давно, в далекие времена, когда такие кольца еще имели хождение? Возможно, даже их Повелитель не мог бы это сказать. Голлум поначалу носил его на пальце, пока не устал, потом в мешочке под одеждой, пока не натер кожу, а с тех пор хранил в каменном тайнике на острове, и все время проверял, на месте ли. Иногда Голлум все же надевал кольцо, когда без него становилось невмоготу, или когда был очень, очень голоден, а рыбой уже пресытился до

отвращения. Тогда он выползал в темные коридоры и подстерегал одиноких гоблинов. Иногда он даже рисковал забираться в такие места, где горели факелы, от света которых начинали слезиться глаза; потому что ему ничего не грозило. Да, ничего. Никто его не видел, никто не замечал, пока холодные пальцы не смыкались на шее жертвы. Только несколько часов назад он надел кольцо и поймал маленького гоблина-заморыша. Ну и пищал же тот! От него еще осталось несколько недоглоданных косточек, но Голлум хотел чего-нибудь понежнее.

— Безопасно, да, — шептал он про себя. — Оно нас не увидит,

верно, моя радость? Нет. Оно нас не увидит, и мерзкий маленький меч нам не страшен.

Вот что было в его гадком умишке, когда он сорвался с места, зашлепал к лодочке и пропал во мраке. Бильбо думал, что больше Голлума не услышит, однако остался подождать, потому что не знал, как выбраться в одиночку.

Вдруг он услышал вопль, от которого мороз пробежал по коже. Голлум ругался и выл в темноте, не очень далеко, судя по звуку. Он был у себя на острове и тщетно шарил и скребся, ища кольцо.

—	Где	оно?	Куда
запропастилось?	—		слышал

Бильбо. — Сплыло, моя радость, потерялось, потерялось! Ешь нас и режь нас, радость потерялась!

— В чем дело? — крикнул

Бильбо. — Что ты там потерял?

— Пусть не спрашивает! — завизжал Голлум. — Его не касается, нет, голлум! Потерялось, голлум, голлум, голлум.

— Я тоже потерялся! — крикнул Бильбо. — И хочу найтись! Я выиграл игру, а ты обещал! Давай сюда! Выводи меня наружу, потом будешь искать!

Как ни жалобно стонал Голлум, у Бильбо в сердце ничего не шевельнулось. Он подозревал, что вещь, которая так нужна склизкой

твари, наверняка какая-то пакость.

— Давай сюда! — снова крикнул он.

— Нет, пусть потерпит еще! — отвечал Голлум. — Мы должны поискать, оно потерялось, голлум.

— Ты не ответил на последний вопрос, и ты обещал!

— На последний вопрос! — повторил Голлум. Внезапно из темноты донеслось пронзительное шипение. — Шшто у него в кармашках? Пусть скажет. Пусть сперва скажет.

У Бильбо не было никаких особых причин скрывать. Голлум нашел разгадку быстрее, чем он — еще бы, ведь Голлум веками дрожал

за кольцо. Однако Бильбо раздражало его копание. В конце концов, он победил в игре, более-менее честно, с риском для жизни.

— Не угадал, значит не угадал, — сказал хоббит.

— Но это был нечестный вопрос, — зашипел Голлум, — и вовсе не загадка.

— Если дело дошло до обычных вопросов, — сказал Бильбо, — то я спрошу первым. Что ты потерял? Говори!

— Что у него в кармашках? — Шипение становилось все громче и резче; повернувшись на звук, Бильбо к своей тревоге увидел во тьме две светлые точки. У Голлума

проснулись подозрения, и глаза его зажглись бледным пламенем.

— Что ты потерял? — спросил Бильбо.

Однако теперь глаза в темноте вспыхнули зеленым огнем и быстро приближались. Голлум стремительно греб к берегу; ярость утраты и подозрения так переполняли его, что не страшил даже меч.

Бильбо не мог понять, отчего это жалкое создание так разозлилось, но видел, к чему идет дело: Голлум убьет его в любом случае. В последнюю секунду он развернулся и побежал обратно по темному коридору, держась за стену левой рукой.

— Что у него в кармашках? — зашипело сзади, и Голлум с плеском выпрыгнул из лодки.

«А что, правда?» — подумал Бильбо на бегу, пыхтя и спотыкаясь. Он сунул левую руку в карман. Кольцо было холодное и легко скользнуло на указательный палец.

Шипение приближалось. Бильбо обернулся и увидел два маленьких зеленых огня. От страха он припустил быстрее, но споткнулся о выщербину в полу и рухнул ничком, на упавший плашмя меч.

В тот же миг Голлум его нагнал, однако Бильбо не успел прийти в себя, вскочить или взмахнуть мечом, а Голлум уже промчался мимо,

бранясь и шипя на ходу, словно ничего не заметил.

С чего бы это? Голлум прекрасно видит в темноте. Бильбо даже со спины различал бледное свечение его глаз. Хоббит с натугой поднялся, спрятал в ножны меч (который теперь снова лучился) и очень осторожно двинулся следом. Другого пути не оставалось — не ползти же обратно к озеру. Может быть, Голлум, сам того не желая, выведет его наружу.

— Смерть ему! Смерть! Смерть! — шипел Голлум. — Смерть Бэггинсу! Исчезло! Что у него в кармашках? Догадываемся, догадываемся, моя радость. Он

нашел его, нашел. Наш
деньрожденный подарочек.

Бильбо наострил уши. Теперь и у него забрезжила догадка. Он чуть-чуть прибавил шагу, потому что Голлум по-прежнему бежал быстро, не оглядываясь, но вертя головой из стороны в сторону, как видел Бильбо по бледным отсветам на стенах.

— Деньрожденный подарочек! Когда ж мы его потеряли, моя радость? Да, да! Когда свернули шею паршивому визгуну. Да! Ешь нас и режь нас! Оно соскользнуло с нас, после стольких лет! Сплыло, голлум.

Неожиданно Голлум сел и зарыдал, с присвистом и всхлипом. Слушать это было жутко. Бильбо

остановился и прижался к стене. Через некоторое время Голлум перестал плакать и заговорил. Казалось, он спорит сам с собой.

— Без толку возвращаться и искать, мы не вспомним все места, где охотились. Все бесполезно. Оно у Бэггинса в кармашках, мерзкий пролаза его нашел, ясно.

— Мы лишь догадываемся, моя радость, лишь догадываемся. Мы не узнаем, пока не отыщем мерзкое существо и не придушим. Но оно не знает, что умеет подарочек, верно? Оно просто держит его в кармашках. А раз не знает, то далеко не скроется. Оно заблудилось, это мерзкое существо. Оно не знает выхода. Оно

само сказало.

— Сказало, да, но оно хитрющее. Всего не скажет. Скрыло, что у него в кармашках. Оно знает. Раз сюда пришло, значит, знало дорогу, да. Оно спешит к черному ходу, да, к черному ходу.

— Там его поймают гоблины. Там оно не выберется, радость.

— Шш-шш, голлум. Гоблины! Но если с ним наша радость, она достанется гоблинам, голлум! Они выяснят, что может подарочек! Мы больше не будем в безопасности, голлум! Гоблин наденет его и станет незззримым. Он будет здесь, а мы его не увидим. Даже наши зоркие глазки его не различат, он подкрадется и

сцапает нас, голлум, голлум!

— Тогда перестанем спорить, радость, и поспешим. Если Бэггинс в той стороне, надо поторопиться. Давай! Тут близко! Быстреей!

Голлум вскочил, как укушенный, и быстро зашлепал вперед. Бильбо побежал сзади, по-прежнему осторожно, хотя теперь боялся только споткнуться и упасть с грохотом. Голова шла кругом от удивления и надежды. Кольцо-то, судя по всему, волшебное — оно делает тебя невидимкой! Конечно, он слышал о подобном в старинных сказках, но с трудом верил, что сам случайно нашел такое. Однако глазастый Голлум проскочил в ярде

от него, не заметив.

Они по-прежнему бежали: Голлум впереди, шлепая ногами, шипя и ругаясь; Бильбо позади, похоббичьи неслышно. Вскоре они оказались в таком месте, где, как запомнил Бильбо по пути вниз, от основного коридора отходили боковые. Голлум тут же принялся их считать.

— Один слева, да-с. Один справа, да-с. Два справа, да-с, да-с. Два слева, да, да-с. — И так далее в том же духе.

По мере того, как цифры росли, он все сильнее трясся, а голос его становился все плаксивее — озеро осталось далеко-далеко внизу, ему

становилось страшно. Тут уже могли встретиться гоблины, а он без кольца. Наконец Голлум остановился перед узким отверстием, слева, если смотреть по ходу движения.

— Семь справа, да-с! Шесть слева, да-с! Тот самый. Ведет к черному ходу, да-с.

Он заглянул внутрь и отшатнулся.

— Мы не смеем туда соваться, радоссть, не смеем. Там гоблины, да-с. Страсть сколько гоблинов. Мы их чуем. Шшш!

— Шшто будем делать? Ешь их и режь их! Мы должны подождать здесь, радоссть, подождать и посмотреть.

Это был тупик. Голлум вывел-таки Бильбо к выходу, но сам его и загородил — сидел в проходе, свесив голову между колен, и медленно поводил туда-сюда холодно светящимися глазами.

Бильбо бесшумней мыши отделился от стены, однако Голлум сразу напрягся, приняхался, глаза его позеленели. Он тихо, угрожающе зашипел. Голлум не видел хоббита, но насторожился — кроме зрения у него были обоняние и слух, обостренные жизнью в темноте. Он пригнулся, уперся передними лапами в пол и выставил голову, почти касаясь носом камня. Хотя Бильбо различал лишь черную тень в блеске

зеленых глаз, он видел или чувствовал, что Голлум изготовился к прыжку.

Хоббит почти перестал дышать и застыл, как камень. Его охватила отчаянная решимость. Надо выбраться из ужасной тьмы, пока остались хоть какие-то силы. Надо сражаться. Ударить это гнусное создание клинком, чтобы потухли страшные глаза. Оно же хотело его убить!.. Нет, нечестно. Он теперь невидим. Голлум без меча, к тому же пока напрямую не покушался на его жизнь. И потом он такой жалкий, одинокий, обездоленный.

Неожиданное понимание, жалость, смешанная с ужасом,

всколыхнулись у Бильбо в сердце: ему представились бесконечные неотличимые дни без света и надежды на лучшее, жесткие камни, холодная рыба, шнырянье и пришепетывание. Все эти мысли пронеслись в мгновение ока. Его передернуло. И тут, в приливе внезапной силы и решимости, он прыгнул.

Не очень высоко по человеческим меркам, зато в неизвестность. Прямо через Голлума он прыгнул, на семь футов вперед и на три вверх, не ведая, что еще дюйм — и разmozжил бы голову о низкий свод арки.

Голлум упал на спину и

попытался поймать хоббита в полете, но поздно: пальцы схватили воздух, а Бильбо, приземлившись на крепкие ступни, во все лопатки припустил по коридору. Он не обернулся посмотреть, **что** там Голлум. Поначалу сзади слышались шипение и брань, потом они смолкли. В следующий миг раздался душераздирающий вопль, исполненный отчаяния и ненависти. Голлум понял, что проиграл — он не осмеливался бежать дальше. Он упустил жертву и упустил то единственное, чем дорожил — свою радость. От этого вопля у Бильбо душа ушла в пятки, но он продолжал бежать. Вдогонку ему, как зловещее

эхо, неслось:

— Вор, вор, вор! Навсегда ненавистный Бэггинс!

Потом наступила тишина, но и она казалась Бильбо зловещей.

«Если гоблины так близко, что он их чуял, то они наверняка слышали этот вопль, — думал хоббит. — Осторожней, а то как бы не случилось чего похуже».

Тоннель был низкий и грубо вырубленный, что, впрочем, ничуть не мешало хоббиту. Он бы двигался совсем легко, если бы время от

времени не ушибал свои многострадальные ноги об острые выступающие камни. «Низковато для гоблинов, по крайней мере, для крупных», — думал Бильбо. Ему было невдомек, что гоблины, даже очень большие, могут быстро бежать внаклонку, почти касаясь руками пола.

Вскоре туннель, который до сих пор все время спускался, начал подниматься — сперва полого, потом все круче и круче, так что Бильбо поневоле замедлил шаг. Наконец подъем кончился, туннель завернул за угол и снова пошел вниз. Там, в конце короткого спуска, Бильбо различил брезжущий за очередным

поворотом свет. Не красный, как от факела или костра, но бледный, солнечный. И тут Бильбо побежал.

Во всю свою хоббитскую прыть он выбежал за последний поворот и внезапно попал в большую пещеру. После стольких часов в темноте свет показался ослепительно ярким. На самом деле он едва сочился в открытую каменную дверь.

Бильбо заморгал и вдруг увидел гоблинов: гоблины в полном боевом облачении, с саблями наголо сидели перед открытой дверью, не спуская с нее глаз. За туннелем, ведущим к двери, они тоже следили. Все гоблины были начеку и готовы к любым неожиданностям.

Караульные увидели Бильбо раньше, чем он их. Да, увидели. По случайности ли, или кольцо не спешило покориться новому хозяину, но на пальце его не было. С ликующим воплем гоблины кинулись на хоббита.

Волна отчаяния и ужаса, как эхо Голлумовой утраты, накрыла Бильбо с головой, и, позабыв даже вытащить меч, он сунул руки в карманы. О радость! здесь, в левом, было кольцо и само наделось на палец.

Гоблины замерли, как вкопанные. Хоббит исчез, словно испарился. Они завопили в два раза громче, но уже без прежнего ликования.

— Где он? — кричали одни.

— Убежал обратно в проход! —

орали другие.

— Сюда! — вопили третьи.

— Туда! — четвертые.

— Приглядывайте за дверью! —

взревел десятник.

Засвистели свистки, загремели доспехи, зазвенели сабли, гоблины с бранью забегали взад-вперед, падая друг на друга и свирепея с каждой минутой. Началась настоящая сумятица, неразбериха и столпотворение.

Бильбо до смерти перепугался, и все же ему хватило присутствия духа, чтобы спрятаться за большую бочку с пивом для караульных, пока его не

сбили, не затоптали и не поймали на ощупь.

«Надо добраться до двери, надо добраться до двери», — твердил он про себя, но не скоро отважился на попытку. Больше всего это походило на чудовищную игру в жмурки. Повсюду бегали гоблины, и бедный маленький хоббит только уворачивался. Один гоблин сбил его с ног, сам не поняв, на что налетел. Бильбо упал на четвереньки, успел проскочить под ногами у десятника, вскочил и бросился к двери.

Ее почти закрыли, хотя еще оставалась щелочка. Бильбо попытался открыть дверь — ни в какую. Попытался пролезть в

щелочку — не вышло. Он протискивался и протискивался, но все было бесполезно — он застрял. Пуговицы зацепились за косяк. Он видел снаружи свет, несколько ступеней, и за ними узкую долину между высокими хребтами. Солнце вышло из-за облака и ярко светило на дверь — но он не мог выбраться.

Внезапно один из гоблинов закричал:

— В двери тень! Кто-то за ней есть!

Сердце у Бильбо оборвалось. Он дернулся изо всех сил. Пуговицы полетели в стороны. Он очутился снаружи в порванных жилете и сюртучке и запрыгал по лестнице,

как коза, пока ошалевшие гоблины еще собирали с порога его отличные медные пуговицы.

Разумеется, они скоро пустились в погоню, и с гиканьем и уханьем забегали между деревьями. Однако гоблины не любят солнца, на ярком свете ноги у них подгибаются, а в голове шумит. Они не могли отыскать Бильбо, который невидимкой перебегал из тени в тень; ругаясь и ворча, караульные вернулись охранять дверь. Бильбо вырвался на свободу.

Глава 6

Из огня да в полымя

Бильбо спасся от гоблинов, но очутился неведомо где — без капюшона, плаща, еды, пони, пуговиц и друзей. Он бродил по долине, пока солнце не начало спускаться к западу — за горы. Тени легли на тропу, а впереди виднелись только хребты да склоны, да вдали за деревьями еле-еле проглядывала равнина.

— Силы небесные! — воскликнул хоббит. — Неужто я вышел на другую сторону Мглистых гор? Где, о где могут быть Гандальф

и гномы? Надеюсь лишь, что они снова не угодили к гоблинам!

Он продолжал идти вперед, однако мозг неотступно сверлила очень неприятная мысль: не следует ли, раз у него волшебное кольцо, вернуться в страшные ужасные коридоры и разыскать друзей? Он как раз убедил себя, что этого требует долг (*и тоскливо же ему стало!*), когда услышал голоса.

Бильбо остановился и прислушался. На гоблинов было непохоже, поэтому он осторожно двинулся вперед. Каменистая тропинка вилась вниз, слева была скала, справа полого спускался склон, изрезанный ложбинами; их

скрывали кусты и невысокие деревья. В одной из ложбинок за ветвями кто-то разговаривал.

Хоббит подкрался еще ближе и вдруг глядь — между двумя валунами торчит голова в красном капюшоне: это был Балин, и он стоял на часах. Бильбо готов был захлопать в ладоши и закричать от радости, но ничего такого не сделал. Кольца он не снял, опасаясь непредвиденных встреч; сейчас Балин смотрел прямо на него, не замечая.

«И удивлю же я их», — подумал Бильбо, забираясь в кусты у края ложбины.

Гандальф спорил с гномами. Они обсуждали все, что случилось

под землей, и решали, как быть дальше. Гномы ворчали, а Гандальф говорил, что нельзя идти дальше, пока Бильбо в руках у гоблинов, не выяснив хотя бы, жив он или мертв, и не попытавшись его спасти.

— В конце концов, он мой друг, — сказал волшебник, — и вполне славный малый. Я чувствую себя за него в ответе. Какая незадача, что вы его потеряли.

Гномы полюбопытствовали, зачем хоббита вообще взяли с собой, почему он не мог держаться вместе со всеми, и почему волшебник не выбрал кого-нибудь потолковее.

— С самого начала от него больше неприятностей, чем

пользы, — сказал один. — Если за ним надо возвращаться в эти проклятые туннели, то пропади он пропадом.

Гандальф отвечал в сердцах:

— Я его взял, а я не беру бесполезного. Либо вы поможете мне в поисках, либо я пойду один, а вы уж выбирайтесь отсюда, как знаете. Если мы сможем его найти, вы еще меня поблагодарите. И зачем только ты, Дори, бросил нашего взломщика?

— Еще бы не бросить, — сказал Дори, — когда гоблин сзади хватает тебя за ногу, и сбивает подножкой, и пинает в спину!

— Почему же ты его снова не

подобрал?

— Силы небесные! Он еще спрашивает! Тьма, гоблины кусаются, все падают и налетаются друг на друга! Ты чуть не снес мне голову Гламдрингом, а рядом Торин тычет Оркристом куда ни попадя. Тут твоя вспышка, и гоблины с воём бегут назад. Ты кричишь: «Все за мной!», и все должны были побежать. Мы думали, все и бегут. Считать было некогда, сам вспомни, пока мы не пробежали мимо караульных, в дверь и дальше вниз, не разбирая дороги. И вот мы здесь — без взломщика, чтоб ему пусто было!

— А вот и взломщик! — сказал Бильбо, вступая в круг гномов и

снимая кольцо.

Батюшки, ну и подпрыгнули же они! А потом закричали от изумления и радости.

Гандальф был изумлен не меньше других, а обрадован — даже больше. Он окликнул Балина и сообщил тому, что думает о дозорном, мимо которого так запросто можно пройти. Вообще после этого случая гномы по-настоящему зауважали Бильбо. Если до сих пор они, несмотря на слова Гандальфа, сомневались, что он и вправду первоклассный взломщик, теперь эти сомнения рассеялись. Особенно удивлялся Балин, но все твердили, что Бильбо — молодец.

Хоббиту так понравились хвалы, что он только усмехнулся про себя и не стал рассказывать о кольце. Когда его спросили, как ему это удалось, он ответил: «Ну, просто подкрался очень-очень тихо и незаметно».

— Н-да, это первый раз, когда хотя бы мышь проскользнула мимо меня очень тихо и незаметно, — сказал Балин. — Снимаю перед тобой капюшон.

Что гном и сделал.

— Балин к вашим услугам, — промолвил он.

— Ваш слуга, Бильбо Бэггинс, — отвечал Бильбо.

Потом гномы захотели узнать, что с ним было. Бильбо сел и

рассказал все, кроме истории с кольцом («Не сейчас», — подумал он). Особенно слушателей заинтересовала игра в загадки; они сочувственно ежились, слушая про Голлума.

— А когда я не смог придумать другого вопроса из-за того, что он сидел рядом, — закончил Бильбо, — я спросил: «Что у меня в кармане?». Он не ответил с третьей попытки, поэтому я сказал: «Теперь выводите меня, как обещал!». Но он бросился на меня, чтобы убить, и я побежал и упал, а он меня в темноте не заметил. Тогда я пошел за ним, потому что слышал, как он говорит сам с собой. Он думал, что я знаю

дорогу наружу, и рассчитывал меня догнать. Потом он сел в проходе, и я не мог его обойти. Ну, я перепрыгнул через него и бросился к воротам.

— А караульные? — спросили гномы. — Их что, не было?

— Еще как были, целая куча! Я прошмыгнул мимо них и застрял в двери, которая была приоткрыта совсем чуть-чуть, и лишился почти всех пуговиц, — Бильбо с сожалением оглядел порванную одежду, — но все-таки протиснулся, и вот я здесь.

Гномы смотрели на него с новым уважением, когда он рассказывал, как прошмыгнул мимо караульных, перепрыгнул через

Голлума и протиснулся в дверь, словно это совсем не страшно и не опасно.

— Что я вам говорил! — со смехом сказал Гандальф. — Мистер Бэггинс совсем не так прост, как вы думаете. — Он странно взглянул на Бильбо из-под кустистых бровей, и хоббиту показалось, что волшебник угадал недосказанное.

Теперь пришел черед Бильбо задавать вопросы, ибо, если Гандальф и объяснил все гномам, его-то при этом не было. Ему хотелось знать, как волшебник появился снова и куда они теперь направляются.

Гандальф, сказать по правде, не

прочь был лишний раз похвалиться своей мудростью. По его словам, они с Эльрондом хорошо знали о гоблинах в этой части гор. Однако их главные ворота раньше были на другом перевале, более легком, и они часто ловили заночевавших неподалеку путников. Видимо, теперь этой дорогой перестали ходить, и гоблины пробили новый ход к перевалу, которым шли гномы — совсем недавно, потому что до последнего времени он считался вполне безопасным.

— Придется поискать более-менее приличного великана, чтобы он завалил этот вход, — сказал Гандальф, — не то через горы совсем

станет не пройти.

Как только волшебник проснулся от крика Бильбо, он понял, что произошло. При вспышке, которая убила схвативших его гоблинов, он успел проскочить в щель, когда та закрывалась, и последовал за пленниками и погонщиками до самого главного зала. Здесь, у входа, Гандальф сел, и, как мог в темноте, принялся готовить волшебство.

— Была — не была, — сказал он.

Но, конечно, Гандальф специально изучал колдовство со светом и огнем (*вы помните, что хоббит не забыл волшебные*

фейерверки у старого Тука).
Остальное вам известно, кроме того, что Гандальф знал про черный ход, как гоблины называют нижние ворота, те самые, в которых Бильбо потерял пуговицы. Кстати, о нем знали все, более-менее знакомые с этой частью гор, но без волшебника гномы в жизни не отыскали бы дорогу в темных туннелях.

— Ход пробили давным-давно, — сказал он, — отчасти как путь к отступлению, отчасти для ночных вылазок в предгорья. Гоблины стерегут его днем и ночью, так что еще никому не удавалось завалить эту дверь. Теперь будут стеречь вдвое бдительней, —

рассмеялся волшебник.

Остальные тоже рассмеялись. Они лишились пони и снаряжения, зато убили Великого гоблина и много других в придачу, не потеряв никого из своих, так что, в конечном счете, могли считать себя победителями.

Однако волшебник быстро их охолодил.

— Мы немного отдохнули, а теперь надо трогаться, не мешкая. С наступлением ночи сотни гоблинов кинутся в погоню, а тени уже удлиннились. Они возьмут наш след даже много часов спустя. К сумеркам мы должны быть далеко отсюда. Если повезет, ночь будет лунная. Гоблинам луна не помеха, но нам по

крайней мере легче будет идти.

— О да! — ответил он на новые расспросы Бильбо. — В туннелях ты утратил счет времени. Сегодня четверг, а гоблины напали на нас в ночь с понедельника на вторник. Мы прошли многие мили через самое сердце гор и оказались по другую сторону хребта. Сейчас мы не там, куда спустились бы с перевала, а гораздо севернее, так что, хоть мы и срезали, дорога впереди не из легких. К тому же мы все еще довольно высоко в горах. Идемте!

— Ужасно есть хочется, — простонал Бильбо. Он вдруг понял, что ничего не ел с позавчашнего дня. Вообразите, что

это такое для хоббита!.. Теперь, когда волнение улеглось, он чувствовал пустоту в желудке и слабость в ногах.

— Ничем не могу помочь, — сказал Гандальф, — разве что ты вернешься и вежливо попросишь гоблинов вернуть тебе пони и поклажу.

— Ну нет, спасибо! — ответил Бильбо.

— Вот и отличненько. Затянем пояса и вперед — не то попадем гоблинам на ужин, а это куда досадней, чем остаться без ужина.

Всю дорогу Бильбо оглядывался по сторонам в поисках еды, но ежевика еще только цвела, и не было, разумеется, ни орехов, ни

боярышника. Он пожевал листик щавеля, попил из бежавшего через тропу ручья и съел три земляничины, однако сытости от этого не прибавилось.

Они все шли и шли. Тропа кончилась. Кусты, высокая трава между валунами, объединенный кроликами дерн, тимьян, шалфей, майоран и желтый солнцезвезд — все кончилось; дальше шла осыпь. Стоило начать спуск, как из-под ног посыпались камешки, увлекая за собой камни побольше. Вскоре вниз уже катились, грохоча и вздымая пыль, целые глыбы. Казалось, весь склон пришел в движение; путники съезжали, вцепившись друг в дружку,

вместе с грохочущей, дробящейся лавиной камней.

Спасли деревья. Высокие сосны, растущие прямо на склоне — передовой отряд темного леса внизу, — задержали движение. Кто-то схватился за ствол и повис на нижних ветвях, кто-то (как маленький хоббит) укрылся за деревом от летящих камней. Вскоре опасность миновала, камнепад закончился, только далеко внизу еще катились, ломая папоротник и прыгая на сосновых корнях, самые большие валуны.

— Ну! Славно проехались! — сказал Гандальф. — И никакая погоня не спустится здесь без шума.

— Еще бы, — проворчал Бомбур. — Зато им легко будет скинуть нам на голову парочку глыб.

Гномы и Бильбо не чувствовали ни малейшей радости: все потирали ушибы и синяки.

— Чепуха! Сейчас мы свернем в сторону, и никакой камнепад нам не страшен. Быстрее! Уже смеркается!

Солнце давно спряталось за гору. Вокруг сгущались тени, хотя далеко за ближними стволами и верхушками деревьев внизу можно было различить залитую вечерним светом равнину. Все, как могли, заковыляли по сосняку к дороге, ведущей прямо на юг. Иногда им приходилось ломиться через

папоротник, и тогда высокие резные листья смыкались у Бильбо над головой, иногда путники бесшумно ступали по ковру из сосновых иголок, а лесной сумрак становился все непрогляднее, лесное безмолвие — все глуше. Не было ни ветерка, даже ветки не шелестели.

— Долго еще? — спросил Бильбо. Стояла такая темень, что он еле различал болтающуюся рядом бороду Торина, и такая тишь, что дыхание гномов звучало неестественно громко. — Я намял пятки, ноги болят, брюхо болтается, как пустой мешок.

— Еще чуть-чуть, — сказал Гандальф.

Казалось, минули годы, прежде чем перед ними неожиданно открылась поляна. Луна взошла и заливала траву серебристым светом. Почему-то место всем сразу не понравилось, хотя по виду ничто не предвещало беды.

И тут снизу донесся вой, долгий протяжный вой. Ему ответил другой, правее и гораздо ближе, потом еще один, не очень далеко слева. Волки были на луну... волки, сбивающиеся в стаю!

Возле родной норы мистера Бэггинса волки не водятся, но вой этот он узнал. Его довольно часто описывают в сказках. Один из старших кузенов Бильбо (по

туковской линии), великий путешественник, нарочно был волком, чтобы напугать братца. Услышать волчий вой в лесу при луне — для Бильбо это было слишком. Даже волшебные кольца не спасают от волков — особенно от страшных стай, обитающих у подножья гоблинских гор, на самом краю неведомого. Такие волки чуют даже лучше гоблинов, им не нужно тебя видеть, чтобы поймать!

— Что делать, что делать?! — завопил хоббит. — Сбежали от гоблинов, чтобы попасть к волкам, — сказал он, и это стало пословицей, хотя теперь мы говорим о таком затруднительном положении «попал

из огня да в полымя».

— Живо, на деревья! — крикнул Гандальф, и все побежали к деревьям на краю поляны, выбирая те, у которых ветки пониже, или с тонким стволом, на который легко влезть.

Можете догадаться, как быстро путники отыскивали подходящие и как высоко забрались — до последних веток, которые еще могли их держать. Вы бы посмеялись (с безопасного расстояния), видя, как гномы сидят на ветвях, свесив бороды, словно полоумные старые джентльмены, вздумавшие поиграть в мальчишек. Фили и Кили оседлали макушку лиственницы, огромной, как новогодняя елка. Дори, Нори,

Ори, Оин и Глоин удобно разместились на большой сосне, от которой ветки отходили через равные расстояния, словно спицы в колесе. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин — на соседней. Двалин и Балин вскарабкались на высокую молодую елочку с редкими ветвями и теперь тщетно пытались устроиться наверху. Гандальф, как самый высокий, намного выше гномов, нашел дерево, на которое они взобраться не могли, большую сосну на самом краю поляны. Волшебник совершенно укрылся в иголках, видно было только, как сверкают в лунном свете его глаза, когда он выглядывал наружу.

А Бильбо? Он не мог вскарабкаться на дерево и бегал от ствола к стволу, словно потерявший нору кролик, за которым гонится собака.

— Ты снова бросил взломщика! — обратился Нори к Дори, посмотрев вниз.

— Я не нанимался все время таскать его на себе, — сказал Дори, — по туннелям да по деревьям. Кто я вам? Носильщик?

— Его съедят, если мы не поможем, — сказал Торин. (Волки были теперь со всех сторон, все ближе и ближе). — Дори! — крикнул он, потому что Дори сидел ниже других. — Живее, подай мистеру

Бэггинсу руку.

Дори был вполне приличный гном, хоть и ворчун. Бедный Бильбо не мог дотянуться до его руки, даже когда Дори спустился на нижнюю ветку и свесился, так что пришлось гному слезть и подставить спину.

В этот самый миг волки с воем выбежали на поляну. Из тьмы на гномов смотрели сотни горящих глаз. И все же Дори не бросил Бильбо. Он подождал, пока хоббит заберется с его плеч на ветку, потом запрыгнул сам. И вовремя! Волк ухватил зубами плащ и чуть не стащил гнома на землю. Через мгновение вся стая выла и подпрыгивала под деревом. Глаза их горели во мраке.

Однако даже дикие варги (ибо так зовутся злобные волки, обитающие на краю Диких земель) не умеют залезать на деревья. Гномы и Бильбо на время были в безопасности. По счастью, ночь выдалась теплая и безветренная.

Очевидно, на этой поляне волки устроили сбор. Прибывали все новые и новые. Они оставили дозорных под деревом, на котором сидели Дори и Бильбо, а сами принялись обнюхивать прочие деревья, пока не нашли всех. Здесь они тоже поставили караульных, а остальные собрались в большой круг на поляне. Сидевший посередине огромный седой волк обратился к ним на

отвратительном языке варгов. Гандальф его понимал, Бильбо — нет, но чувствовал, что речь идет о чем-то жестоком и подлом, как оно, разумеется, и было. Время от времени варги хором отвечали седому вожаку, и от их воя бедный хоббит только что не падал с дерева.

Я расскажу вам, что услышал Гандальф и не понял Бильбо. Варги и гоблины — сообщники во многих черных делах. Гоблины нечасто решаются отходить далеко от гор, разве что в поисках нового убежища, если их выгнали из старого, или с войной (чего, рад сказать, уже давно не случалось). Однако в те дни они повадились совершать набеги,

особенно за едой и рабами, не раз брали с собой варгов и делились с ними добычей. Иногда гоблины ездят верхом на волках, как люди на лошадях. Судя по всему, на эту ночь была назначена большая вылазка. Варги пришли на встречу с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, несомненно, стала смерть Великого Гоблина и переполох, вызванный волшебником, Бильбо и гномами, которых, вероятно, еще продолжали искать.

Несмотря на все опасности Дикого края, отважные люди начали постепенно возвращаться сюда с севера. Они рубили лес и строили дома в долинах и возле рек. Их было

много, отважных, хорошо вооруженных; даже варги не смели нападать на деревни при свете дня. Теперь они задумали с помощью гоблинов разорить ближайшие к горам селенья. Если бы вылазка удалась, к утру там не осталось бы ни одного человека; тех, кого бы не растерзали волки, угнали бы в плен гоблины.

Слушать это было ужасно. Страшила участь храбрых лесорубов, их жен и детей, но и над самим Гандальфом с друзьями нависла новая опасность. Варги удивились и разозлились, застав на месте сбора чужаков, которых сочли лазутчиками; если бы гномы предупредили людей

о вылазке, гоблинам и варгам вместо расправы над спящими пришлось бы принять бой. Поэтому волки решили стеречь деревья, по крайней мере до утра. А там, глядишь, подоспеют гоблины, которые умеют лазить по деревьям. И у них есть топоры.

Теперь вы понимаете, что Гандальф, даром что волшебник, не на шутку перепугался, слушая рычание и вой. Он чувствовал, что они в очень плохом месте и вовсе не спаслись от гоблинов. Однако Гандальф не собирался складывать руки, хотя не очень-то много сделаешь, сидя на высоком дереве в окружении волчьей стаи. Он сорвал несколько больших шишек, зажег

одну ярким голубым пламенем и бросил в волков. Она ударила одного варга по спине, свалившаяся шерсть тут же вспыхнула, и волк с воем запрыгал по поляне. Следом полетела вторая шишка, за ней третья — в синем и красном пламени, потом еще одна — в зеленом. Шишки падали на землю в середину круга и рассыпались цветными искрами. Самая большая ударила в нос вожаку. Тот подпрыгнул на десять футов, потом забегал кругами, в ярости и страхе кусая других.

Гномы и Бильбо закричали: «Ура!». Страшно было смотреть, как носятся по лесу разъяренные волки. Искра, упавшая на шкуру,

продолжала гореть, и, если волк тут же не принимался кататься, сбивая пламя, оно мгновенно охватывало зверя целиком. Вскоре по всей поляне волки катались, силясь потушить искры, а те, кто уже горел, носились с воем, поджигая остальных, пока собственные товарищи не прогнали их прочь, и они с воем и визгом не унеслись в поисках воды.

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — Повелитель Орлов сидел, черный в лунном свете, на одинокой горной вершине у восточного края гор. — Я слышу волчьи голоса. Не гоблины ли вышли на разбой?

Он взмыл в небо, и тут же два

телохранителя поднялись с соседних утесов и полетели за ним. Они закружили в небе над поляной, глядя на варгов, крошечных с такой высоты. Однако у орлов зоркое зрение, они различают любую мелочь. Повелитель Орлов с Мглистых гор мог, не мигая, глядеть на солнце и за милю высмотреть крольчишку даже в свете луны. Он не видел гномов на деревьях, но различал волчью беготню и вспышки, слышал далекие визг и лай. Еще он видел лунные отблески на копьях и шлемах гоблинов, чьи длинные колонны спускались по склону от ворот и, змеясь, исчезали в лесу.

Орлы — не добрые птицы. Встречаются среди них трусливые и жестокие. Однако древний род, населяющий северные горы — величайшие из всех птиц; они горды, сильны и благородны. Гоблинов они не любят и не боятся. Если они и обращают внимание на этих созданий (очень редко, потому что орлы брезгают их есть), то кружат над ними с клекотом и хлопаньем крыльев, загоняют обратно в пещеры, чтоб неповадно было творить зло. Гоблины ненавидят и боятся орлов, но не могут добраться до высоких гнездовий, и справиться с орлами им не по силам.

Сегодня Повелителю Орлов

стало любопытно, что происходит внизу, и он призвал множество других. Все они снялись с вершин и широкими кругами начали спускаться к поляне.

И хорошо сделали, ибо страшные дела творились внизу. Загоревшиеся волки подожгли лес, полыхало уже в нескольких местах. Лето было в самом разгаре, по восточную сторону гор стояла сушь. Пожелтевший папоротник, упавшие ветки, сосновые иглы на земле, редкий сухостой — все занялось в мгновение ока. Вокруг волчьей поляны плясал огонь. Однако волки-караульные не убежали. В страхе и ярости они прыгали под деревьями,

проклиная гномов на своем отвратительном наречии. Языки их болтались наружу, глаза свирепо горели в алых отблесках пламени.

И тут на поляну с воплями выбежали гоблины. Они думали, будто началось сражение с лесорубами, но вскоре поняли, что происходит на самом деле. Некоторые сели на траву и стали смеяться. Другие замахали копьями и застучали древками о щиты. Гоблины не боятся огня и вскоре составили план, который показался им очень забавным.

Одни согнали волков в кучу, другие обложили стволы папоротником и хворостом. Третьи

забегали, гася пламя, и вскоре потушили пожар везде, только не возле деревьев, на которых сидели гномы. Гоблины принялись бросать в огонь сухую листву, папоротник и ветки. Вскоре гномы оказались в сужающемся огненном кольце, и пламя уже лизало наваленный под деревьями хворост. Дым ел Бильбо глаза, снизу припекало; он видел, как за густыми клубами гоблины водят хоровод, словно люди вокруг костра в канун летнего солнцеворота. За хороводом воинов с топорами и копьями, на почтительном расстоянии, сидели волки. Сидели и ждали.

Хоббит слышал, как гоблины

затянули жуткую песню:

На пяти деревьях
пятнадцать птах,
От ветра топорщатся
перышки, ах!
Занятные птички, а перьев-
то нет!
Что с ними делать, дай
совет?
Чуть-чуть ошпарим, слегка
обжарим,
А лучше сожрем живьем!

Потом они перестали петь и
закричали:

— Улетайте, пташки! Улетайте,

если можете! Спускайтесь, пташки, или зажаритесь в своих гнездах! Пойте, пойте, пташки! Что не поете?

— Подите прочь, сорванцы! — крикнул Гандальф в ответ. — Сейчас не время разорять гнезда. А сорванцов, которые играют с огнем, наказывают.

Он хотел позлить гоблинов и показать им, что ничуть не боится — хотя, разумеется, даже волшебнику было очень страшно.

Однако гоблины не обратили внимания и запели:

Валежник и сучья —
Тащите их в кучу!
Огонь, разгорайся!

Все выше взбирайся!

Йо-хэй!

Все выше, все ближе —

Пусть пламя их лижет!

Чтоб тлели бородки

И дым ел им глотки!

Чтоб кожа трещала

И кости им жгло,

И жидкое сало

На землю текло!

Йо-хэй!

Пылайте, малютки,

Сгорите дотла —

Чтоб ночь весела

Нам была

И светла!

Под возглас «Йо-хэй!» пламя перекинулось на дерево, на котором сидел Гандальф, и в мгновение охватило соседние. Кора занялась, нижние ветки затрещали.

Гандальф взобрался на самую верхушку. Из его посоха молнией ударил яркий свет. Волшебник собрался прыгнуть прямо на копья гоблинов. Тут бы ему и конец, хотя врагов он уложил бы немало, обрушившись им на голову, как гром. Однако прыгнуть он не успел.

В этот самый миг с неба пал Повелитель Орлов, схватил его в когти и взвился ввысь.

Гоблины завывали от ярости и удивления. Громкий клекот огласил

лес — Повелитель Орлов говорил с Гандальфом. Могучие птицы, его спутники, огромными черными тенями низринулись с высоты. Волки выли и скрежетали зубами, гоблины вопили и топали ногами в бессильной ярости. Напрасно они метали в воздух тяжелые копья — орлы кружили над поляной и били крыльями, заставляя гоблинов падать на землю или спасаться бегством; их острые когти рвали гоблинам морды. Другие понеслись к деревьям и схватили гномов, вскарабкавшихся уже на самые верхушки.

Бедного маленького Бильбо снова чуть не забыли! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, которого

подхватили последним. Вместе они понеслись над криками и пожаром. Бильбо раскачивался в воздухе, держась из последних сил.

Волки и гоблины разбежались по всему лесу. Несколько орлов по-прежнему кружили над поляной.

Внезапно огонь взметнулся к самым высоким веткам. Пламя, треща, охватило деревья, посыпались искры, повалил дым. Бильбо спасся в последнюю секунду!

Вскоре пожар остался далеко внизу, превратившись в алое зарево, а орлы поднимались все выше, описывая широкие плавные круги. Бильбо навсегда запомнил, как висел, цепляясь Дори за щиколотки,

и причитал: «Руки мои, руки!», а Дори вторил: «Ноги, мои бедные ноги!».

Бильбо всегда боялся высоты. Ему становилось дурно даже на краю невысокого обрыва, он терпеть не мог лестниц, а уж тем более деревьев (благо от волков ему спастись не приходилось). Вообразите, как кружилась у него голова, когда он смотрел на свои болтающиеся ноги и видел далекую землю, отблески лунного света на склонах и узкие ленты рек.

Бледные пики гор приближались, из тьмы выступали залитые лунным светом утесы. Несмотря на лето, было очень

холодно. Бильбо закрыл глаза и стал думать, сколько еще выдержит, потом — что будет, если руки все-таки ослабеют. Его мутило. Полет закончился в тот самый миг, когда пальцы уже готовы были разжаться.

Бильбо со стоном отпустил руки и рухнул на площадку, где гнездились орлы. Здесь он лежал, ни слова не говоря, радость избавления мешалась со страхом свалиться в черную пропасть. Голова кружилась от голода и пережитых опасностей. Неожиданно для себя он сказал вслух:

— Теперь я знаю, что чувствует кусок ветчины, когда его вилкой снимают со сковороды и кладут

обратно на полку.

— Неправда, — из темноты ответил Дори. — Кусок ветчины знает, что рано или поздно вновь отправится на сковородку, а мы надеемся этого избежать. Да и орлы — не вилки.

— Нет, о нет! Даже ничуть не похожи! — воскликнул Бильбо, садясь и глядя на примостившуюся рядом огромную птицу.

Он попытался вспомнить, что говорил раньше и не задел ли этим орла. С орлами лучше не шутить, особенно если ты всего лишь маленький хоббит и сидишь в их гнезде.

Орел поточил клюв о камень и

почистил перья, не обращая на гнома и хоббита никакого внимания.

Вскоре подлетел другой орел.

— Повелитель велел отнести пленников на Большой уступ, — прокричал он и унесся прочь.

Первый орел схватил Дори и взмыл во тьму. Бильбо остался совсем один. Ему еле хватило силы задуматься над словом «пленники» и представить, как его, словно кролика, вслед за гномами разорвут в клочья. Тут вернулся орел, подцепил хоббита за сюртук и понес.

На этот раз летели недолго. Очень скоро трясущегося Бильбо уложили на широкий каменный уступ. Спуститься сюда можно было

только на крыльях, а отсюда — лишь прыгнув в пропасть. Гномы сидели здесь же, спиной к скале. Повелитель Орлов беседовал с Гандальфом.

Судя по всему, съедать Бильбо никто не собирался. Довольно скоро он заключил, что волшебник и орлиный владыка знакомы между собой и даже дружны. Вообще-то Гандальф, часто бывавший в горах, как-то оказал орлам большую услугу, вылечив их повелителя от нанесенной стрелой раны. «Пленники» означало всего лишь «пленники гоблинов», а вовсе не «добыча орлов». Слушая Гандальфа, Бильбо понял, что теперь-то они

наконец выберутся из этих ужасных гор. Волшебник договаривался с Повелителем, чтобы орлы отнесли его, Бильбо и гномов далеко на равнину.

Повелитель Орлов отказывался нести их к людскому жилью.

— В нас будут стрелять из огромных тисовых луков, думая, что мы летим за их овцами. И в другой раз это было бы правдой. Нет! Мы рады, что лишили гоблинов добычи и смогли отблагодарить тебя за услугу, но ради гномов не станем рисковать жизнью.

— Хорошо, — сказал Гандальф. — Отнесите нас, куда сочтете возможным. Мы и так у вас в

неоплатном долгу, однако сейчас умираем с голоду.

— Я уже почти умер, — слабым голосом проговорил Бильбо, но его никто не услышал.

— Это дело поправимое, — ответил Повелитель орлов.

Позже вы могли бы видеть яркий огонь на скальном уступе и гномов, жарящих мясо, от которого поднимался дразнящий дымок. Орлы принесли сухого хвороста, кроликов, зайцев и маленькую овечку. Гномы все приготовили без помощи Бильбо, который слишком устал, к тому же не умел свежевать кроликов и разделывать мясо, которое мясник всегда приносил ему уже

нарубленным. Гандальф тоже лег, правда, сначала разжег костер — Оин и Глоин потеряли свои огнива, а спичек гномы не признают.

Так закончились приключения в Мглистых горах. Вскоре Бильбо снова почувствовал приятную сытость и понял, что сможет уснуть спокойно, хотя и предпочел бы белый хлеб с маслом зажаренному на палочках мясу. Он свернулся на жестком камне и спал крепче, чем в собственной пуховой постельке. Всю ночь ему снился родной дом: он бродил из комнаты в комнату, ища какую-то ужасно важную вещь, которую не мог отыскать, не мог даже вспомнить, как она выглядит.

Глава 7

Необычный кров

На следующий день Бильбо проснулся от яркого солнца, которое светило прямо в глаза. Он подскочил, чтобы взглянуть на часы и поставить чайник, но тут обнаружил, что находится вовсе не дома. Хоббит сел и с тоской подумал о зубной щетке и воде для умывания. Ни того, ни другого не было, равно как и поджаренного хлеба с ветчиной на завтрак, только холодная баранина и крольчатина. А затем предстояло вновь трогаться в путь.

На этот раз ему разрешили

взобраться орлу на спину. Ветер свистел в ушах. Бильбо зажмурился. Гномы прокричали слова прощанья, обещая отблагодарить Повелителя орлов, если смогут, и пятнадцать огромных птиц снялись со склона горы. Солнце едва оторвалось от восточного края мира; утро было холодное, туман лежал в лощинах и кутал вершины гор. Бильбо приоткрыл один глаз и увидел, что они уже высоко в небе, земля — далеко внизу, а горы стремительно удаляются. Он снова зажмурился.

— Не щиплись, — сказал орел. — Нечего дрожать, как кролик, хоть ты изрядно на него смахиваешь. Что может быть лучше полета?

Бильбо хотел ответить: «Теплая ванна и поздний завтрак на лужайке у дома», но счел за лучшее промолчать и немного ослабил хватку.

Шло время. Орлы увидели место, к которому летели, и начали кругами спускаться к земле. Снижались они долго, и наконец хоббит снова открыл глаза. Земля была гораздо ближе — он различал деревья, похожие на дубы и буки, широкие луга и реку. Однако прямо на пути реки, рассекая ее надвое и заставляя описывать петлю, высился утес, словно последняя застава далеких гор или огромный камень, брошенный на мили великаном из

великанов.

Быстро опустились орлы на его вершину и ссадили седоков.

— Добрый путь! — крикнули они. — Куда бы вы ни стремились, доколе не возвратитесь в родные гнездовья!

Так принято говорить у орлов.

— Да несет вас ветер под крылами туда, где плывет солнце и ходит луна! — отвечал Гандальф, знавший правильный ответ.

На этом они расстались, и, хотя Повелитель Орлов стал впоследствии Царем птиц и носил золотую корону, а пятнадцать его ближайших сподвижников — золотые гривны (из золота, которым наградили их

гномы), Бильбо их больше не видел, только высоко и далеко в Битве Пяти Воинств, но о ней — в самом конце нашей истории.

На вершине скалы была площадка; тропа со множеством истертых ступеней вела вниз к реке, через брод с большими плоскими камнями и дальше на луг. У конца спуска, возле брода, обнаружилась пещерка (очень приличная, с галечным полом). Здесь путники сели и стали обсуждать, как быть дальше.

— Я с самого начала собирался проводить вас до этой стороны гор, — сказал волшебник. — Теперь, благодаря удаче и моему присмотру,

вы здесь. Вообще-то мы даже дальше к востоку, чем я собирался с вами идти, а ведь это, в конце концов, не мое приключение. Возможно, я еще загляну вас проведать, прежде чем все закончится, но сейчас меня ждут другие спешные дела.

У гномов вытянулись лица; они запричитали, а Бильбо заплакал. Все уже думали, что Гандальф пойдет с ними до конца и всегда будет рядом в трудную минуту.

— Я не собираюсь исчезать прямо сейчас — могу дать вам день-два. Возможно, я в силах выручить вас из теперешнего положения, да и сам нуждаюсь в помощи. У нас нет ни еды, ни снаряжения, ни пони, а

вы вдобавок не знаете, где находитесь. Это я вам скажу. Вы в нескольких милях к северу от дороги, на которую спустились бы с перевала. Места это малонаселенные, если не слишком изменились за те годы, что я тут не бывал. Однако недалеко отсюда, как мне известно, живет некто. Это он выбил ступени в скале — Скели, как он ее называет, если не ошибаюсь. Он нечасто сюда приходит, особенно днем, так что дожидаться его бессмысленно и даже опасно. Надо пойти к нему, и, если все сложится удачно, я распрощаюсь с вами и скажу, как орлы:

«Добрый путь, куда бы
вы ни стремились».

Гномы взмолились, чтобы Гандальф не уходил. Они сулили ему драконье золото, серебро и драгоценные камни, но волшебник был непреклонен.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Что до золота, думаю, я уже и так заслужил часть вашей добычи — когда она **станет** вашей.

Гномы бросили уговоры и, сняв одежду, искупались в реке — мелкой, прозрачной, с каменистым дном возле брода. Обсохнув на солнце, которое здесь снова пригревало полетному, все почувствовали себя

освеженными, хотя еще немного побитыми и очень голодными. Вскоре путники перешли вброд реку (неся на себе хоббита) и двинулись по высокой траве вдоль раскидистых дубов и стройных буков.

— А почему она зовется Скель? — спросил Бильбо, шедший рядом с волшебником.

— Он зовет ее Скель, потому что слово «скель» означает такие утесы, а эта — единственная в округе, и он хорошо ее знает.

— Кто зовет? Кто знает?

— Некто, о котором я говорил — некто весьма значительный. Когда будете с ним знакомиться, держитесь как можно учтивее. Я буду

представлять вас постепенно, по двое, наверное, и постарайтесь ему не досадить, не то лишь небеса ведают, что случится. В гневе он ужасен, хотя в хорошем настроении очень добр. Однако предупреждаю: он очень вспыльчив.

Гномы, слыша разговор, подошли ближе.

— Это тот, о ком ты нам говорил? Нельзя ли найти кого-нибудь менее вспыльчивого? Не мог бы ты объяснить поподробнее?

— Да, он! Нет, нельзя! Я и так объясняю очень подробно, — с раздражением ответил волшебник. — Если желаете знать больше, его зовут Беорн. Он очень

силен и меняет шкуру.

— Меняет шкуры? — переспросил Бильбо. — Бьет белок и меняет их на соль и спички? Или он, наоборот, скорняк?

— Великие небеса, нет, нет, **НЕТ!** — вскричал Гандальф. — Уж лучше помолчи, мистер Бэггинс, за умного сойдешь! И, заклинаю, не произноси таких ужасных слов, как скорняк, доха, шуба, воротник, муфта, горжетка, пока не отойдешь на сотню миль от его дома! Он меняет шкуру, потому что он оборотень: иногда огромный черный медведь, иногда могучий человек с черными волосами и бородой. Больше сказать не могу, хотя и этого

довольно. Одни говорят, будто он медведь, чьи предки обитали в горах еще до великанов, другие — будто он ведет свой род от первых людей, населявшие эту часть мира прежде, чем появились Смауг и другие драконы, а с севера пришли гоблины. Точно не знаю, но больше верю последним. Сам он — не из тех, кому задают вопросы.

Во всяком случае, он не заколдован, а сам по себе. Живет в огромном доме посреди дубового леса; в человечесем обличье разводит скот и лошадей, почти таких же необычных, как и он сам. Они на него работают и с ним разговаривают. Скотину не ест, на

диких зверей не охотится. Он держит пасеку с огромными свирепыми пчелами и живет в основном на меде и молоке. В медвежьем обличье рыщет по всей округе. Раз я видел ночью: он сидел на вершине Скели и смотрел, как луна садится за Мглистые горы. Я слышал, как он ворчит на медвежьем языке: *«Придет день, когда они сгинут, и я вернусь»* . Вот почему мне верится, что сам он пришел с гор.

Бильбо и гномам было теперь о чем поразмыслить, поэтому вопросов они больше не задавали. Путь предстоял неблизкий. Подъем сменился спуском. Солнце пекло. Иногда путники садились

передохнуть под деревья, и Бильбо готов был от голода есть желуди, если бы они уже успели и упали на землю.

В середине дня им стали попадаться цветы, на каждой полосе свои, словно нарочно посаженные — волнующиеся поля розового клевера и широкие пространства белой медвяной каши. Воздух наполняло гудение, повсюду сновали пчелы. И какие! Бильбо в жизни подобных не видел.

«Если такая укусит, —
подумал он, — меня
раздует вдвое!»

Они были больше шмелей — с ваш большой палец; желтые полосы на черных спинках отливали расплавленным золотом.

— Мы уже близко, — сказал Гандальф, — на краю его пчелиных угодий.

Вскоре путники подошли к цепочке высоких, очень древних дубов; дальше начиналась сплошная колючая изгородь.

— Подождите здесь, — велел волшебник гномам, — а, когда я свистну, ступайте следом, но только по двое, каждая следующая пара минут через пять. Бомбур такой толстый, что сойдет за двоих — пусть идет один и последний.

Вперед, мистер Бэггинс! Ворота где-то там. — С этими словами Гандальф двинулся вдоль изгороди, прихватив с собой испуганного хоббита.

Вскоре они подошли к деревянным воротам, очень высоким и широким. За воротами виднелся сад и россыпь низких, крытых соломой бревенчатых строений: амбар, конюшни, коровник и длинный приземистый дом.

За живой изгородью рядами тянулись круглые ульи под островерхими соломенными крышами. Гудение исполинских пчел наполняло воздух.

Волшебник с хоббитом толкнули

тяжелые скрипучие ворота и оказались на широкой дороге к дому. Несколько лошадей, очень гладких и ухоженных, затрусили к ним по траве, внимательно глядя умными глазами, потом во весь опор унеслись к дому.

— Сообщат, что пришли чужие, — пояснил Гандальф.

Вскоре они попали в прямоугольный двор, ограниченный с трех сторон бревенчатым домом и двумя его флигелями. Посредине лежал огромный дубовый ствол с наполовину обрубленными ветками, рядом стоял огромный мужчина, заросший густыми черными волосами и бородой. Его голые руки

и ноги бугрились мышцами. Он был в шерстяной рубахе до колен и опирался на большой топор.

Лошади стояли рядом, уткнувшись носом в его плечо.

— Хм, вот они! — сказал он лошадям. — С виду не опасны. Можете бежать по своим делам!

Бородач раскатисто захохотал, положил топор и шагнул вперед.

— Кто вы и чего вам надо? — грубо спросил он, нависая над Гандальфом. Бильбо легко мог бы пройти между его ног, не задев головой подол бурой рубахи.

— Я — Гандальф, — сказал волшебник.

— Не слыхивал о таком, —

проворчал бородач. — А это что за козявка? — спросил он, наклоняясь и хмуро глядя на Бильбо из-под густых бровей.

— Мистер Бэггинс, хоббит из хорошей семьи и с безупречной репутацией, — отвечивал Гандальф.

Бильбо поклонился, мучительно сознавая отсутствие шляпы и пуговиц.

— Я — волшебник, — продолжал Гандальф, — и слышал о Вас, хотя Вы обо мне — нет; однако, возможно, вы знаете моего доброго родича Радагаста, что живет у южных пределов Мрачного леса Мирквуда?

— Было дело, встречались, и для

волшебника он, по моему разумению, совсем неплох, — кивнул Беорн. — Ладно, теперь я знаю, кто Вы, или за кого себя выдаете. Что вам нужно?

— Сказать по правде, мы лишились поклажи и чуть не сбились с пути. Нам нужна помощь или, по крайней мере, совет. Мы имели довольно неприятную встречу с горными гоблинами.

— С гоблинами? — переспросил бородач чуть менее грубо. — Неприятную встречу, говоришь? А чего вас к ним понесло?

— Они напали ночью, у перевала, когда мы шли из западных земель в здешние края — но это

долгая история.

— Тогда заходите в дом и рассказывайте, если это не займет весь день. — И бородач повел их к большой темной двери, которая открывалась в дом прямо со двора.

Они оказались в просторном помещении с очагом посередине. Несмотря на лето, в очаге горели поленья. Дым поднимался к темным балкам и выходил через отверстие в кровле. Все трое прошли через полумрак, освещаемый только огнем в очаге и солнцем, что виднелось через дыру в потолке, на веранду с опорами из цельных дубовых бревен. Она была обращена на юг и еще хранила дневное тепло. Солнце,

клонясь к западу, заливало ее косыми лучами и золотило цветник, подступающий к самым ступеням.

Они уселись на дубовых скамьях, и Гандальф начал рассказ, а Бильбо болтал короткими ногами и смотрел на цветы, гадая, что как называется, потому что половину видел впервые.

— Я ехал через горы со спутником-двумя... — начал волшебник.

— Двумя? Я вижу только одного и то совсем маленького, — сказал Беорн.

— Ну, сказать по правде, мне не хотелось вас обременять из опасения, что вы заняты. Если

можно, я позову.

— Валяйте, зовите.

Гандальф пронзительно свистнул. Вскоре Торин и Дори обошли дом по садовой дорожке и низко поклонились.

— Двумя-тремя, как я погляжу! — сказал Беорн. — Но это не хоббиты, а гномы.

— Торин Дубовый Щит, к вашим услугам! Дори к вашим услугам! — сказали оба гнома, снова кланяясь.

— Благодарю, я не нуждаюсь в ваших услугах, — ответил Беорн, — но, полагаю, вы нуждаетесь в моих. Гномов я вообще-то не жалую, однако, если ты и впрямь Торин (сын Траина, сына Трора, коли не

ошибаюсь), и твой спутник заслуживает уважения, и если вы — недруги гоблинов и не замышляете ничего дурного в моих владениях... кстати, зачем вы здесь?

— Они идут навестить земли отцов далеко к востоку от Мирквуда, — вмешался Гандальф, — а в твоих владениях оказались не по своей воле. Мы шли через Высокий перевал, с которого спустились бы на дорогу южнее, но тут на нас напали гоблины — как я уже начал рассказывать.

— Так рассказывай, не тяни! — буркнул Беорн, не отличавшийся учтивостью.

— Разыгралась страшная буря,

великаны начали бросать глыбы, и мы укрылись в пещере — хоббит, я и несколько моих спутников.

— По-твоему, два — это несколько?

— Ну, нет. Их было чуть больше двух.

— Где же они? Убиты, съедены, вернулись домой?

— Нет, нет. Почему-то они не все подошли, когда я свистнул. Робеют, наверное. Понимаете, мы очень не хотели доставлять вам лишнее беспокойство.

— Так свисти снова! Коли уж принимать гостей, то ртом больше, ртом меньше — не велика разница.

Гандальф сунул пальцы в рот, но

Ори и Нори появились еще до того, как смолк свист: вы помните, что волшебник велел гномам идти парами через каждые пять минут.

— Вот те на! — сказал Беорн. — Быстро, однако — где вы прятались? Заходите, гости незваные!

— Нори, к вашим услугам, Ори к... — начали гномы.

Беорн их оборвал:

— Спасибо! Когда мне понадобится ваша помощь, я сам попрошу. Садитесь и дослушаем рассказ, не то он и к ужину не кончится.

— Как только мы уснули, — продолжал Гандальф, — в стене открылась щель. Выскочили гоблины,

схватили хоббита, гномов и табун наших пони...

— Табун пони? Вы что — бродячий цирк? Или вы везли много добра? Или у вас шесть — табун?

— О, нет! Пони было больше, чем шесть, да и нас тоже — вот, кажется, и еще двое! — В этот самый миг появились Балин с Двалином и низко поклонились, метя бородами каменный пол. Беорн свел было брови, но они так старались угодить, так сгибались пополам и махали капюшонами у колен (*со всей гномьей учтивостью*), что он перестал хмуриться и разразился хохотом — уж очень потешно они выглядели.

— Табун, верно. И презабавный. Заходите, мои весельчаки. Как вас зовут? Услуг мне ваших не надо, только назовитесь и рассаживайтесь, да хватит кланяться!

— Балин и Двалин, — ответили они, не смея обижаться, и с ошарашенным видом плюхнулись на пол.

— Рассказывай дальше! — потребовал Беорн.

— На чем я остановился? Ах да! Меня-то как раз не схватили. Я убил гоблина-другого вспышкой...

— Славно! — проворчал Беорн. — Порой неплохо быть волшебником, как я погляжу.

— ...и проскользнул в щель,

когда она уже закрывалась, затем последовал за ними в большой зал, наполненный гоблинами. Здесь же был Великий Гоблин с тридцатью или сорока вооруженными стражниками. *«Даже не будь они скованы, — подумал я, — что может дюжина против стольких врагов?»*.

— Дюжина! Отродясь не слышал, чтобы восемь называли дюжиной. Или у вас еще несколько в кармане?

— Да, сдается, еще двое подходят. Фили и Кили, как мне кажется, — сказал Гандальф. Эти двое как раз приблизились к веранде и стояли, улыбаясь и кланяясь.

— Хватит! — велел Беорн. —

Садитесь и молчите. Продолжай, Гандальф!

И Гандальф продолжил рассказ. Он описал сражение в темноте, и как они, добежав до нижних ворот, не досчитались мистера Бэггинса.

— Мы сочли своих, но хоббита не было. Нас осталось всего четырнадцать!

— Четырнадцать! Впервые слышу, чтобы от десяти отнять один было четырнадцать. Ты хочешь сказать «девять», или назвал мне не всех своих спутников.

— Да, конечно, ты еще не видел Оина и Глоина. А, вот и они! Надеюсь, вы простите их за беспокойство.

— Пусть заходят! Живее! Сюда, вы двое, и садитесь! Однако учти, Гандальф, даже теперь у нас только ты, десять гномов и пропавший хоббит. Это одиннадцать (плюс один потерянный), а не четырнадцать, если только у волшебников не свой счет. А теперь, прошу тебя, продолжай. — Беорн старался не показывать виду, но рассказ очень его увлек. Дело в том, что он хорошо знал ту часть гор, которую описывал Гандальф. Он кивал и покряхтывал, слушая, как вновь появился хоббит, как они спускались по осыпи, и как волки сошлись в кольцо на поляне. Когда Гандальф рассказал, как взобрался от волков на дерево, Беорн

встал и заходил по веранде, бормоча:
— Меня там не было! Я бы устроил
им что-нибудь почище фейерверка!

— Ну, — продолжал Гандальф,
довольный, что рассказ производит
хорошее впечатление, — я сделал,
что умел. Итак, волки бесновались
внизу, лес уже пылал в нескольких
местах, и тут появились гоблины.
Они злорадно завопили и запели
издевательскую песню. «Пять
деревьев, пятнадцать птах»...

— Великие небеса! — прорычал
Беорн. — Только не уверяй, будто
гоблины не умеют считать. Еще как
умеют. Двенадцать — не пятнадцать,
и гоблинам это известно.

— Мне тоже. Были еще Бифур и

Бофур. Я не решался представить их раньше, но вот, кстати, и они.

Подошли Бифур и Бофур. «И я!» — пропыхтел, догоняя их, Бомбур. Он был очень толст, к тому же злился, что его оставили одного, поэтому не стал выжидать пять минут, а отправился сразу за Бифуром и Бофуром.

— Что ж, теперь вас пятнадцать, а поскольку гоблины умеют считать, полагаю, это все, кто сидел на деревьях. Теперь, надеюсь, ты сможешь досказать без помех.

Бильбо понял, как мудро поступил Гандальф. Помехи только раззадорили любопытство Беорна, не то он сразу прогнал бы гномов, как

подозрительных бродяг. Он старался никого не пускать себе в дом. Друзей у него было мало, жили они довольно далеко, и Беорн приглашал к себе от силы двоих за раз. А тут у него на веранде собралось целых пятнадцать гостей!

Когда волшебник закончил тем, что орлы принесли их к Скели, солнце зашло за Мглистые горы и по саду протянулись длинные тени.

— Славный рассказ! — промолвил Беорн. — Давненько я такого не слышал. Если бы все бродяги так складно говорили, их бы ждал у меня более радушный прием. Даже если ты выдумал все от начала и до конца, ты все равно заслужил

ужин. Давайте к столу!

— Да, пожалуйста, — сказали гости. — Спасибо большое!

В доме было уже совсем темно. Беорн хлопнул в ладоши — вбежали четыре прекрасных белых пони и несколько серых поджарых псов. Беорн обратился к ним на странном языке, сходном больше со звуками, которые издают звери, нежели с человеческой речью. Они снова вышли и вернулись, неся в зубах факелы, которые зажгли от огня в очаге и воткнули в низкие скобы на столбах.

Эти псы умели при желании ходить на задних лапах и нести поноску в передних. Они быстро

притащили от стены козлы и доски и установили их возле огня.

Тут раздалось «бээ-бээ», и вошли три снежно-белых овцы под предводительством огромного смоляно-черного барана. Одна овца несла белую скатерть, вышитую по углам фигурками зверей; остальные, на широких спинах — большие черные подносы с мисками, тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки взяли подносы и быстро поставили на стол, такой низкий, что даже Бильбо было удобно за ним сидеть. Рядом пони установили две низкие плетеные скамейки на толстых деревянных ножках и такое же большое черное

кресло, в которое сел Беорн (вытянув под стол длинные ноги). Других сидений в доме не было — наверное, Беорн нарочно сделал их пониже для удобства поразительных зверей, которые ему прислуживали. Как же гномы? О них тоже не забыли. Другие пони вкатили большие чурбаны, гладко обтесанные и невысокие, так что и Бильбо забрался на свой без труда. Вскоре все уже сидели за столом. Много лет дом Беорна не видел подобного сблища.

Так они не ужинали (или не обедали) с тех пор, как покинули Последний Приветный дом на западе и распрощались с Эльрондом. Вокруг

подрагивало пламя факелов, мерцал огонь в очаге, на столе горели две красные восковые свечи. За едой Беорн рокочущим басом рассказывали про дикие земли по эту сторону гор, особенно же про сумрачный и гиблый лес, что протянулся далеко на север и юг в дне езды отсюда, преграждая дорогу на восток — страшный лес Мирквуд.

Гномы слушали и кивали бородами. Они знали, что путь через лес — самый трудный и опасный после гор и до того, как друзья приблизятся к логовищу дракона. Отужинав, они тоже принялись рассказывать истории, но Беорн, казалось, дремал и ничего не

слышал. Гномы говорили о золоте, серебре и драгоценных камнях, о кузнечном и золотых дел мастерстве... Беорна это не занимало: золота и серебра у него в доме не водилось, да и вообще из металла — только ножи.

Гости долго сидели за столом и пили мед из деревянных чаш. Снаружи сгустилась ночь. Подбросили еще поленьев, факелы погасили, а они все сидели в дрожащих отблесках очага, а за спиной высились деревянные столбы, черные, как деревья в лесу... Волшебство ли тому причиной или что другое, но Бильбо слышался шелест веток в стропилах и уханье

сов. Вскоре хоббит уже клевал носом. Голоса звучали все глуше, и вдруг он резко проснулся.

Дверь заскрипела и хлопнула. Беорн вышел. Гномы, скрестив ноги, сидели вокруг очага. Они запели. Строки звучали примерно так, только их было гораздо больше, и пели долго.

Дул ветер в вереске сухом,
но лес не ворохнул
листочком,
там целый день клубилась
тьень,
и звери рыскали тайком.
Все яростнее ветер дул;
над кронами пронесся гул,

ударил шквал — бор
задрожал

и листья наземь отряхнул.

Дул ветер с гор —
холодный, злой,

сметая все перед собой,
он свирепел и грозно пел,
катился валом, как прибой.

Свистел он в тростнике
озёр,

когтистой лапой небо тёр,
и туч клочки вперегонки
пред ним неслись во весь
опор.

Он мчался, воя и стена,
над старым логовом огня,
где в дебрях скал Дракон
дремал,

дымясь во сне, как головня.
Тогда простился он с
землей
и взвился в океан ночной
—
трепать за хвост павлина
звезд
и править лунною ладьей.

У Бильбо снова начали
слипаться глаза. Внезапно Гандальф
поднялся.

— Нам пора спать. Нам, но не
Беорну. В его доме мы можем
ночевать спокойно, однако помните,
что он сказал, уходя:

«До рассвета из дома ни ногой, или пеняйте на себя!».

Бильбо увидел, что им уже постелили у стены, на возвышении между столбов. Для него приготовили соломенный тюфячок и шерстяные одеяла. Он с удовольствием укрылся, несмотря на лето. Очаг почти прогорел. Бильбо заснул. Ночью он проснулся; в очаге потрескивали последние уголья, Гандальф и гномы ровно дышали во сне, полная луна смотрела сквозь дыру в потолке, заливая помещение белым светом.

Кто-то ревел снаружи, и

казалось, что какой-то большой зверь возится у крыльца. Бильбо гадал, кто это, не Беорн ли в медвежьем обличье, и не съест ли он их всех. Хоббит с головой спрятался под одеяло и снова заснул, невзирая на свои страхи.

Проснулся он поздно утром. Один из гномов споткнулся об него, не заметив, и скатился с возвышения на пол. Это был Бофур, и он еще продолжал ворчать, когда Бильбо открыл глаза.

— Вставай, лежебока, — сказал гном. — А то завтрака не достанется.

Бильбо подскочил.

— Завтрак! Где завтрак?

— По большей части внутри

нас, — отвечали другие гномы, — но кой-какие остатки на веранде. Мы ищем Беорна с тех пор, как взошло солнце; его нет, хотя завтрак, когда мы встали, был уже на столе.

— А где Гандальф? — спросил Бильбо, торопливо направляясь к веранде.

— О! где-то гуляет, — ответил гном.

Однако волшебник появился только под вечер. Он вошел, когда хоббит и гномы сидели за ужином, а чудесные звери им прислуживали, как вчера за обедом. Беорн не объявлялся и не давал о себе знать со вчерашнего вечера; все недоумевали.

— Где наш хозяин, и где ты сам

пропадал весь день? — закричали они хором.

— По одному вопросу за раз — и не на пустой желудок. У меня с утра крошки во рту не было.

Наконец Гандальф отодвинул миску и кружку: он съел две буханки хлеба (густо намазанного маслом, медом и топлеными сливками) и выпил не меньше кварты меда, а потом достал трубку.

— Отвечу сначала на второй вопрос... Но, батюшки, как же здесь хорошо пускать кольца!

И долгое время от него ничего нельзя было добиться, потому что он пускал кольца вокруг столбов, менял их форму и цвет и заставлял играть в

салки под потолком. Странно же они, наверное, выглядели снаружи, когда выпрыгивали в воздух одно за другим, зеленые, синие, красные, серебристо-серые, желтые, белые, большие, маленькие; маленькие проскакивали в большие, складывались в восьмерки и уносились прочь, словная стая птиц.

— Я разбирал медвежьи следы, — сказал наконец волшебник. — По всему, вчера ночью здесь была настоящая медвежья сходка. Вскоре я понял, что не все следы оставлены Беорном: их было слишком много, причем разных. Я бы сказал, что маленькие медведи, большие медведи, средние медведи,

исполинские медведи выплясывали перед домом от вечерней зари до утренней. Они пришли со всех сторон, кроме как с запада от реки, с гор. В этом направлении вели только одни следы, и не сюда, а отсюда.

Я дошел по ним до Скели. Здесь следы исчезали в воде, но река по ту сторону утеса слишком глубокая и бурная. Вы помните, что от Скели сюда есть брод; с дальней стороны река круто обрывается в стремнину. Мне пришлось пройти много миль, прежде чем я отыскал широкое и относительно мелкое место. Где вброд, где вплавь, я перебрался на другой берег и прошел несколько миль назад, прежде чем снова

обнаружил следы. Однако идти далеко уже не было времени. Следы вели напрямик к сосновому бору на склоне Мглистых гор, где мы вчера провели приятный вечер в обществе варгов. Думаю, я ответил и на ваш первый вопрос, — сказал Гандальф и надолго замолчал.

Бильбо решил, что понял, о чем говорит волшебник.

— Что делать, — заголосил хоббит, — если он приведет сюда варгов и гоблинов? Нас убьют! Ты же вроде говорил, что он им не друг!

— Говорил, а ты опять порешь чепуху! Шел бы уж спать, если со сна в голове мутится.

Хоббит почувствовал себя

совершенно раздавленным и, поскольку делать все равно было нечего, ушел спать. Пение гномов быстро его убаюкало. Он уснул, продолжая думать о Беорне, и ему приснилось, будто черные медведи водят во дворе под луной медленный хоровод. Потом он проснулся, когда все уже спали, и услышал за дверью вчерашние возню, царапанье и сопенье.

На следующее утро их разбудил сам Беорн.

— Ага, вы еще здесь! — Хозяин дома подхватил хоббита на руки и захохотал. — Ни волки, ни гоблины, ни злые медведи тебя не слопали, как я погляжу! — И он бесцеремонно

ткнул мистера Бэггинса в жилетку. — Зайчик снова округлился на хлебе и меде... Давайте добавим!

Все отправились завтракать. Беорн, против позавчерашнего, был очень весел, шутил и сыпал потешными историями. Гостям не пришлось долго теряться в догадках по поводу его отлучки и внезапной перемены в настроении; хозяин сам все объяснил. Он побывал за рекой и в горах, по которым, как вы догадываетесь, мог передвигаться очень быстро (во всяком случае, в медвежьем обличье). По углям на волчьей поляне он понял, что хотя бы часть рассказанного была правдой, однако этим не ограничился, а

поймал гоблина и варга. От них он узнал, что гоблины с варгами по-прежнему ищут гномов и не могут простить им смерть Великого Гоблина, обожженный нос волчьего вожака и гибель многих его дружинников. Это все Беорн у них выпытал, но смог домыслить и другое: готовится большой набег гоблинов и варгов на предгорья, чтобы поймать гномов или отомстить тем, кто их, возможно, укрывает.

— Мне сразу понравился ваш рассказ, — заключил хозяин, — особенно после того, как я убедился в его истинности. Уж извиняйте, что не поверил на слово. Жили бы вы так

же близко к Мирквуду, тоже не верили бы на слово никому, кроме родного брата, да и тому с оглядкой. Все узнав, я поспешил домой — убедиться, что вы в безопасности, и предложить посильную помощь. Теперь буду больше жаловать гномов. Убили Великого Гоблина, убили Великого Гоблина! — хохотнул он.

— Что ты сделал с гоблином и варгом? — спросил вдруг Бильбо.

— Подите и посмотрите! — сказал Беорн, и все вместе с ним обошли вокруг дома.

За воротами на колу была насажена гоблинская голова, к соседнему дереву прибита волчья шкура. Врагов Беорн не щадил.

Однако теперь он был их другом, и Гандальф счел за лучшее без утайки рассказать о цели путешествия, чтобы получить всю возможную помощь.

Вот что обещал Беорн: дать пони каждому и лошадь Гандальфу — добраться до леса; снабдить отряд едой на несколько недель, сытной и непортящейся — орехами, мукой, сушеными плодами в запечатанных банках, глиняными горшочками с медом и особой выпечки коврижками. Готовил он их на меду, как почти всю остальную пищу, по рецепту, который ревниво берег в тайне; они сытные и очень вкусные, хотя после них и хочется пить. Воду,

сказал он, братъ с собой не надо, потому что возле дороги есть родники.

— Однако путь через Мирквуд темен, опасен и труден, — сказал Беорн. — Воду сыскать нелегко, еду тоже. Орехов еще нет (хотя, возможно, они созреют и сойдут до того, как вы окажетесь на другом краю), а кроме орехов есть в лесу почти нечего; зверье там темное и чудное. Я приготовлю вам бурдюки для воды, луки и стрелы, но сомневаюсь, что вы найдете в Мирквуде что-нибудь пригодное в пищу. Есть там один поток, черный и бурный, который пересекает дорогу. Не пейте из него и не входите в воду;

я слышал, что она заколдована и навевает сон и забвение. Боюсь, что под темной сенью леса вы не сможете подстрелить никакой дичи, чистой или нечистой, не сходя с дороги. А этого нельзя делать **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!** Вот и все мои советы. В лесу я уже ничем вам не помогу, так что положитесь на собственные удачу и отвагу, да на ту пищу, которую возьмете с собой. У въезда в лес я попрошу вас отослать обратно моих пони и лошадь. Однако я желаю вам доброго пути, и дом мой открыт для вас, если будете когда-нибудь вновь проходить этой дорогой.

Путники,

разумеется,

поблагодарили Беорна, без устали кланяясь, размахивая капюшонами и повторяя: «К твоим услугам, о хозяин просторных дубовых палат!». Однако от его суровых слов все пали духом, понимая, что путешествие будет куда опаснее, нежели они думали, а впереди, за всеми тяготами и невзгодами, ждет дракон.

Все утро заняли сборы. В полдень последний раз пообедали с Беорном, потом сели на пони и, распрощавшись у ворот, бодрой рысью двинулись в дорогу.

Сразу за высокой изгородью на восточной границе его владений повернули на север, затем взяли северо-восточнее. По совету Беорна

решили не выезжать на главный лесной тракт, начинавшийся южнее его земель, тот самый, на который спустились бы с перевала. Эта дорога выводила к горному потоку, впадающему в реку южнее Скели. Вместе с пони они, возможно, преодолели бы глубокий брод и довольно скоро оказались бы у въезда в лес. Однако Беорн предупредил, что этим путем часто ходят гоблины, а сам лесной тракт в восточной своей части зарос и теряется в непроходимых болотах. Кроме того, даже преодолев все опасности, они оказались бы далеко к югу от Одинокой горы и должны были бы со многими тяготами продвигаться к

северу.

В окрестностях Скели Мирквуд подступал почти к самой Великой реке. Хотя оттуда до гор было рукой подать, Беорн посоветовал выбрать именно эту дорогу, потому что в нескольких днях от Скели начиналась малоизвестная тропа через лес, ведущая почти прямо к Одинокой горе.

— Гоблины, — объяснил Беорн, — не решаются пересекать Великую реку ближе чем в сотне миль к северу от Скели или подходить к моему дому — он надежно охраняется по ночам! Но я бы ехал быстро. Если гоблины решатся на набег, то переправятся

через реку южнее и начнут рыскать по всему краю леса, чтобы отрезать вам путь, а варги проворней пони. Впрочем, севернее вы будете в большей безопасности, хотя и проедете ближе к их оплоту — там вас меньше всего ждут, и добираться туда им дольше. А теперь отправляйтесь и поспешите!

Вот почему сперва путники ехали в молчании, пуская пони во весь опор везде, где позволяла местность. Слева темнели горы, далекая полоска деревьев у реки медленно приближалась. Когда они выезжали, солнце только начинало клониться к западу и до самого вечера золотило окрестные луга. Не

верилось, что за ними охотятся гоблины; отъехав на несколько миль от Беорнова дома, гномы снова стали петь и разговаривать и забыли про лежащую впереди лесную дорогу.

Наступил вечер, сумерки сгустились, горные пики на фоне заката стали совсем черными. Путники разбили лагерь и выставили часовых. Во сне им мерещились крики гоблинов и вой варгов. Впрочем, следующее утро вновь выдалось погожим и ясным.

Над землей висел белый, почти осенний туман, веяло прохладой, но вскоре встало солнце и растопило мглу. Тени еще не укоротились, когда отряд тронулся в путь. Так ехали еще

два дня, и все это время видели только траву, цветы, птиц и редкие рощицы, а иногда — маленькие стада ланей, пасущихся или отдыхающих в тени. Порой Бильбо видел в высокой траве олени рога, которые поначалу принимал за сухие ветки. На третий вечер останавливаться не стали — Беорн сказал, что они доберутся до леса к утру четвертого дня — и продолжали ехать в сумерках и под луной. После захода солнца Бильбо стало чудиться, что то справа, то слева от путников мелькает медвежья тень, но когда он заикнулся об этом Гандальфу, волшебник только шикнул: «Тише! Не смотри в ту сторону!».

На следующий день тронулись до света, несмотря на короткую ночевку. Едва забрезжила заря, они увидели перед собой лес, словно выступивший навстречу и замерший угрюмой стеной. Склон шел вверх, и хоббиту показалось, что вокруг сгущается тишина. Реже слышалось птичье пенье, олени больше не попадались, даже кролики куда-то исчезли.

К полудню достигли опушки леса и остановились передохнуть в тени ближайших деревьев. Стволы были огромные, узловатые, ветки — скрюченные, листья — темные и длинные. Плющ обвивал деревья и стелился по земле.

— Вот и Мирквуд! — сказал Гандальф. — Величайший лес в северной части мира. Надеюсь, он вам сразу приглянулся. Теперь пора отпустить назад этих превосходных пони.

Гномы заворчали было, однако волшебник велел им не валять дурака.

— Беорн не так далеко, как вы думаете. Лучше сдержать слово и не наживать себе врага. Мистер Бэггинс зорче вас, коль скоро вы не заметили с наступлением ночи огромного медведя, который шел рядом или сидел в сторонке под луной. Он не только оберегал вас, но и приглядывал за пони. Хоть Беорн вам

и друг, животные для него — как родные дети. Вам невдомек, какую широту души он проявил, позволив ехать на своих пони, или что вас ждет, возьми вы их в лес.

— А как насчет лошади? — спросил Торин. — Ты не сказал, что отошлешь ее тоже.

— Не сказал, потому что не отошлю.

— А как же твое обещание?

— Это уже моя забота. Я не отошлю лошадь, я на ней поеду!

Тут они поняли, что Гандальф бросает их на самом краю Мирквуда, и впали в отчаяние.

Однако на все уговоры он отвечал отказом.

— Мы все уже обсудили под Скелью, — сказал волшебник, — и нечего начинать по новой. Я говорил, что у меня спешное дело на юге, и так уже из-за вас припозднился. Может, еще свидимся, а может, и нет. Зависит от вашей удачи, отваги и благоразумия. К тому же я посылаю с вами мистера Бэггинса. Повторяю, он не так прост, как вы думаете, и вскоре вы в этом убедитесь. Веселей, Бильбо, нечего убиваться! Веселее, Торин со товарищи! Это ваш поход, а не мой. Думайте о сокровище, которое ждет вас в конце, и забудьте про лес и дракона, по крайней мере, до завтрашнего утра!

На следующее утро он повторил

то же самое.

Путникам ничего больше не оставалось, кроме как наполнить бурдюки в чистом роднике недалеко от ворот, и развьючить пони. Поклажу распределили как могли честно, хотя Бильбо его мешок показался непомерно тяжелым. Ему вовсе не улыбалась мысль брести многие мили с таким грузом.

— Погоди! — сказал Торин. — Скоро он станет легче. Все мы будем мечтать, чтобы наши мешки потяжелели, когда припасы пойдут на убыль!

Затем они наконец распрощались с пони и развернули их мордами к дому; те весело

затрусили, радуясь, видимо, что повернулись хвостами к лесу. Бильбо готов был поклясться, что тут же из-под дерева выскочил кто-то похожий на медведя и заковылял следом.

Теперь пришло время прощаться с Гандальфом. Бильбо сидел на земле, очень несчастный, и мечтал оказаться позади волшебника на его высоком коне. После завтрака (весьма скудного) он заглянул в лес; даже утром здесь было темно, как ночью, и чуть-чуть жутко. «Как будто кто-то затаился и следит», — подумал он.

— Добрый путь, — сказал Гандальф Торину. — И добрый путь вам всем! Теперь — напрямик через

лес. Не сходите с дороги — иначе тысяча против одного, что вы не отыщете ее вновь и никогда не выберетесь из Мирквуда; тогда ни я, ни кто другой больше вас не увидит.

— А нам обязательно идти через лес? — простонал хоббит.

— Да, обязательно, — отвечал волшебник, — если хочешь попасть на другую сторону. У тебя две дороги — или через лес, или назад. А я не собираюсь отпускать тебя домой, мистер Бэггинс. Мне стыдно, что тебе такое пришло в голову. Я поручил этих гномов твоей заботе. — Он рассмеялся.

— Нет, нет! — сказал Бильбо. — Ты неправильно понял. Я хотел

спросить, нельзя ли его обойти.

— Можно, если тебе не лень отмахать две сотни миль к северу или два раза по столько к югу, но и на этом пути ты не был бы в безопасности. Помни, что мы вступили в Дикие земли, со всеми вытекающими удовольствиями. Прежде, чем обогнуть Мирквуд с севера, вы окажетесь прямо под склонами Серых гор, а они просто кишат гоблинами, хобгоблинами, орками и прочей мерзостью. Если пойдете на юг, то угодите во владения Некроманта, и даже тебе, Бильбо, не надо рассказывать про этого черного чародея. Не советую приближаться к землям, на которых

лежит тень его мрачной башни! Держитесь лесной дороги, не падайте духом, верьте в лучшее, и при невероятной удаче перед вами однажды откроются Долгие болота, а за ними, высоко на востоке — Одинокая гора, где обитает добрый старый Смауг, хотя, надеюсь, он вас не ждет!

— Спасибо, утешил, — проворчал Торин. — Добрый путь! Коли не идешь с нами, так и езжай, и хватит разговоры разговаривать.

— Тогда добрый вам путь, и да будет он воистину добрым! — сказал Гандальф, разворачивая лошадь к западу. Однако соблазн сказать последнее слово оказался слишком

велик; отъехав на расстояние окрика, волшебник повернулся, сложил ладони рупором и прокричал несколько слов. До путников слабо донеслось: — Добрый путь! Будьте умниками, берегите себя, и **НЕ СХОДИТЕ С ДОРОГИ!**

Потом он пустил лошадь во весь опор и скоро пропал из виду. «Добрый путь и скатертью дорожка!» — ворчали гномы тем более сердито, что отъезд Гандальфа очень их огорчил. Началась самая опасная часть пути.

Каждый взвалил на плечи тяжелый мешок и кожаный мех с водой. Путники повернулись спиной к освещенным солнцем землям и

вступили в лес.

Глава 8

Мухи и пауки

Шли гуськом. На входе в лес два огромных дерева смыкались кронами, образуя подобие арки. Плющ и мох так задушили их, что на голых ветках чернели лишь несколько пожухлых листков. Сама дорога была узкая и вилась между стволами, словно в туннеле. Вскоре светлое пятно входа осталось далеко позади. В мертвой тишине глухо отдавались шаги; деревья склонялись к дороге, словно прислушивались.

Через некоторое время путники приноровились к зыбкому зеленому

полумраку и стали осматриваться. Редко-редко солнечный лучик пробивался сквозь густую листву и, не заплутав в подлеске, зайчиком ложился на дорогу. Однако вскоре исчезли и эти проблески.

В лесу водились черные белки. Как только пытливые глаза Бильбо привыкли к сумеркам, он начал замечать хвостатых зверьков, которые порскали с дороги или сустились за деревьями. Слышались и другие звуки — сопенье, возня, быстрый топоток в подлеске и в густом ковре палой листвы, — но кто это шуршит, Бильбо не видел. Особенно пугали паучьи сети — темные, плотные, словно из толстой веревки, они

тянулись между деревьями и свисали с ветвей. Дорогу они не перегораживали — то ли ее оберегали чары, то ли еще почему.

Очень скоро путники возненавидели лес больше, чем гоблинские туннели — он казался таким же безнадежным и нескончаемым, — однако продолжали идти все дальше и дальше, долго после того, как в сердцах поселилась тоска по солнцу и небу, по ощущению ветра на щеке. Воздух под темным лиственным пологом был спертым и неподвижным. Это чувствовали даже гномы, привыкшие прокладывать туннели и подолгу обходиться без

света, а уж хоббит, который, хоть и жил в норе, летние дни обыкновенно проводил в саду, просто задыхался без свежего воздуха.

Хуже всего было ночью. Мрак стоял непроглядный — не такой, какой мы обычно называем непроглядным, а буквально хоть глаз выколи. Бильбо подносил руку к самому носу и не мог различить пальцев. Спали, сбившись в тесную кучу, и выставив часовых; когда приходил черед Бильбо нести дозор, он видел огоньки в темноте, и порой из тьмы на него уставлялись пара желтых, зеленых или красных глаз. Потом они исчезали, чтобы снова появиться в другом месте. Иногда

глаза блестели в ветвях над ним, и это было самое страшное. Больше всего пугали бледные выпуклые глаза. «Насекомые, — думал он, — не звери. Только уж очень большие».

Ночи стояли теплые, но поначалу путники пробовали жечь костер. Впрочем, от этого скоро отказались. Огонь привлекал сотни и сотни глаз, хотя сами звери были очень осторожны и в отблесках пламени не показывались. Хуже того, на свет слетались тысячи серых и черных ночных бабочек; они порхали и кружили под самым носом, доводя до исступления, как и аспидно-черные нетопыри. Гномы перестали разводить костер и сидели или

лежали по ночам в зловещем непроницаемом мраке.

Хоббиту казалось, что это длится века; ему все время хотелось есть, — еду экономили. Дни проходили за днями, а лес все не кончался, и пришла тревога. Гномы пытались стрелять белок и растратили много стрел, прежде чем убили одну на дороге. Увы, зажаренная, она оказалась настолько мерзкой, что больше они белок не трогали.

Пить тоже хотелось постоянно: воды было мало, а ручьи им не попадались. Такие вот, измученные, голодные и упавшие духом, в один не очень прекрасный день путники

увидели перед собой реку, бурную, хотя и не широкую. Вода была черная или казалась такой в полутьме. Хорошо, что Беорн их предупредил, иначе они бросились бы пить, невзирая на цвет, или наполнять бурдюки. Теперь они думали только, как попасть на другую сторону, не намокнув. Здесь когда-то был деревянный мост, однако он сгнил, из воды торчали только сломанные опоры.

Бильбо встал на колени и, всмотревшись, крикнул:

— На том берегу лодка! Ну почему не на этом!..

— Сколько до нее, по-твоему? — спросил Торин, знавший

уже, что Бильбо из них из всех самый глазастый.

— Не очень далеко. Ярдов двенадцать.

— Двенадцать ярдов! Я бы сказал, что все тридцать, но глаза у меня уже не те, что сто лет назад. Впрочем, для нас что двенадцать ярдов, что миля. Перепрыгнуть мы не можем, идти вброд или плыть — не смеем.

— А не сумеет кто-нибудь из вас кинуть веревку?

— Что толку? Даже если мы зацепим лодку (в чем я сомневаюсь), она наверняка привязана.

— Не думаю, — сказал Бильбо. — Конечно, при таком свете

точно не разглядеть, но, по-моему, она просто вытащена на берег, там, где дорога спускается к воде.

— Дори самый сильный, зато Фи́ли самый молодой и пока еще самый зоркий, — решил Торин. — Иди сюда, Фи́ли, посмотрим, не увидишь ли ты лодку, о которой говорит мистер Бэггинс.

Фи́ли сказал, что попробует; пока он вглядывался, принесли веревку. У гномов было с собой несколько мотков; к самой длинной привязали большой железный крюк, из тех, которыми цепляли мешки, закидывая их за спину. Фи́ли взвесил его на руке и, примерившись, бросил через реку.

Бултых! крюк упал в воду.

— Недолет! — сказал Бильбо, вглядываясь во мрак. — Еще фута два, и ты попал бы в лодку. — Попробуй снова. Не думаю, что на тебя подействуют чары, если ты просто возьмешься за мокрую веревку.

Фили с некоторой опаской вытащил крюк и снова примерился. На этот раз он бросил со всей силы.

— Перелет! — сказал Бильбо. — Ты забросил его в лес по другую сторону. Тяни потихоньку.

Фили медленно потянул веревку, и через некоторое время Бильбо сказал:

— Осторожней! Крюк в лодке.

Только бы зацепился.

Есть! Веревка натянулась. Фили тащил изо всей мочи, но все без толку. На подмогу пришел Кили, за ним Оин и Глоин. Они тянули и тянули, и вдруг всем скопом повалились на спину. По счастью, Бильбо подхватил веревку и палкой зацепил скользнувшую к берегу лодку.

— Помогите!

Балин еле-еле успел поймать лодку, которую уже несло течением.

— Все-таки она была привязана, — произнес он, глядя на свисающий обрывок линя. — Славно дернуто, ребята: хорошо, что наша веревка оказалась прочнее.

— Кто поплывет первым? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин, — и ты со мной, и Фили, и еще Балин. Больше лодка не выдержит. Потом Кили, Оин, Глоин и Дори, за ними Ори, Нори, Бифур и Бофур, последние Двалин и Бомбур.

— Почему всегда я? — возмутился Бомбур. — Пусть на этот раз последним будет кто-то другой.

— А нечего быть таким толстым. Придется тебе плыть в последней, самой легкой лодке. И не ворчи, не то случится беда.

— Здесь нет весел. Как же мы переберемся на другой берег? — спросил хоббит.

— Дайте мне еще веревку и второй крюк, — сказал Фили. Когда просьбу выполнили, он бросил крюк как можно выше, и, не услышав ни стука, ни всплеска, решил, что он зацепился за ветку.

— Готово, — сказал Фили. — Теперь пусть один перебирает веревку, а другой возьмет с собой первый крюк. Когда мы окажемся на той стороне, вы вытащите лодку обратно.

Таким образом они быстро переправились через зачарованный поток. Двалин с мотком веревки как раз выбрался на берег, а Бомбур (по-прежнему ворча) готовился последовать за ним, когда и впрямь

приключилась беда. На тропинке впереди стремительно зацокали копыта. Из мрака вылетел олень. Он сбил гномов с ног и напружинился для прыжка. Взвился высоко в воздух и одним махом перескочил реку.

Однако уйти ему не удалось. Торин единственный из всех устоял на ногах и не растерялся. Едва сойдя на берег, он натянул лук и приладил стрелу, на случай, если где-нибудь рядом прячется страж лодки. Теперь он спустил тетиву, и стрела настигла зверя в прыжке. На другом берегу олень споткнулся. Тьма поглотила его. Было слышно, как стук копыт замедлился и стих.

Не успели гномы восхититься

меткостью Торина, как вопль Бильбо заставил их позабыть о дичи.

— Бомбур свалился в реку! Бомбур тонет! — кричал хоббит.

Увы, так оно и было. Олень скакнул через Бомбура, когда тот одной ногой стоял на земле. Гном оступился, оттолкнув лодку от берега, и плюхнулся в темную воду. Напрасно пытался он ухватиться за скользкие корни. Лодка, тем временем, крутясь, исчезла во мраке.

Подбежав к воде, друзья увидели над водой только капюшон. Бомбуру мигом бросили веревку с крюком. Он уцепился, и его вытащили из реки, мокрого до нитки. Однако это было еще не самое плохое. Когда его

уложили на берег, гном уже крепко спал, так стиснув веревку одной рукой, что ее не смогли разжать. Добудиться его не удавалось никакими силами. Друзья все еще сидели над спящим, проклиная его неловкость, свое невезенье и сокрушаясь о лодочке, без которой не могли вернуться за оленем, когда вдали слышались звуки рогов и собачий лай. Все смолкли. Похоже, по дороге с севера мчалась охота, хотя видно ничего не было. Долгое время путники сидели, не смея шелохнуться. Бомбур спал, безмятежно улыбаясь во сне, словно ему и дела нет до всех их тревог и забот.

Внезапно на тропу выбежала белая лань с детенышами. Если олень был чернее черного, то они белее белого и призрачно мерцали во мраке. Не успел Торин крикнуть, как трое гномов вскочили на ноги и спустили стрелы с тетивы. Ни один, похоже, не попал в цель. Лань с детенышами развернулась и пропала за деревьями. Тщетно гномы пускали ей вслед стрелы.

— Стойте, да стойте же! — крикнул Торин, но поздно: гномы в охотничьем азарте выпустили последние стрелы, и луки, которые дал им Беорн, были теперь бесполезны.

Угрюмые сидели они в тот

вечер, а в следующие дни мрак вокруг стал только гуще и беспросветнее. Путники пересекли заколдованный поток, но дорога по-прежнему казалась нескончаемой, и лес ничуть не изменился. Однако, знай они больше и задумайся, что означает охота и белая лань, гномы поняли бы, что приблизились к восточному краю Мирквуда и вскоре — еще чуточку отваги и упорства — вступят в более редкий лес, куда временами заглядывает солнце.

Но они этого не знали, к тому же теперь несли на себе тяжеленного Бомбура — вчетвером, по очереди, распределив припасы между остальными десятью. Если бы мешки

не полегчали в последние дни, они бы не справились. Разомлевший улыбающийся Бомбур был плохой заменой тяжелым мешкам с провизией. Через несколько дней еды и питья почти не осталось. Ничего съедобного в чаще не росло, только поганки да бледные травы с отталкивающим запахом.

Дня через четыре после заколдованного потока начался буковый лес. Сперва все воспрянули духом: исчезла низкая поросль, стало не так темно. Сквозь листву сочился зеленоватый свет, временами лес довольно далеко просматривался по обе стороны дороги. Однако взгляду представляли лишь бесконечные ряды

серых стволов, словно колонны огромного сумеречного зала. Несколько листьев, шурша, слетели на землю, но печальный шелест лишь напоминал путникам, что за краем леса близится пора увядания. Сухая листва, наследие бесчисленных осеней, шуршала под ногами — это наползал на тропу багряный лесной ковер.

А Бомбур по-прежнему не просыпался, и все очень устали.

Иногда тишину нарушал смех. Иногда издали доносилось пение. Смех был мелодичный, не гоблинский, пели очень красиво, но странными, нездешними голосами, и путники из последних сил

торопились миновать эти места.

Два дня спустя дорога пошла под уклон, и вскоре они оказались в долине, почти полностью заросшей дубами.

— Неужели этот треклятый лес никогда не кончится? — вскричал Торин. — Взобрался бы кто-нибудь на дерево и посмотрел. Надо выбрать самое высокое рядом с дорогой.

Разумеется, «кто-нибудь» означало Бильбо. Выбор пал на него, потому что лезть надо было на самую макушку, а тонкие ветки не выдержали бы тяжелого гнома.

Бедный мистер Бэггинс никогда не лазил по деревьям; его посадили на нижний сук огромного дуба у

самой дороги, и пришлось ему карабкаться. Он продирался через сплошные ветки, хлеставшие по глазам, старая кора обдирала ладони, не раз и не два он срывался и еле успевал схватиться за ветку. Наконец, преодолев участок подъема, на котором, казалось, вообще не за что уцепиться, хоббит выбрался на самую верхушку, гадая все время, нет ли там пауков и как возвращаться вниз (если не кубарем).

Наконец Бильбо поднял голову над листвой. Ясное дело, там были пауки, правда обычные, маленькие, и охотились они на бабочек. Бильбо чуть не ослеп от света. Он слышал, как гномы кричат ему снизу, но

ответить не мог, только цеплялся за ветки и моргал. Солнце нестерпимо сияло, и прошло довольно много времени, прежде чем глаза снова привыкли к свету. Он увидел темно-зеленое море, кое-где колеблемое ветерком, и везде — мириады бабочек. Наверное, это были какие-то родственницы переливницы пурпурной, которая предпочитает жить в кронах дубов, только вовсе не пурпурные, а бархатисто-черные, без единого цветного пятнышка.

Бильбо долго любовался черными переливницами, подставив лицо ласковому ветерку. Наконец крики гномов, которые от нетерпения приплясывали на месте,

вернули его к делу. Увы! Сколько он ни вглядывался, вокруг простирались только темно-зеленые кроны. Хоббит, взбодрившийся было от солнца и ветерка, снова упал духом. Спускаться не было ни сил, ни желания.

Вообще-то, как я уже сказал, путники были на самом краю леса. Бильбо мог бы сообразить, что высокое дерево, на которое он влез, стоит на дне обширной лощины, и кроны, которые он видит, образуют подобие чаши, так что заглянуть далеко попросту невозможно. Однако Бильбо этого не знал и полез вниз в полном унынии. Когда он спустился, взмокший, исцарапанный

и несчастный, то долго ничего не видел в окружающем сумраке. Его рассказ поверг спутников в отчаяние.

— Лес тянется во все стороны без конца и краю! Что делать? И зачем только мы послали наверх этого хоббита! — стенали гномы, словно он во всем виноват. Про бабочек они и слушать не пожелали, а узнав о легком ветерке, только сильнее разозлились, потому что не могли забраться на самый верх и сами его почувствовать.

В тот вечер доели последние крошки, и первое, что почувствовали с утра, это сосущий голод, а второе — что идет дождь и тяжелые капли падают на лесную подстилку. Жажда

только усилилась — ведь не напьешься, стоя под огромным дубом и ловя ртом случайные капли. Единственный, кто неожиданно их обрадовал, это Бомбур.

Он резко проснулся, сел и почесал в затылке. Толстяк долго не мог взять в толк, где очутился и почему так голоден; он напрочь забыл все с того самого утра, когда отряд тронулся в путь. Последнее, что он помнил, это ужин у хоббита, поэтому долго не мог поверить во все приключения, пережитые с той ночи.

Услышав, что есть нечего, он сел и заплакал, потому что совсем ослабел и ноги его подкашивались.

— Зачем я проснулся! —

причитал Бомбур. — Мне снились такие дивные сны. Мне снилось, что я иду по лесу, очень похожему на этот, только на деревьях горят факелы, на ветках качаются фонари, на земле пылают костры, и идет нескончаемый пир. Был там лесной король в короне из листьев, звенела музыка, и я не могу ни счесть, ни описать всех яств и напитков.

— Вот и не надо, — сказал Торин. — И вообще, если не можешь говорить ни о чем другом, лучше помолчи. Ты и так нас всех замучил. Если бы ты не проснулся, мы бы бросили тебя в лесу досматривать твои дурацкие сны. Шутка ли — нести такую тушу после нескольких

недель на голодном пайке!

Хочешь не хочешь, пришлось потуже затянуть пояса, забросить на плечи пустые мешки и брести по тропе, не чая дойти до ее конца. Так и шли весь день, очень медленно и устало, а Бомбур продолжал ныть, что ноги его не держат и он хочет только лечь и уснуть.

— Вот уж дудки! — говорили ему. — Изволь теперь поработать ногами, мы и так слишком долго тебя несли.

Внезапно он объявил, что не сделает больше ни шагу, и бросился на землю.

— Идите, если хотите, — сказал он. — Я лягу здесь, и усну, и буду

есть во сне, раз иначе не получается.
Надеюсь больше не проснуться.

В этот самый миг Балин, шедший чуть впереди, крикнул:

— Что это? Вроде бы в лесу мелькнул свет.

Все взгляделись и впрямь как будто бы различили вдали искорку, потом еще и еще. Даже Бомбур встал; все поспешили вперед, не заботясь уже, что это могут быть тролли или гоблины. Огоньки мерцали впереди и слева от дороги; когда друзья поравнялись с ними, то вроде бы увидели костры и факелы под деревьями, довольно далеко от дороги.

— Похоже, мой сон в руку, —

выговорил Бомбур, пыхтя позади всех. Он хотел сразу бежать к огням, но другие хорошо помнили предостережения волшебника и Беорна.

— Пир будет не впрок, если мы не вернемся с него живыми, — произнес Торин.

— Без пира нам тоже не долго оставаться в живых, — сказал Бомбур, и Бильбо всей душой с ним согласился.

Спорили и рядили довольно долго, пока не сговорились выслать на разведку двоих, чтобы те подкрались к кострам и что-нибудь выяснили. Однако никак не могли столковаться, кого послать; каждый

боялся заблудиться и больше не увидеть друзей. Наконец, несмотря на все предупреждения, верх взял голод, потому что Бомбур без устали рассказывал о всяких вкусностях, которые ели в его сне; все разом сошли с дороги и углубились в лес.

Довольно долго они крались между деревьями и вот, выглянув из-за стволов, увидели вырубленную и утоптанную поляну. Те, кто собрались здесь, походили на эльфов: все они были в зеленом и коричневом и сидели в круг на деревянных чурбаках. В середине горел костер, к некоторым деревьями были привязаны факелы, но, что самое чудесное, эльфы ели, пили и

весело смеялись.

Запах жареного мяса манил так неудержимо, что путники, не сговариваясь, выбежали в круг с одной мыслью: попросить еды. Однако, едва первый из них вступил на поляну, свет погас, словно по волшебству. Кто-то затоптал костер, и пламя, рассыпавшись искрами, потухло. Гномы и Бильбо остались в полной темноте и не могли даже найти друг друга, по крайней мере, довольно долго. Они метались по лесу, спотыкаясь о поваленные стволы, набивая шишки о деревья и аукаясь, пока не перебудили все на милю вокруг. Наконец им удалось сбиться в кучу и пересчитаться на

ощупь. К этому времени они напрочь забыли, в какой стороне дорога, и безнадежно заблудились, во всяком случае, до рассвета.

Делать нечего, пришлось устраиваться на ночлег прямо здесь. Путники не решились даже искать остатки еды на земле, из страха снова разбрестись. Впрочем, пролежали они не долго. Бильбо только-только начал задремывать, когда Дори, стоявший на часах, сказал громким шепотом:

— Там снова огни, даже больше прежнего.

Всех как подбросило. Чистая правда: неподалеку мерцали десятки огней, явственно слышались смех и

голоса. Цепочкой, держась друг за друга, они крадучись двинулись на свет. Потом Торин объявил:

— На этот раз никаких наскоков. Всем стоять, пока я не скажу. Пусть мистер Бэггинс идет один и поговорит с ними. Его они не испугаются («*А я их?*» — *подумал хоббит*) и в любом случае, надеюсь, ничего плохого ему не сделают.

Добравшись до освещенной поляны, гномы резко вытолкнули Бильбо вперед. Не успев даже надеть кольцо, он оказался в ослепительном сиянии костра и факелов.

Все огни разом погасли, и наступила полная тьма. Если в первый раз они с трудом друг друга

нашли, то теперь было еще хуже: пропал хоббит. Сколько ни пересчитывались, все выходило тринадцать. «Бильбо Бэггинс! Хоббит! Эй, хоббит, так тебя и этак, где ты?» — кричали гномы, но ответа не получали.

Они уже почти отчаялись, когда Дори по чистой случайности наткнулся, как он думал, на бревно и, упав, обнаружил под собой спящего хоббита. Его пришлось долго трясти, и проснулся он очень недовольным.

— Мне снился такой чудный сон, — проворчал Бильбо. — Будто я сижу и ем за обе щеки.

— О небо! и этот туда же! — воскликнули гномы. — Не желаем

больше слышать про сны. Что нам до твоих снов-обедов? Мы ведь ни кусочка не получим!

— Все равно ничего лучше в этом окаянном лесу не сыщешь, — буркнул хоббит, укладываясь рядом с гномами и мечтая поскорее вернуться в свой сон.

На исходе ночи Кили, который нес дозор, снова разбудил их:

— Весь лес вспыхнул огнями, словно по волшебству! Только послушайте — пение и арфы!

Они еще немного полежали и послушали, но наконец желание пойти и вновь попросить о помощи взяло верх. На этот раз им предстал еще более великолепный пир; и во

главе пирующих восседал
златокудрый лесной король в короне
из листьев, почти такой, какого
описал Бомбур. Эльфы передавали
чаши по кругу и через костер,
некоторые играли на арфах, многие
пели. От волос, украшенных
цветами, исходило сияние, зеленые и
белые камни сверкали на оплечьях и
поясах, лица дышали весельем,
звонко и чисто звучала музыка, и в
круг их вступил Торин.

Мертвая тишина воцарилась на
полуслове. Свет погас. Пламя
взметнулось столбом черного дыма.
В лица гномам полетели зола и
уголья, и лес снова огласился
криками. Бильбо бегал кругами (как

ему казалось), вопя: «Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Кили, Фили, Бомбур, Бифур, Бофур, Двалин, Балин, Торин Дубовый Щит!», а вокруг невидимые гномы выкликали то же самое (иногда добавляя: «Бильбо!»), однако их крики звучали все дальше и дальше, а потом вроде бы сменились воплями о помощи. Вскоре все окончательно стихло, и хоббит остался в полной темноте и безмолвии.

Вот когда ему стало по-настоящему страшно. Впрочем, через некоторое время он решил, что до света все равно ничего лучше не предпринимать, и бесполезно метаться по лесу, тратя силы, без

малейшей надежды подкрепить их с утра завтраком. Поэтому он сел, прислонился спиной к дереву и не в последний раз предался воспоминаниям о хоббичьей норе с ее превосходными буфетными. Он с головой погрузился в мысли о яичнице, ветчине и поджаренном хлебе, когда что-то коснулось его руки — что-то вроде липкой крепкой бечевки. Дернувшись, хоббит обнаружил, что ноги его опутаны точно такой же. Он попытался вскочить, но сразу упал.

И тотчас огромный паук, оплетающий нитью сонного Бильбо, выскочил из-за его спины. Хоббит видел только глаза чудовищной

твари, однако чувствовал на себе волосатые лапы, тянувшие из брюшка клейкую нить. Счастье, что он очнулся вовремя, потому что еще немного, и не смог бы пошевелинуться. Ему и так пришлось отчаянно защищаться. Хищник пытался парализовать его ядом (как поступают с мухами обычные пауки), и Бильбо отбивался руками, пока не вспомнил про меч. Едва он выхватил клинок, тварь отскочила, и хоббит разрезал путы на ногах. После этого он сам перешел в наступление. Паук, похоже, не привык, чтобы жертвы носили на боку колющие шипы, не то бы поскорее ретировался. Бильбо бросился на противника и с размаху

рубанул его мечом по глазам. Паук запрыгал, заплясал, дергая ногами, и Бильбо прикончил его вторым ударом, после чего сам повалился без чувств.

Когда он пришел в себя, вокруг брезжил серый лесной свет. Рядом лежал мертвый паук и валялся испачканный в черном меч. Что-то изменилось в мистере Бэггинсе от того, что он в темноте, один, без помощи волшебника или гномов, сразил исполинского паука. Когда он вытирал меч об траву и прятал в ножны, то чувствовал себя другим, гораздо более отважным и грозным, несмотря на пустоту в желудке.

— Я дам тебе имя, — сказал он

клинку. — Ты будешь зваться Жало.

После этого хоббит принялся обследовать окрестности. Лес был угрюм и тих. Первым делом следовало отыскать друзей, которые вряд ли далеко (если не попали в плен к эльфам или кому похуже). Однако Бильбо боялся кричать, поэтому долго стоял, гадая, в какой стороне дорога и где искать гномов.

«О! Зачем мы не послушали Беорна и Гандальфа! — переживал он. — Ну и угодили мы в переделку! Мы!.. Хорошо бы «мы» — так страшно одному-одинешеньку!»

Наконец он прикинул, с какой стороны в последний раз доносились крики о помощи, и по везенью (которым, видать, был наделен с избытком), прикинул более-менее верно, как вы дальше увидите. А решившись, со всей своей сноровкой двинулся вперед. Хоббиты, я уже говорил, умеют двигаться на удивление тихо, особенно в лесу, к тому же Бильбо первым делом сунул палец в кольцо. Вот почему пауки не видели и не слышали его приближения.

Довольно долго он крался, пока не различил впереди тень, слишком густую даже для леса, и такую черную, словно здесь никогда не

рассеивается полночь. Подобравшись ближе, хоббит понял, что это сплетение паучьих сетей. Внезапно он увидел и самих пауков, огромных и страшных, прямо у себя над головой, и, несмотря на кольцо, затрясся от страха. Стоя за деревом, Бильбо довольно долго наблюдал, пока в тиши и неподвижности леса не понял, что омерзительные твари разговаривают между собой. Речь их больше напоминала надтреснутое шипение, но многие слова были понятны. Они говорили о гномах!

— Изрядно повозились, да не зря, — сказал один. — Шкурье, поди, грубое, зато внутри, почитай, сладкий сок.

— Повисят малость, станут вкуснее, — ответил другой.

— Смотрите, не пересушите, — заметил третий. — Уж и так с тела спали. Знать, скудно кормились в последние дни.

— Убить сейчас, — прошипел четвертый. — Убить сейчас, пусть висят дохлые.

— Чай уже сдохли.

— Да ничуть. Один только что трепыхался. Просто отходят от сла-а-адкого сна. Гляньте!

С этими словами толстый паук вскарабкался по паутине к десятку с лишним коконов, свисавших с высокой ветки. Бильбо только сейчас различил их в темноте и ужаснулся,

видя торчащий из одного гномий башмак, из другого — кончик носа, клок бороды или край капюшона.

Паук направился к самому объемистому кулю («Ручаюсь, это бедняга Бомбур» — подумал Бильбо) и сильно ущипнул его за торчащий нос. Из кокона донесся приглушенный вопль, и паук получил чувствительный пинок в живот. Бомбур был еще очень даже жив. Раздался звук, как от удара по сдутому футбольному мячу; паук свалился с ветки и едва успел повиснуть на собственной нити.

Остальные захихикали.

— Верно. Мясо живое и лягается.

— Сейчас перестанет, —
прошипел разозленный паук,
карабкаясь обратно на ветку.

Бильбо понял, что пора
вмешаться. Залезть к паукам он не
мог, лука у него не было, но,
оглянувшись, он увидел пересохший
ручей, дно которого устилала
крупная галька. Кидаться камнями
хоббит был мастак и очень скоро
подобрал увесистый окатыш в
точности по руке.

В детстве он швырялся камнями
во что ни попадая, так что кролики,
белки и даже птицы молнией
исчезали с дороги, стоило ему
нагнуться. Повзрослев, он посвящал
немало времени игре в дротики,

кегли, расшибалы, бросанию колец и другим подобным занятиям. Вообще он много чего умел, кроме как пускать дым из трубки, готовить и загадывать загадки, просто у меня не было случая об этом упомянуть; вот и сейчас времени нет. Пока хоббит собирал камни, паук подобрался к Бомбуру — еще мгновение, и гном простился бы с жизнью. Тут Бильбо бросил окатыш, угодив пауку в голову, и тот свалился на спину, мелко суча ногами.

Следующий камень просвистел сквозь паутину, разрывая нити, и наповал сразил ее владельца. Остальные так всполошились, что, уверяю вас, на время позабыли про

гномов. Бильбо они не видели, но легко сообразили, откуда летят камни. Быстрее молнии пауки ринулись на хоббита, перебирая ногами и выбрасывая липкие нити во все стороны, так что скоро воздух наполнился клейкими силками.

Бильбо, впрочем, перебежал на другое место. Ему пришло в голову увести разъяренных тварей подальше от гномов, окончательно разозлить их и сбить с толку. Когда примерно пятьдесят пауков перебежало туда, где он только что стоял, хоббит бросил в их скопление несколько камней и еще десяток в оставшихся позади; выплясывая под деревьями, он запел оскорбительную песенку,

чтобы увлечь паучье за собой, и
чтобы гномы слышали его голос.

Жирный паучище,
Ядовитый гад!
Выпучи глазищи,
Прыгай наугад —
Ты меня не сыщешь!
Выпучи глазищи,
Пустоту хватай —
Ты меня не сыщешь,
Даже не мечтай,
Старый дурачище!

Не очень складные стишки, но
не забывайте, что хоббит сочинил их
сам, в пылу не очень приятного

момента. Во всяком случае, цели своей они достигли. Бильбо пел, бросал камни и притоптывал. Почти все пауки ринулись за ним: некоторые соскочили на землю, другие бежали по ветвям, перекидывая с дерева на дерево липкие нити. Бильбо не ожидал, что они окажутся такими проворными. Он здорово задел их за живое: пауки не выносят, когда их называют жирными, а уж про «ядовитого гада» я не говорю, это всякому обидно.

Шмыг! перескочил Бильбо на новое место, однако несколько пауков уже бежали к разным концам поляны, натягивая паутину между стволами: очень скоро хоббит

оказался бы в западне — во всяком случае, на это рассчитывали пауки. Однако Бильбо собрал всю свою отвагу и заорал новую песенку:

Большой паук присел на сук

И ладит паутину:

Мол, я на вас ее сейчас,

Любезный друг, накинута.

Мой друг, ловите лучше мух,

Летящих в паутину;

А мне ловиться недосуг,

Увы, я Вас покину!

С этими словами он повернулся

и увидел, что последний промежуток между двумя высокими деревьями затягивают ловчей сетью, по счастью, не очень плотной: пауки протянули от ствола к стволу лишь несколько толстых нитей. Пустив в ход меч, Бильбо рассек паутину и побежал прочь, горланя свою песенку.

Меч пауки увидели, хотя не думаю, что поняли его назначение. Валом ринулись они за хоббитом по земле и по ветвям, перебирая мохнатыми ногами, щелкая клешнями, шамкая жвалами и в ярости тараща глаза. Они преследовали его по лесу, пока Бильбо не решил, что дальше

удаляться опасно.

Тогда тише мышки он проскользнул назад. Времени было в обрез, пауки могли скоро вернуться. Труднее всего оказалось взобраться на ветку, с которой свисали коконы. Он бы не справился, если бы на удачу паук не оставил болтаться нить; с ее-то помощью, хоть она и жгла руки, Бильбо вскарабкался наверх, только чтобы наткнуться на гадкого неповоротливого паука, оставленного сторожить гномов. Тот деловито пощипывал пленников, выбирая самого сочного. Вообще-то он собирался попить, пока остальные не видят, однако мистер Бэггинс не терял времени даром, и

паук свалился с ветки, заколотый клинком, так и не поняв, что происходит.

Следующим делом было освободить хоть одного гнома. Но как? Перерезать нить — несчастный грохнется с большой высоты. Проползя по ветке (отчего бедные гномы закачались, как спелые плоды), хоббит дотянулся до ближайшего кокона.

«Фи́ли или Ки́ли, —
(из кокона высовывался
клочок синего
капюшона). — Скорее
Фи́ли», —

думал он, разглядывая торчащий наружу кончик длинного носа. Хоббиту удалось свеситься и перерезать несколько нитей. Из кокона, дергаясь, показались руки, ноги и голова Фили. Боюсь, что Бильбо не сдержал смеха, видя, как гном машет затекшими руками и ногами, вися на подмышках, словно марионетка.

С грехом пополам Фили выбрался на ветку и принялся помогать Бильбо, хотя чувствовал себя совершенно разбитым, и немудрено — поди провиси полночи и полдня в крутящемся коконе, когда только нос и торчит наружу, да еще после паучьего яда. Целую вечность

он отлеплял клейкие нити от глаз и бровей; что до бороды, от нее пришлось отрезать добрую половину. Тем не менее они вскоре принялись вдвоем вытаскивать гномов на ветку и освобождать от пут. Все были такие же смурные, как Фили, или даже хуже. Некоторые чуть не задохнулись (*как видите, есть свое преимущество в длинном носе*), некоторым досталась большая порция яда.

Так высвободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняга Бомбур совсем обессилел — его, как самого толстого, чаще других щипали и трогали. Он просто скатился с ветки и шлепнулся на землю, по

счастью, в кучу листьев, где и остался лежать. Однако, когда начали возвращаться обозленные пауки, на ветке болтались еще пять гномов. Бильбо тут же перебежал к стволу, чтобы обороняться. Кольцо он снял, когда освобождал Кили, и надеть обратно забыл, так что теперь все пауки зашипели, брызгая ядовитой слюной:

— Не спрячешься, мерзкая козявка! Съедем, а кожу с костями вздернем на сук. Уф, там что, жало? Все одно скрутим и подвесим головой вниз на сутки-другие.

Тем временем гномы освободили последних пленников и разрезали паутину кинжалами.

Правда, непонятно было, что делать дальше. Вчера ночью пауки поймали их без труда, но то в темноте и врасплох. Теперь предстояло нешуточное сражение.

Внезапно Бильбо заметил, что пауки собрались вокруг Бомбура, снова замотали его в паутину и тащат прочь. Хоббит заорал и, размахивая мечом, кинулся на подступающих пауков. Те быстро разбежались, и Бильбо спрыгнул вниз, прямо в гущу тех, что осаждали Бомбура. Такого жала они еще не видели! Как выплясывал меч! Не меньше пяти полегло, прежде чем остальные бросили Бомбура.

—

Спускайтесь!

Спускайтесь! — закричал Бильбо гномам на ветке. — Не ждите, пока вас опутают сетью!

Дело в том, что пауки облепили соседние деревья и ползли по веткам над головой у гномов, выпуская из бородавчатых брюшек липкую нить.

Гномы, кто по стволу, а кто и прыгнув, очутились на земле — числом одиннадцать, осоловелые и нетвердо стоящие на ногах. Выходило двенадцать вместе с бедным Бомбуром, которого поддерживали с двух сторон родной брат Бофур и двоюродный Бифур. Бильбо выплясывал вокруг, размахивая Жалом, а со всех сторон напирали сотни разъяренных пауков.

Казалось, надежды нет.

Закипело сражение. Некоторые гномы были вооружены кинжалами, другие — палками, и все — камнями, а у Бильбо был еще эльфийский клинок. Они отбивали натиск за натиском, и многие пауки уже валялись кверху лапами. Однако долго это продолжаться не могло. Бильбо совсем обессилел, и только четверо гномов крепко стояли на ногах; скоро их одолели бы, словно сомлевших мух. Пауки уже тянули паутину от дерева к дереву. Бильбо понял, что им не спастись, если он не посвятит гномов в тайну кольца. Жалко, конечно, но делать было нечего.

— Сейчас я исчезну, — сказал он, — и отвлеку на себя пауков, а вы держитесь все вместе и отступайте в противоположную сторону. Вон туда, влево, примерно там мы в последний раз видели эльфов.

Гномы ничего не могли понять — у них и так голова шла кругом, а тут еще крики, свист палок и камней; но наконец Бильбо решил, что откладывать больше нельзя — пауки уже стягивали свою сеть. Он надел кольцо и, к изумлению гномов, исчез.

Вскоре из-за деревьев справа раздалось «Большой паук присел на сук». Пауки пришли в негодование и отвернулись от гномов, а некоторые

даже побежали на голос. «Жирный паучище» просто привел их в раж. Тут Балин, лучше других понявший план Бильбо, первым ринулся на прорыв. Гномы, сбившись в кучу и осыпая пауков градом камней, пробились через окружение. За спиной у них крики резко оборвались.

Всем сердцем надеясь, что Бильбо не попал в плен, гномы продолжали отход. Увы, недостаточно быстро. Они с трудом держались на ногах и еле ковыляли, несмотря на то, что сзади догоняли пауки. Вновь и вновь гномам приходилось оборачиваться и отбиваться. Несколько пауков уже

взобрались на деревья и закидывали сверху длинные клейкие нити.

Дело снова грозило обернуться бедой, когда внезапно появился Бильбо и напал на пауков сбоку.

— Вперед! Вперед! — кричал он. — Жалить буду я!

И он жалил. Он прыгал взад-вперед, рассекая липкие нити, рубя паукам лапы и коля тех, что подходили ближе. Пауки раздулись от ярости, и брызгали слюной, и шипели злобные проклятия; однако Жала они теперь боялись, как огня, и не смели приближаться. Проклятия проклятиями, а беглецы медленно, но верно отходили все дальше.

Было очень страшно. Казалось,

прошли часы. И вот, когда Бильбо уже чувствовал, что не сможет поднять руку для нового удара, пауки внезапно повернулись и разочарованно побрели прочь.

Гномы вступили на край поляны, где вчера пировали эльфы. Это ли место они видели вчера, никто сказать не мог, но оно явно хранило чары, которые не понравились паукам. Свет здесь был зеленее, кроны — не такие густые и зловещие. Все могли наконец перевести дух.

Некоторое время беглецы лежали, сопя и отдуваясь; затем посыпались вопросы. Бильбо пришлось подробно объяснить свое

исчезновение. Гномы так заинтересовались, что на время позабыли о своих бедах. Особенно не унимался Балин: он заставлял Бильбо вновь и вновь повторять историю про Голлума и загадки, на этот раз — с кольцом.

Однако постепенно стало смеркаться, и зазвучали новые вопросы: где они, и где дорога, и откуда взять еду, и что делать дальше. Вопросы эти раздавались снова и снова, и ответов гномы ждали от маленького Бильбо. Следовательно, мистер Бэггинс очень вырос в их глазах (как и обещал Гандальф). Собственно, гномы и впрямь рассчитывали, что он выведет их из

леса, а не просто ворчали. Все понимали, что без хоббита их уже не было бы в живых, и не уставали благодарить. Некоторые даже встали и поклонились ему в землю, хотя тут же упали от натуги и долго не могли подняться. Правда об исчезновении ничуть не умерила их восхищения; они видели теперь, что хоббит обладает смекалкой, везением и волшебным кольцом — все три вещи очень полезные. От нескончаемых похвал Бильбо и впрямь возомнил себя отважным искателем приключений, хотя, полагаю, он чувствовал бы себя еще отважнее, будь у них что-нибудь съестное.

Однако съестного не было ни

крошки, как не было и сил отправляться на поиски провианта или дороги. Дороги, с которой они сбились! Ничего другого не шло Бильбо в голову. Он сидел, уставясь на деревья перед собой. Через некоторое время все снова замолчали.

Все, кроме Балина. Долго после того, как остальные перестали говорить и закрыли глаза, он бормотал и посмеивался про себя:

— Голлум! Чтоб меня! Так вот как он проскользнул мимо! Теперь-то я знаю! Просто прокрался, как мышка, да, мистер Бэггинс? Пуговицы по всему порогу? Добрый старый Бильбо-Бильбо-Бильбо-бо-

бо-бо...

Наконец и он заснул, и в лесу воцарилась полная тишина.

Вдруг Двалин открыл один глаз.

— Где Торин? — спросил он.

О, ужас! Разумеется, их было только тринадцать, двенадцать гномов и хоббит. Так куда подевался Торин? Они гадали, какая страшная участь постигла товарища, колдовство или черные чудища, и содрогались, лежа на палой листве, пока один за другим не впали в беспокойный сон, полный страшных видений, даже часовых не выставили. И здесь мы их пока оставим, измученных и голодных.

Торин угодил в плен гораздо

раньше остальных гномов. Помните, как Бильбо, вступив в круг света, рухнул и уснул мертвым сном? На следующий раз вперед вышел Торин и, когда свет погас, тоже упал, скованный чарами. Крики заблудившихся гномов, вопли о помощи, шум битвы на следующий день — ничего этого он не слышал. Потом пришли лесные эльфы — разумеется, это они пировали под деревьями — связали его и унесли.

Лесные эльфы — народ не злобный; если их и можно в чем-нибудь упрекнуть, то лишь в недоверии к чужакам. Чары их сильны, однако они осторожны и подозрительны. Они не так мудры,

как Высокие эльфы Запада, поэтому встреча с ними может оказаться опасной. Причина в том, что они (как и родичи их, рассеянные по горам и холмам), происходят из древних племен, никогда не бывавших в Стране Фей на западе. Туда в свое время отправились эльфы Света, и эльфы Моря, и эльфы Глубокой Мудрости; живя там долгое время, они стали прекраснее, учение и мудрей, а равным образом преуспели в чарах и мастерстве, прежде чем возвратиться в Большой мир. Лесные же эльфы обитали в сумеречном свете наших луны и солнца, но особенно любили звезды и бродили по высоким лесам в

землях, которых уже нет. Чаще всего они селились по краю лесов, откуда временами выезжали на равнины поохотиться или прокатиться под звездами и луной; а с приходом людей окончательно избрали сумерки и брезжащий свет. Впрочем, эльфами они были и остаются, и доброго в них больше.

В просторной пещере на восточном краю Мирквуда жил в то время их величайший король. Перед тяжелыми каменными воротами бурлила, выбегая из леса, река и терялась в болотах у подножия лесистых холмов. Пещера, от которой отходило множество других, простиралась далеко под землей, но

бесчисленные залы и переходы были светлее и чище, чем гоблинские туннели, и не так глубоки и опасны. Подданные короля жили все больше в лесу, в хижинах на земле или в ветвях, предпочитая буки прочим деревьям; там же они и охотились. Пещера была королевским дворцом, сокровищницей и крепостью эльфов для защиты от неприятеля.

Она же служила и темницей для пленников. Поэтому сюда привели Торина, не слишком церемонясь, ибо эльфы не жаловали гномов, считая их врагами. В стародавние времена эльфы воевали с некоторыми гномами, которые якобы похитили их сокровища. Справедливости ради

добавим, что гномы говорили совсем другое: они будто бы только забрали причитающееся, ибо король эльфов поручил им выковать изделия из своего золота и серебра, а платить отказался. У короля эльфов была одна слабость: любовь к сокровищам, особенно к серебру и прозрачным камням; и хотя казна его ломилась, он жаждал еще, дабы сравниться в богатстве с древними эльфийскими владыками. Его подданные не добывали руду, не обрабатывали камень или металл, да и к землепашеству и торговле душа у них не лежала. Все это прекрасно знал каждый гном, хотя род Торина и не участвовал в тех давних войнах.

Соответственно Торин, когда с него сняли чары, был зол на грубое обращение и твердо решил молчать о золоте и камнях.

Король сурово взглянул на Торуна, которого привели пред его очи, и задал много вопросов. Однако Торин отвечал лишь, что умирает с голоду.

— Почто ты и твои спутники трижды напали на моих подданных во время веселья? — спросил король.

— Мы не напали, — ответил Торин, — мы пришли просить помощи, ибо умирали от голода.

— А где теперь твои друзья и что они делают?

— Не знаю. Наверное, умирают

от голода в лесу.

— Что вы делали в лесу?

— Искали еду и питье, потому что умирали от голода.

— А зачем вы вообще пришли в лес? — гневно спросил король.

Но Торин упорно молчал.

— Добро же! — сказал король. — Увести его и стеречь, пока не разговорится, хотя бы на это ушло сто лет!

И Торины заключили в узы и заперли в самой дальней пещере, и оставили одного. Ему дали питья и еды, пусть грубой, зато вдоволь. Лесные эльфы — не гоблины, и сносно обращаются даже со злейшими врагами, если берут их в

плен. Только исполинских пауков они не щадят.

Здесь, в королевском узилище, и пребывал Торин. Отдав должное хлебу, воде и мясу, он задумался, что случилось с его несчастными друзьями. Ответ пришел довольно скоро, но это уже следующая глава и начало нового приключения, в котором хоббит еще раз доказал свою незаменимость.

Глава 9

Спасительные бочки

На следующее утро Бильбо и гномы предприняли последнюю попытку найти дорогу, пока не умерли от голода и жажды. Они встали и побрели в ту сторону, где, как полагали восемь из тринадцати, лежала тропа.

Увы, кто прав выяснить не удалось. Внезапно все потемнело, вокруг алыми звездами вспыхнули сотни факелов. Из леса выпрыгнули вооруженные эльфы и приказали гномам остановиться.

Никто и не подумал

сопротивляться. Гномы так обессилели, что плен казался им избавлением, к тому же кинжалы бесполезны против лучников-эльфов, способных во тьме поразить стрелой птичий глаз. Бедняги просто сели и стали ждать — все, кроме Бильбо, который быстро надел кольцо и отскочил в сторонку.

Вот почему, когда эльфы связали гномов в длинную цепочку и пересчитали, они не нашли и не сосчитали хоббита. Не слышали они и того, как он крадется следом, держась подальше от света факелов.

Гномам завязали глаза, но это мало что изменило. Даже Бильбо, чьи глаза были без повязки, не видел,

куда их ведут, к тому же не знал, где та поляна, с которой они тронулись. Он еле поспевал за факелами, потому что эльфы без сожаления подгоняли усталых пленников. Король велел поторопиться.

Внезапно факелы замерли, и хоббит еле успел догнать эльфов у входа на мост. Внизу бурно струилась темная река; за ней уходил вверх лесистый склон, в котором была пещера с огромными воротами. Эльфы погнали пленников по мосту, но Бильбо колебался. Вид пещеры его пугал. В последний миг он решил не бросать друзей и едва успел проскочить за быстроногими эльфами, до того как ворота с

грохотом затворились.

Переходы освещали алые огни факелов, эльфы-стражники пели, ступая по гулким извилистым коридорам. На обиталище гоблинов это не походило; пещеры были не такие глубокие, воздух — чище. В большом зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, восседал король эльфов на резном деревянном троне. Он был в венце из ягод и алых листьев, ибо уже наступила осень; весной он носил корону из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый скипетр.

Пленников поставили перед ним. Король глянул сурово, но велел их развязать, видя, как они

измождены.

— К тому же здесь нет нужды в путях. Не сбежать тому, кто прошел в мои зачарованные врата.

Долго и настойчиво выпрашивал он гномов о цели их путешествия, куда они идут и откуда, но добился не больше, чем от Торина. Пленники были злы и даже не старались казаться учтивыми.

— Что мы тебе сделали, о король? — сказал Балин (он был старшим после Торина). — Преступно ли заблудиться в лесу, алкать и жаждать, и отбиваться от пауков? Или пауки ваш домашний скот, что вам их жаль?

Этот вопрос только больше

раздосадовал короля.

— Преступно без дозволения входить в мое королевство. Или вы не знаете, что шли по моим владениям, дорогою, которую проложили мои люди? Не вы ли трижды набрасывались на моих подданных и своими криками подняли пауков? После всех безобразий, что вы здесь учинили, я вправе знать вашу цель, и если вы не ответите сейчас же, то будете сидеть в темнице, покуда не образумитесь!

Потом он велел рассадить гномов по отдельным казематам, накормить, напоить, но за двери не выпускать, пока хоть один из них не скажет всю правду. Однако король и

словом не упомянул, что Торин тоже в темнице. Это узнал Бильбо.

Бедный мистер Бэггинс — как же долго он обитал во дворце один-одинешенек, вечно прячась, не смея и на мгновение снять кольцо, почти не решаясь спать, все время хоронясь по самым дальним и темным углам. Чтобы как-то скоротать время, он бродил по королевскому дворцу. Ворота закрывались силою чар, однако порой ему случалось выскользнуть наружу. Лесные эльфы, иногда во главе с королем, то и дело выезжали на охоту или по другим делам в восточные земли. Бильбо удавалось, изловчившись, проскочить за ними, хотя это было очень опасно.

Не раз и не два тяжелые створки, захлопываясь за последним эльфом, едва не защелкивали его; а идти рядом с охотниками он не решался из-за тени (впрочем, очень бледной и зыбкой в свете факелов) и чтобы ненароком не попасться под ноги. Так что выходил он редко, да и радости от этого было немного. Бильбо не хотел бросать гномов, а вдобавок не знал, куда без них податься. За охотниками он не поспевал, поэтому дороги из лесу не разведаль, и до самого возвращения эльфов горестно скитался, боясь заплутать, к тому же голодал, поскольку не умел добывать дичи. В пещере он худо-бедно перебивался

тем, что украдкой таскал со стола или из кладовых.

«Я точно взломщик, который не может выбраться наружу и принужден день изо дня грабить один и тот же дом, — думал бедняга. — Это самая тоскливая часть моего дурацкого, проклятущего, никчемного приключения! Вот бы оказаться в теплой норе под лампою у камина!»

Часто он мечтал послать весточку волшебнику, чтобы тот их

выручил, однако вскоре понял: если кто-то и спасет положение, то лишь мистер Бэггинс, один и без всякой помощи.

За неделю-две шныряния по дворцу Бильбо выяснил, куда заточили гномов, и вскоре без труда находил дорогу к их казематам. Вообразите же его изумление, когда из разговора стражников хоббит понял, что во дворце, в самом темном и глубоком подвале, томится еще один гном! Конечно, он сразу решил, что это Торин, и скоро убедился в правильности своей догадки. Ценой немалых усилий ему удалось оказаться под дверью, когда рядом никого не было, и шепнуть

словечко предводителю гномов.

Темнота и одиночество сломили гнев Торина, он уже подумывал, не рассказать ли эльфийскому королю всю правду (из этого можно заключить, как сильно он пал духом), и вот тут-то из замочной скважины донесся голосок Бильбо. Торин сперва не поверил своим ушам, но вскоре убедил себя, что не ослышался, подошел к двери и долго шептался с хоббитом.

Затем Бильбо сообщил остальным гномам, что их предводитель тоже в темнице, и велел покамест молчать о цели странствия. Дело в том, что Торин ободрился, услышав, как Бильбо спас

его друзей от пауков, и решил не сулить королю сокровищ в качестве выкупа, пока есть надежда спастись иначе; вернее, пока превосходнейший мистер Бэггинс Невидимый (о котором гном был теперь самого высокого мнения) не исчерпал своей изобретательности.

Остальные радостно согласились. Все чувствовали, что их доля золота (гномы уже считали его своим, хоть и сидели по темницам), сильно уменьшится, если лесные эльфы потребуют себе часть; к тому же теперь они верили в Бильбо (как и обещал Гандальф). Может быть, отчасти ради этого волшебник их и покинул.

Хоббит, впрочем, не разделял общей уверенности. Трудно, когда все надежды возлагаются исключительно на тебя. Лучше бы рядом оказался волшебник. Увы, их, скорее всего, разделял темный простор Мирквуда, и надо было выкручиваться самому.

Бильбо сидел и думал до боли в затылке, однако не мог придумать ничего путного. Кольцо-невидимка вещь полезная, когда ты один, но на четырнадцать его не разделишь. Впрочем, в конце концов он все-таки спас друзей (вы правильно догадались!), и вот как это было.

Однажды, шныряя и вынюхивая, Бильбо обнаружил, что большие

ворота — не единственный вход в пещеру. Под дворцом проходило русло подземного потока, который впадал в Лесную реку чуть восточнее ворот. Там, где поток выбивался наружу, был устроен затвор: каменный свод подходил почти к самой воде, и с него опускалась решетка, полностью перекрывая отверстие, чтобы никто не мог проникнуть этим путем во дворец или выбраться наружу. Однако чаще решетка была открыта, потому что по реке сплавляли и поднимали грузы. Всякий, попадавший через затвор внутрь, оказывался в темном туннеле, уходящем в самое сердце горы, но в одном месте сверху было

вырублено отверстие и располагался большой дубовый люк. Он вел в королевские погребя, где стояли бочки, бочечки и бочонки — лесные эльфы, а в особенности их король, любили вино, хотя виноград в этих краях не родится. Вино, как и многое другое, доставляли издалека, от эльфов с юга или из людских виноградников за тридевять земель.

Спрятавшись за самой большой бочкой, Бильбо выяснил и про люк, и про то, зачем он нужен, и, подслушав разговор королевской челяди, узнал, что вино и разную снедь возят по реке или по земле к Долгому озеру. Здесь, как понял хоббит, по-прежнему процветал город,

выстроенный на воде для защиты от врагов, особенно же от дракона с Горы. Из Озерного города бочки доставляли по Лесной реке. Часто их просто связывали в большие плоты и на веслах или с шестами перегоняли вверх по течению; иногда грузили на плоскодонки.

Пустые бочки эльфы бросают в люк, и те прыгают по реке, пока их не прибывает к отмели на восточном краю Мирквуда. Здесь их собирают, связывают и сплавляют в Озерный город, стоящий у самого устья Лесной реки.

Довольно долго Бильбо сидел и думал про затвор, и нельзя ли бежать этой дорогой, и в конце концов у него

зародился отчаянный план.

Пленникам только что отнесли ужин. Стражники ушли и забрали с собой факелы. Воцарилась тьма. Тут Бильбо услышал, как королевский кравчий обратился к начальнику стражи.

— Пошли ко мне, — сказал он. — Попробуем новое вино, которое только что привезли. Сегодня ночью мне предстоит нелегкая работенка — освобождать погреба от пустых бочек. Давай сперва выпьем, чтобы дело веселее спорилось.

— Отлично! — рассмеялся начальник стражи. — Сниму пробу вместе с тобой, проверю, хорошо ли

вино для королевского стола. Нынче вечером пир, и негоже ставить на стол кислятину!

Услышав это, Бильбо затрепетал. Удача вновь ему улыбнулась: представился случай осуществить отчаянный план.

Хоббит прокрался за двумя эльфами в маленький погреб, где на столе стояли большие кувшины. Кравчий и начальник стражи принялись пить и весело смеяться. Счастье по-прежнему сопровождало Бильбо. Лесные эльфы хмелеют нелегко, но это, видимо, было крепчайшее вино из прославленных виноградников Дорвиниона, предназначенное не для челяди и

стражи, а только для королевского стола; и пьют его из маленьких чарок, а не полуведерными кувшинами.

Очень скоро начальник стражи стал клевать носом, потом положил голову на стол и крепко уснул. Кравчий, не замечая этого, продолжал говорить и смеяться, но вскоре тоже склонился головой на стол и захрапел. Тогда хоббит на цыпочках подкрался к ним. Одно мгновение — и начальник стражи лишился ключей, а Бильбо со всех ног понесся к темницам. Тяжелая связка оттягивала руку, ключи то и дело звякали, отчего у хоббита сжималось сердце, а по спине

пробежал холодок, — несмотря на кольцо.

Первым делом он выпустил Балина и сразу запер за гномом дверь. Балин, как вы догадываетесь, был изумлен, но и обрадован, выбравшись из тесного каменного мешка. Он забросал Бильбо бесчисленными вопросами: что тот собирается делать и все такое.

— После, после! — сказал хоббит. — Просто иди за мной. Главное, держись рядом. Бежать — так всем вместе, а другого случая не будет. Если нас поймают, то запрячут неведомо куда, да еще и в кандалы закуют. Уж будь другом, не спорь.

И он побежал от двери к двери,

пока не освободил двенадцать гномов. Все они громко топали и натыкались на стены — и от темноты, и от долгой неподвижности. У Бильбо сердце екало всякий раз, как они налетали друг на друга и принимались ворчать. «Тьфу на этих гномов, вечно подымут гвалт!» — говорил он про себя. Однако все прошло хорошо, и стражников они не встретили. Вообще-то в эту ночь был большой осенний пир в лесу и верхних чертогах, почти все королевские подданные веселились и бражничали.

Поплутав в темноте, гномы и Бильбо добрались до темницы

Торина в самой глубокой части дворца. По счастью, оттуда было довольно близко до погребов.

— Разрази меня гром! — сказал Торин, когда Бильбо шепотом позвал его к друзьям. — Ай да Гандальф! Ну и взломщика нам нашел!.. Мы все твои должники, что бы ни случилось в дальнейшем. Но куда теперь?

Бильбо понял, что пришло время раскрыть свой план, по крайней мере, первую его часть; но он не был уверен, что гномам это понравится. Опасался он не зря; затея пришлась гномам не по душе, и они принялись громко роптать, несмотря на опасность.

— Да нас по косточкам

разнесет, мы все захлебнемся! — ворчали они. — Мы-то думали, ты предлагаешь что-нибудь дельное, а ты просто рехнулся!

— Отлично! — сказал Бильбо, злой и очень расстроенный. — Расходитесь по своим уютным казематам, я вас снова запру, сидите себе в тепле и придумывайте план получше. Только сомневаюсь, что смогу еще раз добыть ключи, даже если мне снова придет такая охота.

Это мигом остудило гномов. Ясное дело, пришлось им поступить, как говорил Бильбо. Немыслимо было красться наверх и пробиваться в заговоренные ворота, а бродить по темным переходам и бурчать себе под

нос, пока их снова не поймают — и
вовсе глупо. Итак, все вслед за
хоббитом тихонько направились к
погребам. За приоткрытой дверью
по-прежнему храпели кравчий и
начальник стражи. Оба блаженно
улыбались. Вино Дорвиниона
навевает глубокие и приятные сны.
Надо думать, на следующий день
выражение у начальника стражи
было совсем иное, хотя
мягкосердечный Бильбо,
прокравшись в комнату, прицепил
ключи ему обратно на пояс.

— Это облегчит бедняге
нагоняй, — сказал себе хоббит. —
Малый он в сущности не плохой, и с
пленными обращался вполне сносно.

Вот поломают они голову! Решат, что мы силою чар прошли сквозь закрытые двери и растворились в воздухе. Растворились! Надо выбираться побыстрее, если мы и впрямь этого хотим!

Балин остался приглядывать за кравчим и начальником стражи, чтобы подать знак, если те шевельнуться. Остальные направились в соседний погреб, тот, что с люком. Время поджимало. Скоро должны были прийти другие эльфы, чтобы вместе с кравчим спустить пустые бочки в поток — они уже стояли рядышком на полу. Были там винные бочки, непригодные для целей беглецов — у

таких трудно вышибить днище, не подняв шума, а еще труднее приладить обратно. Но были и бочки из-под масла, яблок и других припасов для королевского двора.

Скоро нашли тринадцать более-менее подходящих бочек. Некоторые оказались даже слишком просторными — гномы забрались внутрь и сразу забеспокоилось, как их будет швырять, хотя Бильбо раздобыл соломы и каких-то тряпок, чтобы заполнить пустоту. Наконец двенадцать гномов разместились по бочкам. Торин оказался самым привередливым — он вертелся и крутился в своей, ворча, как большая собака в маленькой конуре, а Балин,

который залез последним, требовал дырочек для воздуха и жаловался на удушье еще до того, как закрыли крышку. Бильбо, как мог, заткнул щели и плотно пригнал крышки, после чего вновь остался один. Он бегал туда-сюда, осматривая бочки, поправляя что еще можно, и без надежды надеялся, что план удастся.

Спешил он не зря. Через минуточку-две после того, как над Балином захлопнулась крышка, послышались голоса и замерцал свет. Смеясь, переговариваясь и напевая, в погреб вошли эльфы. Они только что веселились наверху и были настроены как можно скорее вернуться за стол.

— Где Галион, кравчий? — спросил один. — Я не видел его на пиру. Он должен был прийти и показать нам, что делать.

— Пусть только опоздает, старый копуша! — сказал другой. — Я не намерен тут прохлаждаться, пока наверху поют!

— Ха-ха! — раздался крик. — Вон он, старый негодник, спит, уткнувшись лицом в кружку! Они с приятелем и здесь славно попиrowали!

— Тряси его! Буди! — нетерпеливо закричали остальные.

Галиону совсем не понравилось, что его трясут и будят, а уж тем более — поднимают на смех.

— Вы опоздали, — ворчал он. — Я ждал, ждал, пока вы там кутите, да и заснул с устатку!

— Немудрено, — отвечали эльфы, — ведь причина-то рядом, в кружке! Дай-ка и нам хлебнуть перед работой твоего сонного зелья. Тюремщика будить не будем! С него уже и так хватит!

Кружка пошла по кругу, и эльфы еще больше повеселели, однако головы не потеряли и сразу заметили, что некоторые бочки тяжелее других.

— Эй, Галион! — закричали они. — Ты так рано уселся пировать, что все перепутал! Поставил рядом с пустыми бочками полные!

— Пошевеливайтесь лучше! —
прикрикнул кравчий. — Ленивцам и
пустые бочки тяжелыми кажутся. Тут
только те, которые нужно выбросить.
Делайте, что велено.

— Прекрасно! — отвечали
эльфы, катя бочки к открытому
люку. — Пеняй на себя, если
королевские вино и масло уплывут
вниз по реке. То-то озерные люди
попируют за наш счет!

Эй, давай, вали, катай,
В дырку бочечки кидай!
Налегай, бум-бом!
Полетели кувырком!

Так они пели, и бочки одна за другой летели в темный провал. Некоторые из них были и впрямь пустые, в некоторых сидели гномы; все скатывались в люк, подсакивая и громыхая, ударяясь о стенки туннеля, сталкиваясь одна с другой и подпрыгивая на черной воде.

Только тут Бильбо понял, что не предусмотрел самого главного. Вы-то, наверное, давно это заметили и посмеивались над ним, но хотел бы я видеть вас на его месте! Он-то был не в бочке, и, если бы даже и спрятался в подходящую, ее некому было бы закрыть! Выходило, что на этот раз он точно расстанется с друзьями (почти всех их уже скатили

в люк) и будет вечно бродить
одиноким взломщиком по закоулкам
эльфийских пещер. Даже если бы он
выбрался через главные ворота, как
отыскать гномов? Он не знал дороги
по берегу к тому месту, куда
приплывут бочки. А что станется с
гномами без него? Он не успел
рассказать им все, что узнал и что
собирался делать, как только беглецы
выберутся из леса.

Пока все эти мысли
стремительно проносились у него в
голове, эльфы затянули веселую
песню. Некоторые уже взялись за
канаты, чтобы поднять решетку,
открыть затвор и выпустить бочки.

Возвращайся по волнам
Вспять к своим родным
краям!

От пещер и диких нор,
От холодных скал и гор,
Из лесных дремучих чащ,
Где бежит поток бурлящ,
Из ущелий — на простор
Светлых плесов и озер!

Вдаль плыви вдоль
тростника

В теплом гуле ветерка,
Мимо мелей и песков,
Мимо заливных лугов,
Сквозь туман, что от болот
Темной полночью встает!
Пусть тебя влечет вода,
Пусть тебя ведет звезда;

С севера плыви на юг,
Где лучится день вокруг,
Где пасутся у реки
Овцы, кони и быки,
Где на солнечных холмах
Зреет виноград в садах!
К югу, к югу уплывай
В свой родной далекий
край —
По бурливой быстрине,
В яркий день и при луне!

Последняя бочка скатилась в люк! Не видя иного выхода, бедный маленький Бильбо ухватился за нее и полетел в воду. Плюх! Он очутился в воде, под бочкой. Отплевываясь и

цепляясь двумя руками, как крыса, он вынырнул на поверхность, но вскарабкаться наверх не мог — бочка только крутилась, сталкивая его под воду. Еще бы — она была пустая и прыгала, как поплавок.

В уши залилась вода, и все равно Бильбо слышал пение эльфов. Потом лязгнул люк, и голоса затихли. Течение влекло его к решетке. Он был в ледяной воде, один-одинешенек, если не считать сидящих по бочкам гномов.

Очень скоро впереди показалось серое отверстие. Заскрежетала, поднимаясь, решетка. Бочки, толкаясь, устремились в просвет, и Бильбо оказался в самой их гуще, еле

поспевая уворачиваться, чтобы не смяло в лепешку. Течение тащило бочки под каменную арку. Хорошо, что он не сумел выбраться наверх: даже хоббиту было бы не проскочить под низким каменным сводом, почти вплотную подходившим к воде.

Бочки вынесло под нависающие ветки деревьев. Бильбо гадал, что чувствуют гномы и много ли воды натекло внутрь. Некоторые бочки осели в воде — хоббит заключил, что это те, в которых его друзья.

«Только бы крышки не отошли!» — подумал он. Впрочем, скоро ему стало не до друзей — тут бы самому остаться живу. Ему удавалось держать голову над водой, но он уже

весь продрог и не знал, подвернется ли удачный случай выбраться на берег, или он раньше умрет от холода.

Удачный случай все-таки подвернулся: течение прибило несколько бочек к мелкому берегу, где они зацепились за корягу. Бильбо смог вскарабкаться на свою, пока ее удерживали соседние. Он распластался на животе, как мокрая крыса, с трудом удерживая равновесие. На ветру было холодно, но лучше, чем в воде. Только бы не упасть, когда бочки поплывут дальше!

Вскоре течение оторвало их от коряги и вынесло на стрежень.

Удержаться наверху оказалось и впрямь очень трудно; однако Бильбо кое-как справился, хоть и с большими неудобствами. По счастью, он был совсем легонький, а бочка — большая, к тому же отяжелела от воды. Ему казалось, что он едет без стремян и узды на толстом пони, который каждую минуту норовит покататься на траве.

Таким манером мистера Бэггинса вынесло наконец к месту, где деревья росли реже. Между ветками проглядывало бледное небо. Река неожиданно разлилась: здесь она впадала в Лесную, бегущую от королевских врат. Лесистые берега расступились. В темной воде,

дробясь, отражались звезды и облака. Стремительное течение Лесной повлекло бочки к северному берегу, в тихую заводь за длинной галечной косой. Над отмелью нависал береговой уступ, а чуть восточнее в реку вдавался скалистый мыс. Большую часть бочек выбросило на отмель, и лишь несколько прибило к каменному причалу.

На берегу уже поджидали эльфы с шестами. Они быстро вытащили бочки на мелководье, пересчитали, связали вместе и оставили до утра. Бедные гномы! Бильбо и то было лучше. Он слез со своей бочки, добрел до берега и направился к ближайшей хижине. Хоббит так

долго пробавлялся чужим, что уже не мучился совестью, когда выпадал случай поужинать без спроса, к тому же он был по-настоящему голоден, а не просто вежливо интересовался, что тут у хозяев повкуснее. Различив за деревьями огонек, бедняга уже мечтал согреться и обсушиться — мокрые лохмотья прилипли к телу, с них капала вода.

Нет надобности долго распространяться о его ночных похождениях: путешествие на восток близится к концу, начинаются последние и самые громкие приключения, так что давайте поторопимся.

Поначалу все шло гладко, Бильбо

с помощью волшебного кольца легко проник в дом. Но потом его все же обнаружили по мокрым следам и воде, натекавшей повсюду, куда бы он ни шел; к тому же он начал шмыгать носом и, не успев спрятаться, выдавал себя громким «ап-чхи». Очень скоро в деревне начался переполох, однако Бильбо скрылся в лесу, прихватив буханку хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, испеченный не про него. Остаток ночи пришлось сидеть мокрым, вдали от огня; впрочем, согревшись вином, он даже вздремнул немного на куче сухих листьев, несмотря на ночную прохладу.

Проснулся хоббит от особенно

громкого чиха. Брезжило серое утро, от реки доносился веселый гул. Бочки связывали вместе; скоро эльфы-плотогоны отправятся на них к Озерному городу.

Бильбо снова чихнул. С одежды больше не капало, однако он промерз до костей. На задубевших ногах хоббит добежал до берега и еле успел в суматохе незаметно пробраться на бочки. По счастью, было пасмурно, и он не отбрасывал тени, а главное, больше ни чихал.

Эльфы, стоя на мелководе, уперлись в плоты шестью. Бочки закрипели.

— Тяжеленько идут! — ворчали одни.

— Да и осели низко. Некоторые, видать, не пустые. Кабы приплыли они днем, стоило бы заглянуть внутрь! — говорили другие.

— Некогда! — крикнули плотогоны. — Толкай!

Сперва медленно, потом все быстрее и быстрее бочки понеслись по течению. Эльфы, стоя на скалистом мысу, шестью вытолкнули их на стремнину.

Гномы вырвались из королевской темницы и плыли к озеру, но вот живые или мертвые — это предстоит узнать.

Глава 10

Радужная встреча

К середине дня распогодилось. Река описала широкую дугу, огибая каменный уступ слева. Глубокая вода под отвесным обрывом бурлила и плескалась. Внезапно берег пошел вниз, деревья исчезли. Перед Бильбо открылась широкая низина, где река разливалась на сотни выющихся рукавов, усеянных островками, или терялась в болотах, образуя старицы; и лишь главный поток неся все так же быстро и полноводно. А далеко-далеко, увенчанная рваными тучами, высилась Одинокая гора! Ее отроги

еще скрывались от глаз, и она единовластно царила над топями и лесами.

Одинокая гора!.. Бильбо прошел немалый путь и пережил множество приключений, чтобы ее увидеть, — и как же она ему не понравилась!

Слушая болтовню плотовщиков, ловя каждое оброненное ими слово, хоббит вскоре понял, что ему еще повезло — мог бы и вовсе ее не увидеть, даже издалека. Как ни туго приходилось беглецам (особенно гномам в бочках), их последние испытания обернулись редкой удачей. Эльфы обсуждали торговые дела. Оказалось, что теперь почти все грузы перевозят по реке, потому

что дороги к востоку от Мирквуда пришли в запустение и проехать ими невозможно; говорили и о том, что эльфы с озерными людьми никак не сговорятся, кто должен следить за судоходностью речного пути и поддерживать порядок на берегах.

Многое изменилось в восточных краях с тех пор, как отсюда ушли гномы, особенно в последнее время. Даже Гандальф еще об этом не ведал. От дождей и наводнений реки вышли из берегов; подземные толчки не раз сотрясали землю (в землетрясениях винили дракона, которого поминали недобрым словом, мрачно кивая в сторону Горы). Болота и топи захватывали все новые пространства.

Дорог не стало, сгинули и те, кто пытались их отыскать. Эльфийская тропа через лес, которую посоветовал Беорн, терялась на восточном краю Мирквуда. К подножию Горы можно было попасть только по реке, а ее охраняли Лесные эльфы.

Так что, как видите, другой дороги попросту не было. Наверное, продрогший хоббит немного ободрился бы, знай он, что Гандальф прослышал о переменах и торопится закончить свои дела (*которые к нашему повествованию не относятся*), чтобы отправиться на поиски Торины и его друзей. Однако Бильбо этого не ведал.

Знал он и чувствовал другое: что реке нет конца, что он простужен и голоден, а страшная гора приближается с каждым часом. Правда, через некоторое время река повернула на юг, и мрачные кручи снова начали удаляться. К концу дня заболоченные берега сменились каменистыми, рукава вновь собрались в единое русло, течение стало стремительным.

Солнце уже садилось, когда за очередным поворотом реки перед Бильбо открылось Долгое озеро. По обеим сторонам реки высились, как ворота, каменные утесы, к подножью которых теченьем намыло гальки. Долгое озеро! Бильбо не думал, что

на свете бывает столько воды — если, конечно, это не море. Берега еле угадывались вдали, а северную, подступающую к Горе окончность и вовсе было не разглядеть. Только по карте Бильбо знал, что там, где уже зажегся в небе Звездный Воз, который мы называем Большой Медведицей, от Дейла в озеро течет река Быстрая и вместе с Лесной заполняет древнюю межгорную впадину. На юге их воды низвергаются с высоких обрывов, чтобы устремить свой бег в неведомые края. В вечерней тиши явственно слышался глухой рокот водопада.

Недалеко от устья Лесной реки

раскинулся удивительный город, тот самый, о котором говорили эльфы в королевских погребках. На берегу стояли лишь несколько хижин, сам же город выстроили на озере, в тихой заводи, отделенной от реки скалистым уступом. Огромный деревянный мост был перекинут туда, где на сваях из огромных стволов вставал над водой шумный деревянный город. Жили здесь не эльфы, а люди — смельчаки, обитавшие под самой сенью драконьей Горы. Город был торговый. Товары доставляли сюда по реке с юга и дальше на возах в объезд водопадов. Однако величие его и процветание остались в прошлом,

когда Дейл на севере купался в богатстве, а по озеру сновали целые флотилии кораблей, нагруженных золотом или воинами в доспехах. Свершения и подвиги той поры отошли в область преданий, хотя в засушливые годы над водой еще показывались гниющие сваи великого города.

Люди не помнили тех времен, но по-прежнему пели о гномах, Короле-под-Горой, Троре и Траине из рода Дорина, о драконе и о гибели Дейла. Пели и о том, что Трор с Траином вернутся и золото рекой потечет с Горы, а страна наполнится смехом и новыми песнями. Впрочем, легенды легендами, а жизнь в городе

текла своим обыденным чередом.

Едва показались бочки, как от городского причала отвалили лодки. Эльфов окликнули, им бросили тросы, гребцы налегли на весла. Бочки отбуксировали поперек течения Лесной реки за мыс, к Озерному городу, и привязали недалеко от прибрежной опоры моста. Часть бочек должны были забрать купцы с юга, остальные — заполнить снедью, чтобы эльфы-плотогоны захватили их на обратном пути. Пока же бочки оставили на плаву. Эльфы вместе с лодочниками отправились в город — отпраздновать прибытие.

Они бы очень удивились, увидев,

что творится на берегу после их ухода. Едва стемнело, Бильбо отвязал одну бочку, вытащил ее на берег и открыл. Оттуда слышались стоны, и наружу вылез очень несчастный гном. В свалявшейся бороде застряла солома, руки, ноги, спина — все было в синяках. Он с трудом добрался до берега и, стеная, повалился на землю. Вид у него был голодный и одичалый, словно у цепного пса, которого на неделю забыли в конуре. Узнать в нем Торина можно было лишь по золотой цепи и некогда голубому, а теперь грязному и рваному капюшону с обтрепанной серебряной кисточкой. Довольно долго Бильбо не мог добиться от него

ни одного учтивого слова.

— Ты жив или мертв? — с досадой спросил хоббит. Возможно, он забыл, что, в отличие от гномов, успел подкрепиться в дороге, к тому же не сидел, скрючившись в три погибели, в душной бочке. — Ты в плену или на свободе? Если хочешь есть и намерен продолжать свое дурацкое приключение — не мое же оно, в конце концов, — то разотри себе ноги и пособи, пока не поздно, вытащить остальных!

Торин внял голосу рассудка, и, еще немного поохав, принялся помогать хоббиту. Нелегко им было, впотьмах, по пояс в холодной воде, искать нужные бочки. На стук и

голос откликнулись лишь шесть гномов. Им помогли выбраться на берег, где те и упали, жалуясь и постанывая. Мокрые, в ссадинах и синяках, они еще толком не осознали, что вырвались на свободу, и, боюсь, не готовы были благодарить Бильбо.

Балину и Двалину пришлось хуже всех, так что помощи от них ждать не приходилось. Бифур и Бофур пострадали меньше и почти не вымокли, но все равно легли на землю и отказались что-нибудь делать. Фи́ли и Ки́ли были еще молоды (*для гномов*), к тому же проделали путь в маленьких бочках, плотно набитых соломой. Они

вылезли наружу, слабо улыбаясь, всего с несколькими шишками, и быстро разогнали кровь в затекших руках и ногах.

— Ненавижу яблоки! — сказал Фили. — Вся бочка ими пропахла. Шевельнуться не можешь, весь продрог, от голода живот сводит — а тут этот запах! Я готов есть что угодно и сколько угодно, но только не яблоки!

Вчетвером — Фили, Кили, Торин и Бильбо — они разыскали и вытащили из бочек остальных товарищей. Бедный толстый Бомбур то ли спал, то ли пребывал в забытии. Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин нахлебались воды и были чуть живы,

их пришлось по одному выносить и укладывать на берег.

— Ну вот мы и снова вместе! — сказал Торин. — Полагаю, нам следует благодарить звезды и мистера Бэггинса. Он вправе ждать благодарности, хотя, позволю себе отметить, я предпочел бы более удобный способ передвижения. И все же мы снова к вашим услугам, мистер Бэггинс, и, без сомнения, выкажем должную признательность, когда поедим и придем в себя. А теперь куда?

— Думаю, в Озерный город, — промолвил Бильбо. — Куда еще?

Никто не смог предложить ничего другого, поэтому Торин,

Фили, Кили и хоббит, оставив товарищей, направились к мосту. Вход на него охранялся, но больше для виду, потому что жители города давно не опасались врагов. С лесными эльфами они ладили, если не считать споров из-за речных пошлин, а других соседей у них не было. Молодежь не очень-то верила в дракона и открыто смеялась над старичками, утверждавшими, будто своими глазами видели его в небе. Немудрено, что стражники пели и смеялись у огня в своей караулке, не слыша, как гномы вылезали из бочки и как подошли четверо друзей. Ну и подпрыгнули же они, когда в двери появился Торин Дубовый Щит!

— Кто ты и что тебе надобно? — закричали они, вскакивая и хватая оружие.

— Торин сын Траина сына Трора, Короля-под-Горой! — возгласил гном.

Вид у него при этом был поистине царственный, несмотря на рваный плащ и обвислый капюшон. Золото сверкало на шее и на груди, темны и глубоки были глаза.

— Я вернулся! Ведите меня к своему мэру!

Стражники всполошились. Те, что поглупее, даже выскочили наружу — они думали, что с Горы уже рекою течет золото, и воды озера окрасились желтым.

Вперед выступил начальник стражи.

— А это кто? — спросил он, указывая на Фили, Кили и Бильбо.

— Сыновья моей сестры, — ответил Торин, — Фили и Кили из рода Дорина, и мистер Бэггинс, сопровождающий нас в пути.

— Если вы пришли с миром, сложите оружие! — сказал начальник стражи.

— Мы безоружны, — ответил Торин, и это было почти правдой: меч Оркрист и кинжалы отняли у них эльфы. У Бильбо был при себе меч, как всегда, спрятанный в одежде, но об этом он промолчал. — Оружие не надобно тому, кто по пророчеству

вернулся в свои владения. Да нам и не по силам сразиться с вами, мы слишком малочисленны. Ведите нас к мэру!

— Он на пиру, — отвечал начальник стражи.

— Тем более ведите, — вставил Фили, которому изрядно надоели все эти разглагольствования. — Мы прошли долгий путь, устали и голодны. Наши спутники нуждаются в помощи. Довольно слов, не то мэр тебе спасибо не скажет!

— Что ж, следуйте за мной, — сказал начальник стражи и, прихватив шестерых своих людей, повел Бильбо и гномов по мосту, через ворота на городскую площадь.

Это была большая круглая заводь, вокруг которой высились на сваях большие дома, а от деревянных набережных спускались к воде лесенки. Здесь же сверкала огнями ратуша, из раскрытых окон доносился шум голосов. Путники вошли в дверь и остановились, моргая от яркого света. За длинными столами сидело множество людей.

— Я — Торин, сын Траина, сына Трора, Короля-под-Горой! Я вернулся! — зычно выкрикнул Торин — начальник стражи и рта раскрыть не успел.

Пирующие повскакали с мест. Сам мэр поднялся со своего кресла. Однако больше всех удивились

эльфы-плотогоны, сидевшие в дальнем конце зала. Сгрудившись перед мэром, они закричали:

— Это беглые пленники нашего короля, докучные бродяги, которые не могли сказать, кто они и откуда!

— Это правда? — спросил мэр. Честно говоря, он скорее поверил бы в слова о бродягах, чем в возвращение сказочного Короля-под-Горой.

— Правда, что король эльфов коварно подстерег нас и бросил в темницу, когда мы следовали в свои владения, — ответил Торин. — Однако замкам и запорам не остановить того, чей приход предречен встарь. Да и власть

лесного короля кончается вместе с лесом. Я говорю с мэром Озерных людей, не с королевскими плотогонами.

Мэр в сомнении обвел глазами присутствующих. Эльфийский король обладал в этих краях большой властью, и мэр не хотел с ним ссориться; не верил он и в древние песни; куда больше его занимали торговля и пошлины, грузы и золото, благодаря чему он и получил свой нынешний пост. Впрочем, остальные думали иначе, и скоро дело решилось помимо него. Вести распространились по городу, как пожар. По мосткам сбегался народ. Кто-то уже запел древнюю песню о

возвращении Короля-под-Горой; то, что вернулся не Трор, а его внук, никого не смущало. Толпа подхватила, и над озером разнеслось многоголосое:

Король Подземных кладов,
И кубков и корон,
Поправ шипящих гадов,
Вернет свой древний трон.
Откроет кладовые,
Устроит пир богат,
А арфы золотые
В чертогах зазвонят.
Тогда уйдут навеки
Печаль и тяжкий труд —
И золотые реки
На землю потекут.

И золотые зерна
Просыплются на нас, —
Когда Владыка Горный
Придет в урочный час.

Такую песню они пели, или похожую, только гораздо длиннее; к пению примешивались радостные возгласы, звуки скрипок и арф. Такого воодушевления не помнил даже самый дряхлый старожил. Лесные эльфы немного испугались. Они, конечно, не знали, как Торину удалось бежать, и подумывали, не совершил ли их король серьезного промаха. Что до мэра, тот счел за лучшее не спорить с народом, по

крайней мере, сейчас, и сделал вид, что поверил Торину. Он усадил гнома в собственное кресло, а Фили и Кили — на почетные места рядом с ним. Даже Бильбо нашлось сиденье за столом на возвышении. В суматохе никто не спросил, кто он и откуда взялся — хотя в песнях о нем не упоминалось и словом.

Вскоре ликующий народ привел в город и остальных гномов. Ссадины их промыли и перевязали, после чего всех принялись кормить и обхаживать. Торину и его товарищам отвели роскошный дом, выделили лодку с гребцами, а народ на улице целыми днями распевал песни; стоило какому-нибудь гному

показаться наружу, толпа
разражалась приветственными
возгласами.

Часть песен были старые, часть сочинили только что. В них уверенно говорилось о скорой смерти дракона и богатых дарах, что вот-вот потекут в город. Мысль эта принадлежала мэру и не очень-то понравилась гномам, но пока друзья ни в чем не испытывали нужды и быстро округлились на даровых харчах. За неделю они вполне оправились и теперь гордо выступали в новехоньких нарядах каждый своего цвета, покачивая аккуратно расчесанными и подстриженными бородами. Торин держался так, будто

уже вернул себе королевство, а Смауг изрублен в куски.

Как он и обещал, гномы с каждым днем проникались все большей признательностью к маленькому хоббиту. Попреки и ворчание прекратились. Гномы пили за его здоровье, хлопали его по спине и хвалили наперебой — весьма кстати, потому что Бильбо совсем сник. Он-то не забыл ни мрачную Гору, ни дракона, к тому же сильно простыл в дороге. Три дня бедняга чихал, кашлял и не выходил из дома; даже и после этого его речи на званых обедах сводились к

«Пребдого бдагодаен».

Тем временем лесные эльфы вернулись домой с грузом и застали во дворце необычный переполох. Не знаю, сильно ли досталось кравчему и начальнику стражи. Бильбо и гномы ни словом ни обмолвились о бочках и ключах, и хоббит приложил отдельные усилия, чтобы больше не исчезать. Тем не менее эльфы кое о чем догадались, хотя мистер Бэггинс по-прежнему остался для них загадкой. Так или иначе, теперь король знал (или думал, что знает), зачем гномы явились в его владения, и сказал себе так:

«Ну-ну!	Еще
посмотрим,	они
как	

повезут сокровища через
Мирквуд без моего
соизволения! Впрочем,
полагаю, что они сгинут
гораздо раньше, и
поделом!»

Уж он-то во всяком случае не
верил в отвагу и в доблесть гномов, и
в то, что они выйдут на бой с
драконом. Он сильно подозревал, что
они затевают кражу со взломом или
что-нибудь подобное. Из этого видно,
что король был куда проницательней
горожан, хотя и сильно ошибся, как
мы увидим в конце. Он разослал
лазутчиков по берегам озера и на
север к Горе, насколько те осмелятся

подойти, а сам стал ждать.

К концу второй недели Торин начал подумывать об отъезде. Надо было получить от горожан всю возможную помощь, пока те не остыли. Поэтому гном объявил мэру и его советникам, что вскорости намерен вместе со своими спутниками двинуться к Горе.

Впервые за это время мэр удивился и даже несколько струхнул. А что если Торин и впрямь потомок древних королей? До сих пор мэр и мысли не допускал, что гномы на самом деле намерены подступиться к Смаугу; он был убежден, что это мошенники и самозванцы, которых рано или поздно разоблачат и

выставят вон. Он ошибался. Торин, разумеется, и вправду был внуком Короля-под-Горой, а на что только не отважатся гномы, когда речь идет о мести или возвращении утраченных сокровищ!..

Впрочем, мэр ничуть не жалел о разлуке с пришельцами. Кормить их было накладно, к тому же с появлением гномов жизнь в городе превратилась в сплошной праздник, народ пел, плясал и совсем забыл о работе.

«Пусть едут к Смаугу, посмотрим, как он их встретит!» — подумал мэр.

— Всенепременно, о Торин, сын Траина, сына Трора! — сказал он вслух. — Ступай и верни то, что твое по праву. Пробил предсказанный час. Мы поможем всем, что в наших силах, а ты уж не забудь нас своей благодарностью, когда вернешься на царство.

И вот, в холодный ветреный день (*стояла поздняя осень, с деревьев облетала листва*) от пристани Озерного города отчалили три ладьи. В них были гребцы, гномы, мистер Бэггинс и большой запас провианта. Лошадей и пони повели обходной дорогой. Мэр и его советники вышли на ступени ратуши, чтобы пожелать гномам счастливого пути. Народ

толпился на пристани и высовывался из окон. Повсюду гремели песни. Белые весла с плеском ударили по воде, и ладьи понеслись на север, туда, куда гномы так долго стремились. Один лишь Бильбо чувствовал себя глубоко несчастным.

Глава 11

На пороге

За два дня прошли на веслах Долгое озеро и начали подниматься по реке Быстрой. Впереди мрачно высилась Одинокая гора. Против сильного течения грести было тяжело, и лодки двигались медленно. К концу третьего дня пристали к левому, или западному, берегу. Здесь уже ждали лошади с остальной поклажей и пони для гномов и Бильбо. Груз, доставленный на лодках, частью навьючили на пони, частью сложили в палатки, но ни гребцы, ни погонщики не

согласились остаться под сенью Горы даже на одну ночь.

— По крайней мере, пока не сбудется то, о чем поют в песнях! — сказали они. В этом пустынном краю легче было поверить в дракона и труднее — в Торуна. Впрочем, сторожить припасы все равно было не от кого, так что люди оставили гномов и на ночь глядя отправились восвояси.

Путешественники провели холодную ночь на бесприютном речном берегу и к утру заметно упали духом. На следующий день Балин и Бильбо замыкали процессию, ведя в поводу тяжело нагруженных пони; остальные ехали

впереди, осторожно выбирая путь, потому что здесь уже не было ни дорог, ни тропинок. Отряд двигался на северо-запад, наискосок от реки, все ближе и ближе к протянувшемуся на юг могучему горному отрогу.

Ехали медленно и старались не шуметь. Не слышалось ни смеха, ни песен. Гордость и надежда, пробужденные старинными песнями, сменились тягостным унынием. Все вокруг было пустынно и голо, хотя когда-то, по словам Торина, здесь весело шумели леса. Вскоре исчезли последние чахлые деревца; только обугленные пни и напоминали о былом. Даже былинки между камней попадались все реже.

Въехали в Драконий Разор. Год шел на убыль.

Тем не менее до подножия горы добрались без всяких происшествий. Кроме общего запустения, ничто не указывало на близость дракона. Гора безмолвно чернела впереди, заслоняя собой полнеба. Первый лагерь разбили на западном склоне южного отрога, который заканчивался утесом, получившим название Воронова. Здесь когда-то был сторожевой пост, но путники побоялись вскарабкаться на открытое место.

Прежде, чем искать потайную дверь в западных отрогах Горы, Торин отправил Балина, Фили, Кили

и Бильбо на юг, посмотреть, что творится у Главных врат. Под безмолвной серой громадой Воронова утеса река, извиваясь широкой петлей в долине Дейла, поворачивала от Горы к озеру. Поток стремительно несясь под скалистым обрывом, вода, бурля и пенясь, прыгала по камням, а за ней, в широкой ложбине под горной кручей, виднелись серые руины домов, башен, стен.

— Здесь был Дейл, — сказал Балин. — В те дни клоны гор зеленели лесами, изобильная долина радовала глаз, и колокола звонили на городских башнях.

Слова Балина звучали горько и

скорбно; он был с Торином в тот день, когда прилетел дракон.

Идти вдоль реки к воротам путники не отважились, но обогнули южный отрог и, выглянув из-за камня, увидели темное отверстие в крутой стене, между двумя скалистыми гребнями. Отсюда вытекала река, отсюда же поднимался пар и клубы черного дыма.

Все было неподвижно в сером запустении, только клубился дым, бежал поток и летали черные птицы. Не слышалось ни звука, кроме шума воды и зловещего карканья ворон.

Балин поежился.

— Идемте назад! — сказал

он. — Ничего мы здесь не высмотрим. Да и вороны мне не нравятся, уж очень похожи на соглядатаев.

— Дракон жив и по-прежнему внутри — во всяком случае, так я заключаю по дыму, — произнес Бильбо.

— Я не стал бы по этому судить, — ответил Балин, — хотя не сомневаюсь, что ты прав. Впрочем, возможно, дракон в отлучке или притаился на склоне горы. В любом случае из ворот продолжал бы идти пар — чертоги насквозь пронизаны его смрадным дыханием.

Удрученные и усталые, все четверо под карканье ворон

возвратились к себе в лагерь. Только в июне путники гостили в щедром доме Эльронда; сейчас подступала зима, но казалось, с той поры минули годы. Они были одни в мрачном разоренном краю, где не от кого ждать помощи. Друзья дошли до конечной точки своего странствия, однако цель представлялась такой же недостижимой. Все были близки к отчаянию.

Как ни странно, Бильбо держался лучше других. Он часто брал у Торина карту и подолгу разглядывал ее, думая о рунах и лунных буквах. Именно он убедил гномов начать опасные поиски на западных склонах Горы. Лагерь

перенесли в другую лощину, гораздо уже той, в которую выходят ворота, и ограниченную двумя невысокими гребнями, полого спускающимися к равнине. Здесь меньше чувствовалось опустошение, нашлась даже трава для пони. Из этой лощины, куда солнце заглядывало только по вечерам, они день за днем, разбившись по двое или по трое, совершали опасные вылазки на склоны Горы. Если верить карте, где-то на крутом уступе в начале лощины пряталась дверь. День за днем разведчики возвращались в лагерь ни с чем.

Дверь отыскалась случайно. Фили, Кили и хоббит шли в лагерь

после бесплодных поисков. Чтобы попасть в лощину, надо было лезть через нагромождение огромных камней. Около полудня, обходя глыбу, которая высилась, как колонна, Бильбо наткнулся на грубые ступени, ведущие вверх. С замиранием сердца все трое поднялись на узкую тропку, которая, то пропадая, то появляясь вновь, вывела их на вершину южного гребня и дальше на узкий, обращенный к северу карниз в склоне горы. Внизу, под обрывом, лежал их лагерь. В молчании, держась рукой за скалу, они гуськом двинулись по карнизу. Внезапно в камне открылся проем, и разведчики очутились на заросшей травой

площадке в небольшом, защищенном от ветра закутке. Снизу его было не видно за уступом, а издалека он казался обычной трещиной в скале. Это была не пещера, а просто открытая сверху выемка, но дальняя ее стена в нижней своей части оказалась совершенно гладкая, словно обтесанная, без единой щелочки или стыка.

Не было ни петель, ни щеколды, ни порога, ни замочной скважины, тем не менее все трое сразу решили, что нашли потайную дверь.

Они бились в нее, молотили по камню кулаками, толкали ее и умоляли открыться, произносили обрывки заклинаний — все тщетно;

затем, устав, присели отдохнуть на траву. Уже вечерело, кого два гнома и хоббит начали утомительный спуск к лагерю.

В ту ночь среди гномов царило воодушевление. Чуть свет, двинулись к двери, оставив Бофура и Бомбура сторожить пони и припасы. Остальные спустились в лощину и по тропе взобрались на карниз. Он был настолько узок, что не удалось бы пройти с поклажей; сбоку обрывалась на сто пятьдесят футов отвесная стена, под которой торчали острые камни. Однако гномы обвязались веревкой и благополучно достигли зеленой выемки.

Здесь они разбили третий

лагерь, втянув все нужное на веревках. Так же, по веревке, спускались иногда гномы половчее, вроде Кили — передать новости или сменить на часах Бофура, которого втянули наверх. Бомбур отказался подниматься и на веревке, и по тропе.

— Толстоват я ползать по отвесной скале, как муха. У меня закружится голова, я наступлю на бороду, и станет вас снова тринадцать. А веревка меня не выдержит.

На свою удачу, он ошибался, в чем вы со временем убедитесь.

Несколько гномов исследовали карниз и отыскиали тропу наверх,

однако далеко идти по ней не решились, да и лезть туда было не за чем. На круче стояла тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в скалах. Даже ворон было не слышно. Говорили вполголоса, не пели и не перекликались, ибо за каждым камнем таилась опасность.

Те, кто остались у потайной двери, тоже не слишком преуспели. В волнении они не вспомнили про руны и лунные буквы, а без устали искали, где именно в гладкой поверхности скрыта дверь. Из Озерного города гномы привезли заступы и теперь пустили их в ход, но от удара о камень дерево разлеталось в щепки, рая руки, а сталь ломалась

и гнулась, как свинец. Стало понятно, что заступы бессильны против заговоренной двери, а гулкое эхо могло разбудить дракона или какую другую неведомую опасность.

Началось тоскливое сидение на пороге. Никакого порога там, разумеется, не было; путники в шутку окрестили так кусочек травы под стеной, помня, как давным-давно у себя в норе Бильбо сказал:

«Надо будет посидеть на пороге, пока что-нибудь не придумается».

Теперь они сидели и думали или бесцельно бродили рядом, мрачнея

день ото дня.

Все приободрились, найдя тропку, но теперь отчаяние вернулось с новой силой; впрочем, гномы были еще не готовы сдаться и повернуть назад. Даже Бильбо сник. Он дни напролет просиживал спиной к стене, глядя на запад, в проем, туда, где за черной стеной Мирквуда временами проглядывали Мглистые горы. Если его спрашивали, что он делает, хоббит отвечал:

«Вы сказали, что сидеть на пороге и думать — моя работа, а проникнуть внутрь — и

подавно. Вот я сижу и думаю».

Однако, боюсь, думал он совсем о другом — о мирных западных землях, Холме и уютной хоббитчей норе под Холмом. В траве лежал большой серый камень, и хоббит часами смотрел на него или наблюдал за улитками. Им, видимо, нравилась тихая выемка в скале, потому что их было много, очень крупных, и они ползали по прохладным камням, оставляя длинные липкие следы.

— Завтра последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за ней и зима, — заметил

Бифур.

— А там и Новый год, — подхватил Двалин. — И мы будем сидеть здесь и растить бороды, пока они не свесятся с обрыва до самого дна лощины. О чем думает наш взломщик? По мне, раз уж обзавелся кольцом-невидимкой, вполне мог бы пройти в Главные ворота и хоть что-нибудь выяснить.

Бильбо все это слышал — гномы разговаривали на скале над самой выемкой — и подумал:

«Вот значит, что у них на уме! Вечно я выручай этих гномов — по крайней мере, с тех пор, как не

стало волшебника. Что делать? Эх, надо было догадаться, что добром это для меня не кончится. Страх берет, как подумаю, чтобы снова идти в злосчастную долину Дейла, а уж тем более в ворота!».

В ту ночь Бильбо почти не сомкнул глаз, все лежал и мучался. С рассветом гномы разошлись в разные стороны — кто в гору, кто — вниз, прогулять пони. Весь день Бильбо мрачно сидел на траве, глядя на дверь или на запад, сквозь узкий проем в скале. У него было странное чувство, будто он чего-то ждет.

«Может, как раз
сегодня неожиданно
вернется волшебник», —
думал он.

Солнце садилось, и внезапно
край далекого Мирквуда вспыхнул
огнем — это закатные лучи
позолотили последние осенние
листья. Оранжевый шар солнца висел
вровень с глазами хоббита. Бильбо
подошел к проему: над краем земли
бледно сиял молоденький лунный
серп.

На сером камне в траве сидел
огромный дрозд, угольно-черный, с
крапчатой желтой грудкой. Тук! Он
схватил улитку и ударил ее о камень.

Тук! Тук!

Внезапно Бильбо осенило. Забыв про опасность, он подбежал к обрыву и закричал, и замахал руками, подзывая гномов. Те, что были поближе, бросились к нему, спотыкаясь о камни и гадая, что стряслось с товарищем; другие орали, чтобы им сбросили веревки (*все, кроме Бомбура, разумеется — тот спал*).

Бильбо мигом объяснил, в чем дело. Все замолчали. Хоббит стоял у серого камня, гномы в нетерпении трясли бородами. Солнце спускалось все ниже и ниже, вместе с ним таяла последняя надежда. Вот оно село в багровые тучи и пропало с глаз.

Гномы запричитали, но Бильбо стоял почти неподвижно. Бледный месяц склонялся к горизонту. Наступил вечер. И вот, когда все уже отчаялись, тоненький алый лучик пробил облака и упал на гладкую каменную стену. Старый дрозд, который, склонив голову набок, смотрел с уступа внимательными бусинками глаз, пронзительно застрекотал. Что-то громко треснуло. От стены, футах в трех от ее основания, отскочил камешек. За ним оказалось отверстие. Дрожа от страха, что упустят единственную возможность, гномы бросились к стене и принялись толкать камень — увы, тщетно.

— Ключ! Ключ! — завопил Бильбо. — Где Торин?

Подбежал Торин.

— Ключ! — кричал Бильбо. — Ключ, который был с картой! Быстрее, пока не поздно!

Торин снял ключ, висевший у него на шее, и вставил в отверстие. Ключ подошел. Щелк! Луч погас, солнце село, месяц исчез, по небу разлилась тьма.

Все разом налегли, и дверь медленно-медленно подалась. Появились и постепенно расширились прямые длинные щели. Дверь — пять футов высотой, три шириной — проступила в скале и медленно пошла внутрь. Из дыры,

словно пар, хлынула темнота;
непроглядный мрак лежал перед
ними, зияющий вход в самое сердце
горы.

Глава 12

Взгляд изнутри

Долго стояли гномы перед черным проемом и спорили, пока Торин не сказал:

— Настал час почтеннейшему мистеру Бэггинсу, который зарекомендовал себя в долгой дороге добрым товарищем, хоббитом, не по росту находчивым и отважным, а также, если позволено заметить, удачливым сверх всякого обыкновения — настал час ему исполнить то, ради чего он пошел с нами; время заслужить свое вознаграждение.

Вы помните, как выражался Торин в ответственных случаях, так что я не стану приводить его речь полностью, хотя говорил он **гораздо** дольше. Случай и впрямь был ответственный, однако Бильбо раздражало многословие Торина. Хоббит уже хорошо знал его манеру изъясняться и понимал, к чему тот клонит.

— Если ты хочешь сказать, что, по-твоему, это мое дело — первым войти в потайной ход, о Торин, сын Траина, Дубовый Щит, да станет твоя борода еще длиннее, — с досадой произнес он, — то скажи это сразу и не трать слов. Я могу отказаться. Я уже вытащил вас из двух переделок, о

чем мы сперва не рядились, так что, полагаю, заслужил кой-какое вознаграждение. Однако, «где два, там и три», как говаривал мой батюшка, и я, пожалуй, соглашусь. Может быть, я теперь больше, чем прежде, верю в свою удачу, — *(Он имел в виду, большие, чем в то утро, когда выбежал из норы, хотя, казалось, с той поры минули столетья)*, — но, так или иначе, я, пожалуй, пойду прямо сейчас, чтобы скорей с этим покончить. Кто со мной?

Он не рассчитывал, что гномы наперебой бросятся предлагать помощь, поэтому не огорчился. Фили и Кили, потупясь, переминались с

ноги на ногу; остальные даже не притворялись, что хотят лезть в темную дыру — все, кроме старика Балина. Бессменный дозорный искренне привязался к хоббиту. Он заявил, что пройдет в дверь и даже чуть дальше, чтобы в случае чего кликнуть подмогу.

В оправдание гномам можно сказать, что они собирались щедро заплатить Бильбо; в конце концов, он подрядился делать за них черную работу, вот пусть и делает. Однако, попади хоббит в беду, они все бросились бы на выручку, как в случае с троллями в самом начале странствия, когда еще не имели особых причин испытывать к нему

благодарность. Гномы — не герои, они расчетливы и корыстны, есть среди них коварные и просто злые, есть — вполне приличные, как Торин со товарищи, просто не стоит требовать от них слишком многого.

Хоббит вошел в заколдованную дверь и, обернувшись, увидел звезды на бледном небе. Идти оказалось куда легче, чем он ожидал. Это был не гоблинский туннель и не эльфийские пещеры — его проложили гномы в пору величайшего расцвета, когда под Горой не ведали недостатка ни в золоте, ни в умельцах. Ход шел, как прочерченный по линейке, с гладким полом и стенами, под ровно

выдержанным наклоном — к
неведомому мраку внизу.

Через некоторое время Балин пожелал Бильбо удачи и остановился, пока еще виден был свет из двери и по какой-то причуде эха доносились голоса снаружи.

Хоббит надел кольцо. Памятуя об эхе, он двинулся с более чем хоббичьей осторожностью. Его трясло от страха, но лицо выражало мрачную решимость. Это был уже совсем не тот хоббит, который выбежал из норы без носового платка; он почти забыл, что такое носовые платки. Проверив, свободно ли ходит в ножнах кинжал, Бильбо подтянул пояс и двинулся дальше.

«Ну вот, Бильбо Бэггинс, получай, на что напросился, — думал он. — Сидел бы и помалкивал в тот вечер, не пришлось бы теперь расплачиваться! Тогда дурака свалял и теперь продолжаю! — говорила наименее туковская его часть — Мне даром не нужны драконьи сокровища, пусть бы лежали себе здесь вечно, лишь бы проснуться и увидеть, что этот туннель на самом деле не туннель, а моя собственная

прихожая!»).

Разумеется, он не проснулся, а продолжал идти вперед, пока не оказался в крошечном мраке. Впрочем, вскоре в туннеле стало теплее.

«Уж не свет ли там
впереди?» — подумал
хоббит.

Так и было. Чем ближе он подходил, тем явственнее различал зарево, с каждым шагом наливавшееся краснотой. Определенно, становилось жарко. Мимо проплывали струйки пара. Бильбо вспотел. В ушах нарастал гул,

словно дальше по туннелю булькал огромный чайник и урчал исполинский кот. В алом мареве вперед кто-то раскатисто храпел.

И вот тут Бильбо остановился. То, что он все-таки пошел дальше, было самым отважным поступком в его жизни. Все его дальнейшие подвиги меркнут в сравнении с этим мигом. Настоящую битву он выиграл в одиночку, еще до того, как увидел самую опасность. Так или иначе, постояв немного, он двинулся вперед и через некоторое время достиг отверстия, размером и формой почти повторявшего дверь. Дальше лежал огромный подвал или подземелье древних гномов в самых недрах Горы.

В почти полном мраке о размерах его можно было только догадываться, но, ближе к туннелю, над каменным полом дрожало алое зарево. Зарево Смауга!

Здесь он лежал, исполинский ало-золотой дракон, скованный крепким сном; из пасти и ноздрей вырывался рокочущий гул и клубы дыма, но пламя чуть тлело. Под брюхом, лапами, под огромным, свернутым в кольца хвостом и по всему полу, теряясь во мраке у невидимых стен, лежали груды несметных сокровищ, золото кованое и в слитках, драгоценные камни и самоцветы, серебро в кровавых отблесках драконьего пламени.

Смауг лежал, завалившись набок и сложив крылья, словно непомерная летучая мышь, так что хоббит видел внутреннюю сторону лап и бледное брюхо. От долгого лежания на драгоценном ложе к чешуе пристали самоцветы и золото. Позади на стенах смутно угадывались кольчуги, шлемы, секиры, мечи и копья; рядом стояли огромные кувшины, наполненные сказочным богатством.

Сказать, что у Бильбо перехватило дыхание, значит не сказать ничего. Люди забыли слова, способные передать его чувства, вместе с языком, который переняли у эльфов во дни, когда мир был полон чудес. Бильбо слышал рассказы и

песни о драконьих сокровищах, но такого блеска, блазни и великолепия представить себе не мог. Неутолимая страсть, ведомая лишь гномам, пронзила его сердце. Он смотрел, зачарованный, почти позабыв про ужасного стража, на сокровища без меры и счета.

Целую вечность он смотрел, прежде чем, повинувшись неодолимой тяге, выступил из туннеля и шагнул к ближайшей груде сокровищ. Над ним возвышался дракон, грозный даже во сне. Хоббит схватил золотую чашу о двух ручках, такую тяжелую, какую только мог унести, и с опаской взглянул вверх. Смауг дернул крылом, выпустил коготь, храп его изменился.

Бильбо припустил наутек. Однако дракон не проснулся — покамест, — просто ему снился новый сон о кровавых и алчных злодеяниях, снился в захваченных чертогах, покуда маленький хоббит со всех ног улепетывал по туннелю. Сердце екало, ноги дрожали сильнее, чем на пути вниз, но он сжимал чашу и думал одно:

«Ай да я! Что-то они
теперь запоют!

«Больше похож на
лавочника, чем на
взломщика!»

Пусть только

попробуют снова это
сказать!».

Никто и не пробовал. Балин при виде хоббита изумился и очень обрадовался. Он подхватил Бильбо и вынес его наружу. Была полночь. Звезды скрылись за тучами, но Бильбо, зажмурясь, наслаждался ночной свежестью. Он почти не слышал оханья и аханья гномов, их восторженных похвал, не чувствовал, как его хлопают по спине, суля услуги свои и своих потомков до десятого колена.

Гномы по-прежнему передавали чашу из рук в руки и восторженно рассуждали о том, как вернут себе

остальные сокровища, когда в горе зарокотало, словно заворочался, просыпаясь, старый вулкан. Дверь они прикрыли, вставив в нее камень, чтобы не захлопнулась совсем, но в туннеле эхом отдавались грохот и рев, от которых сотрясалась скала.

Гномы, позабыв свое ликование и бахвальство, ничком повалились на карниз. Смауг никуда не делся. Нельзя сбрасывать живого дракона со счетов, особенно если он близко. Драконы не пьют из чаш, но, как правило, знают свои сокровища наперечет, особенно если долго ими владели, и Смауг не составлял исключения. Беспокойный сон (в котором самым неприятным образом

фигурировал воин, ничтожный ростом, однако отважный и с острым мечом) сменился полудремой, а затем и пробуждением. В пещере непривычно пахло свежим воздухом. Неужто тянет из той дырочки? Она всегда немного беспокоила Смауга; сейчас он подозрительно взглянул в ту сторону, удивляясь, почему не завалил ее до сих пор. Последнее время ему несколько раз мерещился глухой стук наверху. Он заворочался, вытянул шею, принюхался и тут заметил, что нет чаши!

Грабеж! Пожар! Разбой! Такого не случилось с тех пор, как он обосновался в Горе! Гнев его не

поддается описанию — так злятся только богачи, у которых всего через край, заметив пропажу ненужной, но давно примелькавшейся безделицы. Смауг изрыгнул пламя. Подземелье окуталось дымом, содрогнулись основания горы. Дракон ткнулся мордой в крохотную дыру, подобрался, взревел, как подземный гром, и устремился к главным воротам.

Его гнала одна мысль: обшарить склоны, найти вора, растоптать его и растерзать в клочья. Смауг вылетел из ворот — вода всколыхнулась и вскипела, за клубился пар, — взмыл в воздух и грузно опустился на вершину горы, окутанный зеленым и

алым пламенем. Гномы слышали страшный рокот его крыл и спрятались в выемку, надеясь укрыться от яростных драконьих очей.

Тут бы они все и погибли, если б не Бильбо.

— Быстрее! Быстрее! — закричал он. — В дверь! В туннель! Здесь оставаться нельзя!

Гномы уже готовы были юркнуть в гору, когда Бифур завопил:

— Мои двоюродные братья! Бомбур и Бофур! Они внизу!

— Они погибнут, а с ними наши пони и весь провиант, — запричитали остальные. — Нам их не спасти.

— Чепуха! — сказал Торин, вновь обретая свое достоинство. — Мы не можем их бросить. Мистер Бэггинс, Балин, Фили и Кили — живо в дверь, чтобы не все мы достались дракону. Остальные, давайте веревки! Да не спите!

Такой опасности они, наверное, еще не подвергались. Яростный рев и топот Смауга эхом прокатывался в каменных теснинах; в любой миг дракон мог обрушиться с высоты или пролететь мимо и увидеть их на узком карнизе. Тем временем гномы изо всех сил тянули веревки. Подняли Бофура. Дракон не появлялся. Подняли пыхтящего Бомбура. Вербки трещали, но

выдержали. Дракон не появлялся. Подняли заступы и тюки с провизией.

И тут появился дракон.

Ветер завыл, на скалу легли алые отблески. Гномы едва успели заскочить в туннель и втянуть за собой тюки, когда мимо пронесся Смауг, выжигая склоны огнем. Шум его крыльев оглушал, как рев бури. Трава у порога съежилась под жарким дыханием, поток горячего воздуха проник в щель и опалил гномов. Взметнулось пламя, заплясали тени. Дракон унесся прочь, и наступила тьма.

Пони заржали от страха, оборвали веревки и разбежались.

Дракон повернул и бросился в погоню.

— Бедняжки! — вздохнул Торин. — От Смауга не уйти. А нам теперь сидеть здесь, разве что мы решимся топать долгие мили к реке под самым носом у дракона!

Удрученные, путники забрались дальше в туннель. Всех трясло, но не от холода — внутри было тепло и душно. Там они и лежали, пока в щель не заглянул серый рассвет. Все ночь то и дело слышался то нарастающий, то затихающий рев — дракон раз за разом облетал гору.

По лагерю и пони внизу он догадался, что воры поднялись от реки и взобрались на кручу из

лощины, в которой оставили припасы; однако двери он не нашел, а стены по краям выемки сдержали жар его дыхания. Долго кружил Смауг над горой, а к утру немного остыл и отправился на свое золотое ложе — поспать и восстановить силы.

Он не простил бы кражи, даже если бы тысячелетия обратили его в дымящийся камень, но ему некуда было торопиться. Медленно и тихо прополз он в свое логово и прикрыл глаза.

С рассветом гномы немного оправились от страха. Они осознали, что опасность — неизбежная спутница такого рода предприятий, и

рано пока, не солоно хлебавши, возвращаться домой. Да они и не могли вернуться, как справедливо заметил Торин. Пони разбежались или съедены, и прежде чем решаться на пеший путь, надо было выждать, пока дракон немного ослабит бдительность. По счастью, удалось спасти провианта на пару недель.

Долго они спорили, что делать, однако не могли придумать, как избавиться от дракона. Это с самого начала было недочетом в их планах, о чем Бильбо так и подмывало напомнить. Потом, как часто бывает в безвыходном положении, гномы принялись ворчать на хоббита, ругая его за то же, за что превозносили

вчера — он-де взял чашу и этим навлек на них гнев Смауга.

— А что еще прикажете делать взломщику? — в сердцах воскликнул Бильбо. — Я нанимался не драконов убивать, это работа для воинов, а красть. Что мог, то и вынес. А вы ждали, что я выйду со всем сокровищем Трора на плечах? В таком случае дозвоьте поворчать и мне. Вам следовало взять с собой не одного, а пятьсот взломщиков. Размер богатства, безусловно, делает честь вашему деду, но вы даже не потрудились рассказать мне, как оно велико. За сто лет всего не перетаскать, даже будь я в пятьдесят раз больше, а Смауг — безобидней

кролика.

После этого гномы, разумеется, попросили у Бильбо прощения.

— Что Вы нам посоветуете, мистер Бэггинс? — вежливо спросил Торин.

— Пока не знаю — если вы о том, как вынести сокровища. Это будет целиком зависеть от какого-нибудь нового поворота событий и от того, сможем ли мы устранить дракона. Устранять драконов — не мое дело, хотя обещаю подумать. Лично я ни на что не рассчитываю и желал бы сейчас оказаться в своей норе.

— Не будем пока об этом! Что нам делать сейчас, сегодня?

— Ну, если вы и впрямь хотите услышать совет, то, пожалуй, нам лучше всего оставаться здесь. Днем, уверен, можно будет выйти наружу и подышать. Наверное, через некоторое время удастся отрядить кого-нибудь в первый лагерь для пополнения запасов. Однако по ночам все должны сидеть в туннеле.

Теперь вот что я предлагаю. У меня есть кольцо, и я прокрадусь внутрь уже сегодня в полдень, когда Смауг скорее всего спит, и посмотрю. Может, что-нибудь придумается.

«У каждого змея есть
свое слабое место»,

как говаривал мой батюшка, хотя, полагаю, не по личному опыту.

Гномы радостно согласились. Они давно научились уважать маленького Бильбо; теперь же он стал настоящим вожаком, начал строить собственные планы и замыслы. В полдень хоббит снова приготовился идти к центру горы. Конечно, эта мысль несколько ему не улыбалась, но он по крайней мере представлял, что увидит внизу. Знай он больше про драконов и их повадки, уверенности в нем поубавилось бы.

Когда он двинулся в путь, снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью. Очень скоро

свет из дверной щелочки остался позади. Хоббит крался бесшумно, словно облачко дыма, гонимое легким ветерком, и даже немного гордился своей ловкостью. Зарево внизу едва теплилось.

«Старый Смауг устал и спит, — думал хоббит. — Увидеть меня он не может, слышать тоже. Смелей, Бильбо!».

Он то ли не знал, то ли забыл про драконий нюх. Было и еще одно неприятное обстоятельство: драконы, когда они настороже, спят вполглаза.

Когда Бильбо высунул голову в отверстие, Смауг казался глубоко спящим, чуть ли не мертвым; вместо храпа из ноздрей вырывались невидимые струйки пара. Хоббит уже готов был ступить на пол, как вдруг из-под левого драконьего века блеснул алый луч. Смауг только притворялся спящим! Он следил за входом в туннель!

Бильбо торопливо отступил назад, благодаря судьбу за кольцо-невидимку. И тут Смауг заговорил:

— Ага, вор! Я тебя чую. Я слышу твоё дыхание. Иди сюда! Бери ещё, не стесняйся, тут всего вдоволь.

Однако Бильбо был не такой невежда по части драконов. Смауг

просчитался, если надеялся заманить его так легко.

— Нет, благодарствую, о Смауг Преогромный! — отвечал хоббит. — Я пришел не за подарками. Я просто хотел посмотреть, правда ли ты так велик, как о тебе говорят. Мне не верилось.

— А теперь? — сказал дракон, немного польщенный, хотя, конечно, не поверил ни единому слову.

— Воистину, песням и сказкам недостает красок, о Смауг, Первый и Величайший из Губителей! — отвечал Бильбо.

— Для вора и лжеца ты неплохо воспитан, — сказал дракон. — Вижу, ты знаешь мое имя... а вот я не

припомню твоего запаха. Можно ли полюбопытствовать, кто ты и откуда взялся?

— Конечно можно! Я пришел из-под холма. Под горой и через гору лежал мой путь. И по воздуху. Я тот, кто ходит невидимым.

— Охотно верю, — промолвил Смауг. — Хотя вряд ли это твое обычное имя.

— Я — отгадчик, рассекающий паутину, я — жалящая мошка. Я — избранный для счастливого числа.

— Благозвучные прозвища, — фыркнул дракон, — но счастливые числа не всегда выигрывают.

— Я тот, кто хоронит друзей заживо, топит их и вынимает

живыми из воды. Я пришел из тупика, однако меня нелегко поставить в тупик.

— Ну, это еще стоит проверить, — хмыкнул Смауг.

— Я — друг медведей и гость орлов. Я — Кольцедобытчик, приносящий удачу, я — Оседлавший бочку. — Бильбо самому все больше нравились его загадки.

— Ого! — сказал Смауг. — Только не слишком увлекайся.

Разумеется, так и следует говорить с драконом, если, с одной стороны, не хочешь называть свое имя (*что разумно*), а с другой стороны, боишься разозлить собеседника прямым отказом (*что*

тоже весьма разумно). Ни один дракон не устоит перед соблазном послушать загадки и поломать голову над их тайным смыслом. Многого Смауг не понял совсем (ведь, в отличие от вас, он не слышал обо всех приключениях Бильбо), но кое-что, как ему казалось, угадал и гадко посмеивался в душе.

«Так я вчера и подумал, — ухмыльнулся он про себя. — Озерные люди! Это они замыслили, жалкие бондари и торгаши, или зовите меня ящерицей. Давненько я туда не наведывался... Ужо

погодите!»

— Прекрасно, Оседлавший бочку! — сказал он вслух. — Наверное, Бочкой звали твоего пони, а может, и нет, хотя он был достаточно жирный. Может, ты и ходишь невидимым, но не всю дорогу прошел пешком. Вот послушай: я съел шесть пони вчера, а сегодня поймаю и съем остальных. В благодарность за превосходную трапезу и я дам тебе добрый совет: держись подальше от гномов!

— От гномов? — притворно изумился Бильбо.

— Молчи! — сказал Смауг. — Уж мне ли не знать их запах (и

вкус)? Не говори, будто съев пони, я не пойму, кто на нем ехал! От таких друзей хорошего не жди, вор, Оседлавший бочку. Можешь вернуться и передать им это от меня.

Однако он не сказал Бильбо, что один запах — хоббитский — изрядно его озадачил. Такого Смауг на своем веку еще не встречал.

— Полагаю, тебе хорошо заплатили за вчерашнюю чашу? — продолжал дракон. — Ну же? Ничего не заплатили, да? Узнаю гномов! Сами сидят, попрятавшись, а ты делай за них самую опасную работу и тащи, пока я не вижу — опять-таки для них? Обещали поделиться по честному? Не верь! Скажи спасибо,

если уйдешь живым!

Вот когда Бильбо стало и впрямь не по себе. Он вздрагивал всякий раз, как ловил на себе пронзительный взгляд Смауга. Ему неодолимо хотелось сорвать кольцо, выбежать вперед и сказать Смаугу всю правду. На самом-то деле хоббит был опасно близок к тому, чтобы подпасть под драконьи чары. Однако он собрал всю свою храбрость и заговорил ВНОВЬ:

— Тебе известно не все, о Смауг Могучий. Не только золото привело нас сюда.

— Ха-ха! Так все-таки «нас», — расхохотался Смауг. — Сказал бы уж: «нас, четырнадцать», мистер

Счастлиное число! Рад слышать, что у вас есть тут и другие дела. В таком случае, может, вы и не напрасно сбивали пятки. Не знаю, задумывался ли ты, что мало вещица за вещицей перетаскать золото? Лет за сто ты бы управился, однако далеко ли вы с ним уедете? Много ли проку от сокровища здесь, на Горе? А в лесу? Ах, какие мы наивные! Ты никогда не задумывался о своей доле? Четырнадцатую часть, или вроде того, столько тебе посулили? А доставка? А вооруженный эскорт? А пошлины?

Смауг громко расхохотался. Подлый дракон видел, что угадал более или менее верно, хотя и

подозревал в соучастии Озерных людей. Он был уверен, что львиная доля сокровищ должна остаться в прибрежном городе, который в его юные дни звался Эсгаротом.

Не поверите, но бедный Бильбо и впрямь опешил. До сих пор он думал только о том, как добраться до Горы и найти потайную дверь. Он не дал себе труда поразмыслить, как вынести сокровища, и уж тем более — как доставить свою долю в Бэг-энд под Холмом.

Теперь у него зародились нехорошие сомнения: а правда ли гномы тоже об этом не думали? или все время украдкой посмеивались над ним? Так всегда действуют на

новичка драконьи речи. Бильбо, разумеется, следовало быть начеку, но Смауг мастерски владел даром убеждения.

— Я тебе скажу, — произнес Бильбо, сиюсь сохранить верность друзьям. — Золото для нас — дело десятое. Мы пришли сюда через горы и под горой, по воде и на крыле, ради Мести. Разумеется, ты не сможешь отрицать, о Смауг Безмерно Богатый, что своими успехами снискал себе немало врагов.

Тут дракон рассмеялся в голос — от его хохота Бильбо затрясся, а гномы в туннеле сбились в кучу, воображая, что хоббита постиг внезапный и страшный конец.

— Месть! — фыркнул Смауг, и пламя его очей алой молнией озарило чертог от пола до потолка. — Месть!.. Король-под-Горой мертв, и где его родичи, что посмели бы желать отмщения? Гирион Дейлский мертв, я пожрал его людей, как волк овец, и где сыны Гирионовых сынов, что посмели бы ко мне подступиться? Я убиваю, кого хочу, и нет мне в том помехи. Я сразил воинов древности, равных которым нет в нынешнем мире. Тогда я был молод и мягкотел. Теперь я стар и силен, силен, силен! — бахвалился он. — Броня моя — как сложенные вдесятеро щиты, зубы мои — мечи, когти — пики, удар

хвоста — гром, крылья — буря,
дыхание мое — смерть!

— Мне всегда казалось, — испуганно пискнул хоббит, — что драконы мягче внизу, особенно в области... э-э... груди, но, без сомнения, к твоей превосходной броне это не относится.

Дракон горделиво хмыкнул.

— Твои сведения устарели. Я весь закован в стальную чешую и крепчайшие из драгоценных камней. Никакому клинку их не пробить.

— Мне следовало догадаться, — сказал Бильбо. — Воистину, не сыскать тебе равных, о Смауг Неуязвимый. Кто еще может похвалиться жилеткой из алмазов

чистой воды!

— Да уж, — польщено произнес дракон. Ему было невдомек, что хоббит еще в прошлый визит обратил внимание на его брюхо, а теперь, по собственным причинам, сгорал от желания присмотреться повнимательнее. Дракон перекатился на бок. — Смотри! — воскликнул он. — Что скажешь?

— Потрясающе! Невероятно! Превосходно! Выше всяких похвал! — восклицал Бильбо, а про себя думал:

«Старый дурень! Слева на груди слезло несколько чешуин, и он там голый,

как улитка без раковины!».

Мистер Бэггинс увидел, что хотел; теперь ему оставалось лишь вернуться обратно.

— Что ж, не смею больше докучать Вашему Великолепию, особенно когда Вы так нуждаетесь в отдыхе. Пони поймать нелегко. И взломщиков тоже! — добавил он и стрелой помчался по коридору.

Лучше б этого было не говорить — дракон изрыгнул ему вслед пламя. Как ни быстро бежал хоббит, он был еще недостаточно далеко, когда Смауг сунул отвратительную голову в дыру. По счастью, пасть не пролезла, однако ноздри выпустили струи огня

и пара. Вне себя от боли и ужаса хоббит вслепую понесся дальше. Он чересчур расхрабрился, беседуя с драконом, и был очень собой доволен, однако последняя ошибка живо привела его в чувство.

— Впредь не смейся над живым драконом, болван! — сказал себе Бильбо. Впоследствии это стало его любимым присловьем, а позже вошло в поговорку. — Приключение еще не закончилось, — добавил он, и это тоже была сущая правда.

День клонился к вечеру, когда хоббит вышел наружу и без чувств рухнул на «порог». Гномы хлопотали вокруг и, как могли, смазали ожоги; все же прошло

немало времени, прежде чем у хоббита снова отросла шерстка на пятках и на затылке — ее спалило до самой кожи. Тем временем друзья всячески старались его ободрить и выпрашивали, отчего дракон так бушевал, и каким образом Бильбо спасся.

Однако хоббит был удручен, и из него ничего толком не удавалось вытянуть. Он жалел о некоторых своих словах и не хотел их повторять. Старый дрозд сидел рядом и внимательно слушал, склонив голову набок. Бильбо, злой на себя и на весь свет, схватил камень и запустил в дрозда, который только вспорхнул и тут же уселся обратно.

— Тьфу на эту птицу! — скривился Бильбо. — Не нравится мне, как она слушает.

— Не тронь дрозда! — сказал Торин. — Они добры и приветливы, а этот еще и очень стар. Может, он последний из древнего рода, обитавшего на Горе. Отец и дед кормили их с рук. То были волшебные птицы и жили очень подолгу. Может быть, он даже один из них, и тогда ему лет двести с лишним. Люди Дейла как-то понимали их язык и отправляли дроздов с вестями в Озерный город и дальше.

— Ну, если он хочет отнести вести Озерным людям, ему будет, что

рассказать, — пробурчал Бильбо, — хотя вряд ли там еще понимают птичий язык.

— Так что случилось? — вскричали гномы. — Рассказывай!

И Бильбо рассказал все, что мог вспомнить, не утаив, что дракон, по-видимому, о многом догадался с его слов и сопоставил это с лагерем и пони.

— Он знает, что мы пришли из Озерного города, и там нам помогли. Ох, боюсь, что теперь он туда наведается! Зачем только я сказал про бочку! В здешних краях даже слепой кролик сразу вспомнил бы про Озерных людей!

— Ладно! Сделанного не

исправить, а, как я слышал, говоря с драконами, трудно не сболтнуть лишнего, — сказал Балин, стараясь его утешить. — По мне, так ты справился отлично — узнал одну важную вещь и вернулся живым, а этим не многие могут похвалиться из тех, кто встречался с их братом драконом. Может, то, что ты узнал о прорехе в алмазной тужурке старого червяка, еще всех нас выручит.

Тут разговор перешел на драконоборцев, исторических, спорных и мифических. Гномы принялись оживленно обсуждать удары колющие, режущие и рубящие, а также различные боевые приемы их нанесения и прочие военные

хитрости. Сошлись на том, что застать дракона спящим — не так легко, как кажется, и попытка заколоть его во сне скорее обернется несчастьем, чем даже встреча в честном бою. Все это время дрозд слушал, а, когда выглянули звезды, бесшумно расправил крылья и улетел. Пока шел разговор и удлинялись тени, Бильбо мрачнел все больше и больше. Росли его дурные предчувствия.

Наконец он перебил гномов.

— Сидеть здесь опасно, — проворчал хоббит, — да и незачем. Мягкую травку дракон пожег, и вообще — ночь, холодно. Чует мое сердце, Смауг еще вернется! Он знает

теперь, что я пришел по туннелю, и уж наверняка догадается, где другой выход. Он разнесет эту часть горы в щебень, чтобы завалить дверь, и будет только рад, если заодно пришлепнет и нас!

— Что-то ты чересчур мрачен, мистер Бэггинс! — сказал Торин. — Почему же в таком случае Смауг не завалил нижний вход? Он этого не сделал, иначе мы бы слышали.

— Не знаю, не знаю. Наверное, сперва он рассчитывал снова меня выманить, а потом отложил это на после ночной охоты или просто не хочет портить свою спальню. Лучше бы вы не спорили. Смауг может появиться в любую секунду.

Единственное спасение — забраться подальше в туннель и закрыть дверь.

Он говорил с такой горячностью, что гномы наконец послушались, хотя дверь пока закрывать не стали — никто не знал, удастся ли отпереть ее изнутри. Мало радости застрять в таком месте, из которого один выход — в драконье логово.

И в туннеле, и снаружи было очень тихо. Довольно долго они сидели у полуоткрытой двери и разговаривали. Вспомнили жестокие слова, которые Смауг сказал о гномах. Ах, как хотелось бы хоббиту никогда их не слышать или поверить в искренность друзей, наперебой

уверявших, будто и впрямь не задумывались о дальнейшей судьбе сокровищ.

— Мы знали, что это будет опасное предприятие, — сказал Торин. — Знаем и теперь. Убежден, когда мы добудем сокровища, у нас будет время подумать, как ими распорядится. Что до вашей доли, мистер Бэггинс, уверяю, мы питаем к вам самую глубокую признательность, и вы сможете сами выбрать себе четырнадцатую часть, как только будет, что делить; очень сожалею, что вы беспокоитесь о транспортировке, и признаю, что она сопряжена с определенными трудностями — дороги с течением

времени не стали менее опасными, скорее напротив, — однако мы будем всемерно вам помогать и возьмем на себя часть расходов по перевозке. Хотите верьте, хотите нет — дело ваше.

Отсюда разговор перешел на сами сокровища и на бесценные предметы, памятные Торину с Балином. Гномы гадали, целы ли они в подземных чертогах: копья, изготовленные для воинства великого короля Бладортина (давно покойного), с наконечниками тройнойковки и древками, богато инкрустированными золотом, заказанные, но так и не выкупленные; щиты для давно

умерших воинов; огромный золотой кубок Трора о двух ручках, с узором из птиц и цветов — глаза и лепестки у них из драгоценных камней; неуязвимые кольчуги, серебряные и позолоченные; оплечье Гириона, правителя Дейла, с пятью сотнями зеленых, как трава, смарагдов, которое тот отдал за кольчугу для старшего сына — сработанная из чистого серебра, она была втрое крепче стальной за счет особого плетения колец, известного только гномам. Однако прекраснее всего был бесценный белый камень, найденный гномами глубоко в недрах — Сердце Горы, Аркенстон Траина.

— Аркенстон! Аркенстон! —

мечтательно повторял Торин, уперев подбородок в колени. — Он был подобен шару с тысячью граней и сверкал словно серебро при огне, словно вода на солнце, словно снег под звездами, словно дождь под луной!

Однако Бильбо уже излечился от тяги к сокровищам и почти не слушал. Хоббит сидел у двери, ловя одним ухом малейший шум снаружи, другим пытаясь различить за говором гномов какой-нибудь шорох из логова. Темнота сгущалась, и росло его беспокойство.

— Закройте дверь, — взмолился он. — Я нутром чую дракона. Эта тишина пугает меня даже больше,

чем вчерашний грохот. Закройте дверь, пока не поздно.

От его голоса гномам стало не по себе. Торин стряхнул с себя мечтательное оцепенение, встал и выбил ногой камешек, державший дверь. Все налегли. Дверь с грохотом затворилась. Ни следа от замочной скважины не осталось внутри. Они были заперты в Горе!

И вовремя! Не успели друзья отойти подальше, как гору сотряс удар, словно целое воинство великанов било в нее дубовыми таранами. В туннеле загудело, стены затрещали, на голову посыпались камни. Не хочу думать, что было бы, опоздай они закрыть дверь. Гномы

бегом бросились вниз, радуясь, что уцелели, а снаружи ревел и бушевал Смауг. Он дробил каменья, разбивал утесы и скалы мощными ударами хвоста, пока все — узкий карниз, выжженная трава, камень, на котором сидел дрозд, покрытые улитками стены — не скрылось под грудой щебня, и вниз лавиной не посыпались валуны.

Чуть раньше Смауг бесшумно выполз из логовища и, взмыв в воздух, исполинской вороной понесся во мраке к западным склонам горы. Он надеялся застать врасплох вора, а если повезет, то и его спутников, и найти выход в скале. Никого не обнаружив, он пришел в

неописуемую ярость и принялся крушить Гору.

Дав выход гневу, Смаут почувствовал себя лучше и решил, что с этой стороны его больше не побеспокоят. Теперь можно было приступить к другим планам отмщения.

— Оседлавший Бочку! — фыркнул он. — Знаю, кто тебе заплатил и откуда ведет твой след. Мне неведом запах, но если ты даже не из Озерных людишек, ты все равно получил их помощь. Они увидят меня и вспомнят, кто истинный Король-под-Горой!

Дракон взмыл вверх, окутанный алым пламенем, и полетел на юг к

реке Быстрой.

Глава 13

Без хозяина

Тем временем гномы сидели в темноте. Стояла мертвая тишь. Сколько прошло времени, никто не знал. Почти не ели и не разговаривали. Даже шевелиться было страшно, потому что каждое движение отдавалось гулким эхом. Задремывая, они снова просыпались в безмолвной тьме. Казалось, прошли долгие дни, и гномам стало невмоготу без света и воздуха. Хоть бы уж дракон вернулся, думали они, все лучше, чем бесконечно ждать его новой уловки.

Наконец Торин сказал:

— Попробуем открыть дверь. Я умру, если не подставлю ветру лицо. Лучше смерть от дракона, чем медленное удушье!

Несколько гномов встали и побрели к выходу, однако очень быстро наткнулись на завал. Ни ключом, ни заклинанием дверь было не открыть.

— Мы в ловушке! — запричитали они. — Это конец! Здесь мы и умрем!

Однако, удивительное дело: как раз когда гномы стонали и убивались, Бильбо почувствовал странное облегчение, как будто камень свалился с его души.

— Полно вам! — сказал он. — «Живы будем, не помрем», говаривал мой батюшка, и «где два, там и три»! Я снова пойду вниз. Я ходил туда дважды, зная, что увижу дракона, рискну и в третий раз, когда его может не быть. Другой дороги все равно нет. И, полагаю, на сей раз вам стоит пойти со мной.

В отчаянии они согласились, и Торин первым шагнул к Бильбо.

— А теперь осторожнее, — прошептал хоббит, — постарайтесь не шуметь. Может, Смауга внизу нет, а может, и есть. Не стоит напрасно рисковать!

И все пошли вниз. Гномы, разумеется, не могли красться

бесшумно, как хоббит: они пыхтели и шаркали ногами, а гулкое эхо усиливало любой звук. Однако, хотя Бильбо несколько раз останавливался и прислушивался, внизу все было тихо. Ближе к концу туннеля, насколько можно было судить, он надел кольцо; впрочем, без всякой надобности — в темноте они все были невидимы. А тьма стояла такая, что хоббит не заметил, как туннель кончился; он вскинул руку, ища стену, покачнулся и кубарем скатился вниз!

Бильбо лежал ничком и не решался подняться, даже дышать почти перестал. Однако ничего не шевелилось, и ничего не

проблескивало во мраке. Правда, приподняв голову, хоббит вроде бы различил чуть выше и вдалеке бледное белое свечение, но это было не драконье пламя, хотя в нос шибало тяжелым смрадом и пар оседал на губах.

Наконец мистер Бэггинс не выдержал.

— Выходи, жалкий червяк! — пронзительно пискнул он. — Довольно играть в прятки! Посветика и съешь меня, если поймаешь!

Слабое эхо раскатилось в темном чертоге, но ответа не было. Бильбо встал и понял, что не знает, куда повернуть.

— Любопытно, что замышляет

Смауг. Похоже, сегодня днем (или ночью, или какое сейчас время суток) его дома нет. Если Оин и Глоин снова не потеряли огнива, они могли бы посветить, и мы бы осмотрелись... Огня! — вскричал он. — Огня!

Гномы, конечно, перепугались, когда Бильбо с грохотом упал на пол, и теперь сидели, сбившись в кучу, в конце туннеля — там, где он оставил.

— Шш! Шш! — зашептались они, услышав крик; и хотя по шиканью хоббит понял, в какой они стороне, ему долго не удавалось добиться от гномов толку. Впрочем, когда он затопал ногами и что есть

мочи завопил: «Огня!», Торин сдался и отправил Оина и Глоина к тюкам. Вскоре в туннеле показался огонек — Оин нес зажженный сосновый факел, Глоин под мышкой — связку запасных. Бильбо подбежал к отверстию и взял факел, но так и не убедил гномов зажечь остальные и спуститься к нему. Как вежливо объяснил Торин, мистер Бэггинс — по-прежнему их официальный взломщик и разыскатель. Если он рискует идти со светом, это его дело, а они подождут в туннеле. Короче, гномы сели у входа и стали смотреть.

Они видели, как темная фигурка движется по полу, высоко держа факел над головой. Пока Бильбо был

близко, они видели отблески и слышали звон, когда хоббит спотыкался обо что-нибудь золотое. Огонек уменьшился — это Бильбо углубился в просторный зал, затем, приплясывая, пополз вверх — Бильбо взбирался на кучу сокровищ. Вскоре он был на вершине и двинулся дальше. Гномы видели, как хоббит нагнулся, но не знали причины. Причиной этой был Аркенстон, Сердце Горы. Бильбо узнал камень со слов Торина; не могло быть второго такого ни в столь удивительной сокровищнице, ни даже во всем мире. Еще снизу он заметил манящее белое сияние. Оно постепенно превратилось в маленький шар

белого света. Когда хоббит подошел ближе, шар заискрился разными цветами, отражая и дробя огонь факела. У Бильбо перехватило дух. Камень у его ног лучился сам по себе и в то же время, ограненный умельцами-гномами, которые откопали его глубоко в недрах горы, вбирал внешний свет и превращал его в мириады искр, играющих всеми цветами радуги.

Рука Бильбо сама потянулась к камню. Аркенстон не влез в его маленькую ладонь, но хоббит поднял камень и, зажмурясь, сунул в самый глубокий карман.

«Вот теперь я

действительно вор! —
подумал Бильбо. —
Впрочем, надо будет
рассказать гномам — со
временем. Они меня
заверили, что я могу сам
выбрать, что захочу, и я
выбрал бы этот камень, а
они пусть берут себе
остальное!».

Правда, у него возникло
неприятное чувство, что обещание
Торина не распространялось на
Аркенстон, и что из-за камня еще
будут неприятности. Тем временем
хоббит продолжал путь. Гномы
видели, как огонек исчез — это

Бильбо спустился с золотой кучи, — потом появился вновь, чуть дальше.

Бильбо шел, пока не достиг больших дверей в дальнем конце. Струя свежего воздуха придала ему бодрости, но чуть не погасила факел. Хоббит робко выглянул наружу, различил огромные переходы и смутно угадывающуюся лестницу. Смауга по-прежнему было не видно, не слышно. Бильбо уже собрался повернуть назад, когда черная тень, метнувшись, задела его по лицу. Он вскрикнул, отшатнулся и упал. Факел вывалился из руки и погас.

— Летучая мышь, надеюсь, и ничего больше! — жалобно пробормотал он. — Но где я и что

мне делать? Где восток, юг, север, запад?

— Торин! Балин! Оин! Глоин! Фили! Кили! — завопил хоббит во всю глотку. Увы, тоненький голосок терялся в бескрайней мгле. — Факел погас! Кто-нибудь, отыщите меня!

На мгновение храбрость его оставила.

— Что там такое? — спросил Торин. — Ясное дело, не дракон, а то бы он уже не верещал.

Гномы подождали минуту-другую, но дракона не слышали, и вообще ничего не слышали, только далекие крики Бильбо.

— Давайте зажжем еще факел-другой! — приказал Торин. —

Похоже, надо взломщика выручать.

— Да, теперь наш черед идти ему на помощь, — сказал Балин, — и я охотно пойду. К тому же, сдается мне, опасности пока никакой.

Гномы зажгли несколько факелов, один за другим крадучись вылезли из туннеля и торопливо зашагали вдоль стены. Довольно скоро они наткнулись на Бильбо — завидев свет, хоббит мигом оправился от страха и пошел навстречу.

— Летучая мышь и погасший факел, ничего больше! — ответил он на расспросы гномов. Все успокоились, только немного досадовали, что хоббит переполошил

их на пустом месте; не знаю, как бы они себя повели, если б узнали про Аркенстон. Даже слабые отблески золота разбудили пламя гномьих сердец; а когда гном, даже самый достойный, распаляется страстью к золоту, он становится отважным и грозным.

Гномы больше не нуждались в уговорах. Они принялись исследовать подземелье, пока есть время, и охотно поверили, что Смауг, по крайней мере сейчас, в отлучке. Каждый схватил по факелу; гномы заморожено озирались по сторонам, забыв всякий страх. Они громко разговаривали, перекликались, поднимали сокровища с пола и

снимали со стен, подносили к свету и гладили. Фили и Кили совсем развеселились — они нашли много золотых арф, а поскольку арфы были волшебные (и поскольку дракон, не питая любви к музыке, их не тронул) серебряные струны еще хранили настрой. Долго молчавшее подземелье огласилось сладостными звуками. Однако большинство гномов были куда приземленнее; они рассовывали по карманам драгоценные камни, со вздохом выпуская те, которые не могли унести. Торин не отставал от других, но постоянно оглядывался, что-то ища и не находя. Искал он Аркенстон, хотя никому об этом не

говорил.

Гномы сняли со стен кольчуги и вооружились. Воистину царственно выглядел Торин в позолоченной кольчужной рубахе; за поясом, расшитым алыми камнями, сверкал боевой топор с окованной серебром рукоятью.

— Мистер Бэггинс! Вот вам в счет будущего вознаграждения. Снимите старый плащ и наденьте это!

С такими словами он надел на Бильбо кольчугу, изготовленную в давние времена для какого-то эльфийского королевича. Она была сделана из серебристой стали, которую гномы зовут «митриль», и к

ней прилагался пояс, изукрашенный жемчугом и хрусталем. На голову хоббиту надели легкий шлем из тисненой кожи, укрепленный снизу стальными обручами и усаженный по краю белыми камнями.

«Я чувствую себя великолепным, — подумал Бильбо, — зато выгляжу, наверное, довольно комично. Как бы посмеялись у нас под Холмом!.. А все-таки жаль, что нет зеркала».

И тем не менее Бильбо, в отличие от гномов, не поддался

колдовскому очарованию сокровищ. Те все еще осматривали груды богатств, а он уже устал и сел на пол, с тревогой размышляя, чем все это закончится.

«Я отдал бы немало драгоценных кубков, — подумал он, — за глоточек чего-нибудь бодрящего из Беорновых деревянных чаш!».

— Торин! — крикнул он вслух. — Что дальше? Мы вооружены, но когда сталь защищала от Смауга Ужасного? Сокровища еще не отвоеваны. Нам сейчас нужно не

ЗОЛОТО, а ВЫХОД, и МЫ СЛИШКОМ ДЛГО
ИСПЫТЫВАЕМ СВОЕ СЧАСТЬЕ.

— Верно говоришь! — кивнул
Торин, приходя в себя. — Идемте! Я
поведу вас! И за тысячу лет я не
забыл бы здешних переходов.

Они окликнули остальных, все
собрались вместе и прошли в
раскрытые двери, держа факелы над
головой и с сожалением оглядываясь
на сокровища.

Они вновь прикрыли
сверкающие кольчуги старыми
плащами, спрятали яркие шлемы под
дранными капюшонами. Все шли за
Торином — цепочка огней в
сплошном мраке — и часто
останавливались, прислушиваясь, не

летит ли дракон. Хотя внутреннее убранство давно истлело, хотя все было изгажено и сожжено драконом, Торин узнавал каждый коридор и каждый поворот. Они поднялись по длинной лестнице, повернули, прошли гулкими коридорами, снова повернули, поднялись по следующей лестнице, потом еще по одной.

Гладкие и широкие ступени были вырублены прямо в скале. Гномы взбирались все выше и выше, ни видя никаких признаков жизни, лишь зыбкие тени прядали во тьму от дрожащего пламени факелов. Для хоббита ступеньки были великоваты, и Бильбо уже чувствовал, что не может сделать и шагу, когда внезапно

свод резко ушел вверх. Свет факелов уже не достигал потолка. Далеко вверху белело какое-то отверстие, воздух был не такой затхлый. Тусклый свет пробивался и в огромные двери, с повисшими на петлях полуобгоревшими створками.

— Это палаты Трора, — пояснил Торин, — зал советов и пиршеств. Отсюда недалеко и до главных врат.

Прошли через зал. Столы рассыпались в труху; стулья и скамейки лежали перевернутые, обгорелые и полусгнившие. В пыли, рядом с кубками, чарками, расколотыми рогами для вина, валялись черепа и кости. Миновали еще одни двери. Сразу стало светлее,

и слуха коснулся звук падающей воды.

— Здесь берет исток река Быстрая, — сказал Торин, — и отсюда бежит к вратам. Идемте вдоль нее!

Из темного отверстия в скале ключом била вода и, бурля, сбегала по прямому узкому ложу, выбитому в древности искусной рукой. Вдоль желоба тянулась мощеная дорога, по которой могли бы пройти в шеренгу несколько человек. Здесь гномы припустили бегом, обогнули еще один угол, и прямо в глаза им ударил дневной свет. Впереди изгибалась высокая почерневшая арка с сохранившимися изнутри кусками

резьбы. Мглистое солнце бледно светило между отрогами Горы, золотые лучи озаряли мостовую у входа.

Путники кинулись вперед, скользя на камнях, отполированных драконьим брюхом и покрытых слизью с его чешуи. Стаи летучих мышей поднялись в воздух, испугнутые дымом факелов. Впереди река с шумом низвергалась в долину. Гномы бросили ненужные факелы и остановились, моргая. Они вышли в Главные врата и смотрели на Дейл.

— Ну и ну! — сказал Бильбо. — Не думал я, что придется глядеть из этих дверей. И что будет так приятно снова увидеть солнце, подставить

ветру лицо!.. Брр-р, ветер-то
холодный!

Так и было. Пронизывающий восточный ветер — предвестник грядущей зимы — кружил в долине и завывал в скалах. После долгого заточения в душных драконьих пещерах гномы дрожали даже на солнце. Внезапно Бильбо понял, что не только устал, но и очень голоден.

— Судя по солнцу, сейчас позднее утро, — сказал он, — и время позавтракать, если есть, чем. Правда, не очень уютно закусывать у дракона на парадном крыльце. Давайте отойдем куда-нибудь, где можно спокойно посидеть!

— Верно! — поддержал

Балин. — И я, кажется, знаю, куда идти: к старому сторожевому посту на юго-западной оконечности Горы.

— Это далеко? — спросил хоббит.

— Часов пять ходьбы, и все по камням. Дорога от ворот по левому берегу разбита. В восточной части долины, перед разрушенным городом, там, где река описывает петлю, был когда-то мост. Дальше отходит тропа на Воронов утес. Подъем, правда, крутой, даже если сохранились ступени.

— О-хо-хонюшки! — простонал хоббит. — Опять тащиться в гору на голодный желудок! Интересно, сколько завтраков, обедов и ужинов

пропустили мы в этой мерзкой дыре, где и времени-то не узнать?

На самом деле они провели в заваленном туннеле две ночи и день (и не то чтобы совсем без еды), однако Бильбо совершенно сбился со счета и не знал, была это одна ночь или семь ночей кряду.

— Полегче! — рассмеялся Торин. Он снова пребывал в хорошем расположении духа и позвякивал в кармане драгоценными камешками. — Не называй мой дворец мерзкой дырой! Вот погоди, его еще вычистят и украсят!

— Пока жив Смауг, этому не бывать, — мрачно заметил Бильбо. — И вообще, где он? Охотно

отдал бы свой завтрак тому, кто скажет. Надеюсь, не смотрит на нас с вершины горы?

Гномы сразу испугались.

— Надо отсюда уходить, — сказал Дори. — Я затылком чувствую его взгляд.

— Здесь холодно и неприютно, — добавил Бомбур. — Воды, может, и вдоволь, а вот еды что-то не видать. Наверное, дракон всегда голоден.

— Идемте! Идемте! — вскричали остальные. — Балин, показывай свою тропу!

Дороги под скалой справа не оказалось, пришлось карабкаться по камням слева от реки. Все было

пустынно и голо; мрачная картина отрезвила даже Торина. Мост, о котором говорил Балин, давно обрушился, по его обломкам с шумом катилась вода, однако гномы без труда перешли реку вброд и поднялись на высокий берег. Довольно скоро наткнулись на древнюю дорогу, которая привела в глубокую, укромную лощину; здесь передохнули и позавтракали, главным образом водой и крамом. *(Если вы хотите знать, что такое крам, отвечу только, что не знаю рецепта, но это нечто вроде галет, очень долго хранится и якобы хорошо поддерживает силы. Удовольствия от него никакого, разве что*

упражнение для зубов. Озерные люди пекут крам для дальних походов).

Потом снова тронулись в путь. Дорога свернула от реки к южному отрогу. Начался подъем. Гномы и Бильбо медленно карабкались гуськом и к концу дня были на вершине гребня. Бледное солнце клонилось к западу.

Они отыскиали ровную площадку, открытую с трех сторон. С севера в скале была как бы арка, от которой открывался широкий вид на восток, запад и юг.

— Здесь, — сказал Балин, — в старину стояли дозорные. За этой аркой — выбитое в скале караульное помещение. Вокруг горы таких

сторожевых постов было несколько. Однако во дни благоденствия мы не страшились опасности, и дозорные не слишком утруждали себя — не то, возможно, они во время заметили бы дракона, и, кто знает, все могло бы обернуться иначе. Тем не менее здесь можно укрыться: нас никто не увидит, а мы будем видеть почти все.

— Лишь бы никто не заметил, как мы сюда шли, — пробормотал Дори. Он поминутно оглядывался на вершину горы, будто ожидал увидеть там дракона, точно птицу на городском шпиле.

— Придется рискнуть, — сказал Торин. — Сегодня мы дальше идти не в силах.

— Золотые слова! — воскликнул Бильбо и повалился на камень.

В каменной караульне могла бы разместиться сотня, а в самой глубине — подальше от холодного ветра — обнаружился небольшой закуток. Там было совсем пусто — даже дикие звери не решались селиться так близко к дракону. Здесь гномы сложили поклажу; некоторые тут же бросились на пол и уснули, другие сели у двери и стали обсуждать, что дальше.

Разговор все время возвращался к вопросу — где Смауг? Они смотрели на запад — никого, на восток — никого; на юге дракона было не видно, но кружили

громадные тучи птиц. В небе
зажглись первые холодные звездочки,
а гномы все гадали, что бы это
значило, но так ничего и не
придумали.

Глава 14

Огонь и вода

А теперь, если вы, подобно гномам, хотите узнать, куда подевался Смаут, вам надо перенестись на два дня назад, в ту ночь, когда он сокрушил дверь и в ярости понесся на юг.

Жители Озерного города Эсгарота в большинстве своем сидели по домам, потому что с востока дули холодные ветры, хотя некоторые прогуливались по набережным, предаваясь любимому занятию: любовались, как в озере зажигаются отражения первых

вечерних звездочек. Одинокую гору почти закрывали холмы на дальнем берегу озера, расступавшиеся лишь для того, чтобы дать дорогу реке. В ясные погоду горожане видели над холмами самую верхушку горы, но старались не смотреть в ту сторону, уж очень зловещей и мрачной она казалась даже в утреннем свете. Сейчас она совсем терялась во мраке.

Внезапно алое зарево выхватило ее из темноты, вспыхнуло и погасло.

— Смотрите! — воскликнул один житель. — Снова огни. Дозорные говорят, вчера вспыхивало и гасло до самой зари. Что-то там происходит.

— Может быть, Король-под-

Горою кует золото, — сказал другой. — Уже много дней, как он ушел на север. Пора бы пророчествам сбыться!

— О каком короле речь? — спросил рядом угрюмый голос. — Вернее всего это пышет пламенем дракон, единственный король-под-горою, которого мы знаем.

— Вечно ты пророчишь дурное! — возмутились остальные, — то наводнение, то мор на рыбу. Придумай что-нибудь повеселее!

Внезапно ложбина между холмами озарилась, и северный край озера заблестал золотом.

— Король под высью
горной! — закричали
горожане. — Как золото
чертог! Бежит рекой
узорной богатств его поток!
С Горы рекою течет
золото! — завопили они.

В домах распахнулись окна,
люди с топотом выбегали на улицу.
Весь город охватило радостное
волнение. Однако человек с
угрюмым голосом бегом кинулся к
мэру.

— Дракон проснулся, или я
глупец! — кричал он. — Рубите
мосты! К оружию! К оружию!

Зазвучали трубы, тревожное эхо

прокатилось по скалистым берегам. Стихли ликующие возгласы, радость сменилась ужасом. Вот так вышло, что дракон не застал жителей совсем уж врасплох. Он летел так быстро, что вскоре горожане увидели приближающуюся искру, которая стремительно росла и разгоралась. Теперь даже самые глупые поняли, что пророчества сбываются как-то не так. Однако немного времени в запасе все-таки было. Все горшки и ведра в городе наполнили водой; все воины вооружились, каждая стрела и дротик были наготове, мост подрубили и обрушили в озеро еще до того, как воздух наполнился гулом, а вода заалела и пошла

волнами от могучего биения страшных крыл.

Под вопли, стенания и крики дракон пронесся над толпою к мосту — и опешил. Мост исчез, враги были отрезаны глубокой, темной и холодной водой. Он мог бы броситься вплавь, и тогда поднявшийся пар на долгие дни окутает землю сплошным туманом; однако озеро было сильнее Смауга и выпило бы весь жар раньше, чем он бы достиг острова.

С ревом дракон вновь пронесся над городом. Стрелы градом застучали по чешуе и, вспыхнув от смертоносного дыхания, с шипением рухнули в воду. Никакой фейерверк

не сравнился бы с этим зрелищем. Пели тетивы, звучали трубы. Смауг обезумел от ярости. Никто не смел противостоять ему добрую сотню лет; не посмел бы и сейчас, если бы не человек с угрюмым голосом (*Бард было его имя*), который подбадривал лучников и убеждал мэра, чтобы тот отдал приказ стоять до последней стрелы.

Дракон изрыгнул пламя и некоторое время кружил над домами, озаряя все озеро; деревья по берегам багровели кровью и медью, черные тени метались у их подножья. А потом камнем пал с высоты, невзирая на град стрел; в слепой ярости он утратил всякую

бдительность и не думал о том, чтобы повернуться к неприятелю чешуйчатым боком, движимый одной мыслью — спалить город.

Пламя охватило соломенные кровли, хотя горожане загодя полили их водой. Теперь люди в сотни рук заливали каждую искру. Дракон развернулся. Удар хвостом — и рухнула снесенная крыша ратуши. В небо взметнулись языки огня. Еще круг и еще — дом за домом вспыхивал пламенем и падал, а стрелы досаждали Смаугу не больше, чем болотные мошки.

Многие горожане прыгали в воду с мостков. Женщин и детей усаживали в лодки на ярмарочной

заводи. Мужчины бросали оружие. Плач и стенания слышались там, где еще недавно звучали песни о возвращении Короля-под-Горой. Теперь горожане проклинали гномов. Сам мэр бросился к своей золоченой ладье, надеясь в сумятице отплыть подальше и тем спасти свою жизнь.

Вскоре весь город, оставленный защитниками, сгорел бы дотла. Этого и хотел дракон. Ему даже нравилось, что люди садятся в лодки — можно будет переловить их на досуге или обречь на голодную смерть. Пусть только выберутся на берег, а уж он спалит окрестные леса, поля и пастбища. Давненько Смауг так не тешился.

Однако горстка лучников по-прежнему не сдавалась. Ими предводительствовал Бард, угрюмый голосом и лицом, тот самый, что предрекал наводнение и мор на рыбу. Даже те, кому не нравились его мрачные слова, ценили в нем отвагу и непреклонность. Он был далеким потомком Гириона, чьи жена и маленький сын успели покинуть в лодке разрушенный город Дейл. Бард стрелял из огромного тисового лука, и все стрелы у него кончились, кроме одной. Рядом бушевало пламя. Соратники разбегались. Он в последний раз натянул тетиву.

Внезапно что-то затрепетало у него на плече. Бард вздрогнул, но это

был всего лишь старый дрозд. Без страха он устроился на плече у лучника и заговорил в самое ухо. К собственному удивлению Бард понял каждое слово — ведь он был родом из Дейла.

— погоди! — сказал дрозд. — Луна встает! Когда дракон будет разворачиваться над тобой, ищи прореху на груди слева. — И пока Бард стоял в изумлении, он поведал о том, что случилось в Горе и что разузнал Бильбо. Тогда Бард натянул тетиву до самого уха.

Дракон летел низко. Вставшая над восточным берегом луна серебрила его крылья.

— Стрела! — сказал лучник. —

Черная стрела! Я сберег тебя на последний выстрел. Ты никогда меня не подводила, и я всегда тебя вызволял. Ты досталась мне от отца, а ему — от предков. Если ты и впрямь вышла из кузни истинного Короля-под-Горой, лети быстро и метко!

Дракон снижался. Его брюхо искрилось драгоценными камнями — везде, кроме одного тускло черневшего места. Запела тетива. Черная стрела взмыла ввысь и впилась точно в брешь на чешуйчатой груди, под отведенной вбок левой передней лапой. Она вошла целиком — наконечник, древко и оперенье, — столь мощным

был ее лет. С воем, от которого
глохли люди, падали деревья и
дробились камни, Смауг взмыл в
небо, перевернулся и рухнул
замертво.

Прямо на город он упал и
забился в предсмертных судорогах,
круша обгоревшие дома. Озеро
вскипело, за клубился пар, белый в
наступившем мраке. Зашипела вода,
завертелась воронка, и все смолкло.
Так погибли Смауг и Эсгарот, но не
Бард.

Молодой месяц вставал все
выше и выше. Завывал ветер, клоня
столбы белого пара и гоня их на
запад, чтобы развеять в клочья над
топями возле Мирквуда. Озеро было

усеяно темными лодками, ветер разносил над водой крики людей, оплакивающих Эсгарот, свое добро и разрушенные дома. Впрочем, если хорошенько подумать, им следовало благодарить судьбу (*хотя сами они еще этого не осознали*): по меньшей мере три четверти жителей спаслись, пастбища, поля, скот и большая часть лодок уцелели, а дракон погиб. Что это значит, они еще не осознали.

Рыдающие, дрожащие от холода люди собрались на западном берегу и первым делом принялись ругать мэра, который бросил город, когда там еще оставались защитники.

— Может, денежки он считать

умеет, особенно свои, — шептали горожане, — а вот в трудную минуту струсил. — И они принялись восхвалять Барда. — Если б только он не погиб, — говорили люди, — мы бы сделали его королем. Бард — Победитель Дракона из рода Гирионова! Увы ему!

И тут из тени в круг говорящих выступил высокий человек. С него ручьями лилась вода, мокрые черные волосы облепили шею и плечи, глаза горели грозным огнем.

— Бард не погиб! — вскричал он. — Бард прыгнул в воду, сразив врага! Я — Бард из рода Гирионова, я — победитель дракона!

— Король Бард! Король Бард! —

закричали все, только мэр заскрипел стучащими зубами.

— Гирион был правителем Дейла, не королем Эсгарота, — сказал он. — Мы в Озерном городе всегда выбирали мэра из числа старых и мудрых и не потерпели бы над собой власти простых воителей. Пусть «король Бард» отправляется в свои владения — Дейл освобожден его доблестью, и теперь ничто не мешает ему вернуться. Все, кто предпочтут холодные камни под сенью Горы зеленым берегам Озера, могут идти с ним. Мудрые останутся со мной, отстроят заново город и будут жить в богатстве и процветании.

— Бард — наш король! —
закричали стоящие рядом. —
Довольно с нас стариков-менял! —
Те, кто стояли дальше, подхватили:
— Да здравствует Лучник! Долой
Барыгу! — так, что эхо раскатилось
по всему берегу.

— Я менее всего склонен
принижать деяния Барда-лучника, —
осторожно начал мэр (*ибо Бард
стоял рядом*). — Сегодня он
заслужил почетное место в ряду
благодетелей нашего города и стяжал
себе неувядаемую славу. Но в чем, о
народ... — Тут мэр встал и заговорил
очень громко и четко, — в чем
обвиняют меня? За что меня
смещать? Кто разбудил дракона,

спрошу я вас? Кто получил богатые дары и щедрую помощь, кто уверил нас, будто сбудутся старинные песни? Кто сыграл на нашем добросердечии и наивных мечтах? Что получили мы в благодарность? Золото? Нет! Дракона и разрушение! Кто должен возместить нам ущерб, взять на себя попечение о сиротах и вдовах?

Как видите, мэр не даром занимал свой пост. От его слов люди на время забыли, что хотели провозгласить короля, и обратили свой гнев на Торуна со товарищи. Толпа разразилась злобными выкриками; иные из тех, кто громче других распевали старинные песни,

теперь так же громко вопили, что гномы нарочно наслали на них дракона.

— Глупцы! — сказал Бард. — Зачем тратить слова и гнев на этих несчастных? Наверняка они первые погибли в огне, еще до того, как дракон полетел сюда. — Тут он вспомнил о сказочных сокровищах Горы, оставшихся без хозяина и охраны, и резко замолчал. Лучник подумал о словах мэра, о том, что сможет заново отстроить Дейл и украсить его золотыми колоколами, если только сумеет найти людей.

Наконец он заговорил снова:

— Сейчас не время для обвинений, мэр, как и для серьезных

перемен. У нас много работы. Я остаюсь под твоим началом, хотя со временем, возможно, вспомню твои слова и пойду на север с теми, кто решится за мной последовать.

И он зашагал прочь — проследить, чтобы начали разбивать лагерь и позаботились о раненых. Мэр только оскалился ему вслед и остался сидеть. Он много думал и мало говорил, разве что требовал принести еды или разжечь костер. А Бард, куда бы он ни шел, слышал разговоры о несметных сокровищах, оставшихся без присмотра: слухи распространялись, словно лесной пожар. Люди толковали о скором возмещении за разрушенные дома, о

богатстве, на которое смогут выписывать с юга всякие роскошные вещи, и это поддерживало их в нынешнем бедствии — весьма кстати, потому что ночь выдалась холодная и ветреная. Укрытие нашлось для немногих (в том числе для мэра), еды не хватало (даже мэру досталось не досыта). Многие из тех, кто не погибли в пожаре, слегли в ту ночь от холода, сырости и горя и впоследствии умерли; и было много болезней и великий голод.

Тем временем Бард распоряжался, как хотел и как считал нужным, но всегда от имени мэра. Нелегко ему было направлять работы и поддерживать людей. Наверное,

почти все погибли бы в эту зиму, если бы не подоспела помощь. Бард немедленно отправил быстрых гонцов по реке в лес, молить о подмоге короля эльфов, и гонцы встретили войско уже на марше, хотя со смерти дракона пошел только третий день.

Король эльфов слышал вести от собственных гонцов и от дружественных птиц. Пернатые обитатели местностей, граничащих с Драконьим Разором, пришли в невиданное движение. В воздухе кружили огромные стаи, быстроекрылые вестники сновали туда-сюда. Лес наполнился чириканьем, свистом, гомоном.

Далеко над Мирквудом повторяли: «Смауг мертв!» Шуршала листва, из подлеска высывались чуткие уши. Еще до того, как король эльфов выступил из ворот, весть достигла сосен под склонами Мглистых гор; Беорн услышал ее в своем деревянном доме, и гоблины в пещерах собрались на совет.

— Боюсь, мы последний раз слышали о тебе, Торин Дубовый Щит, — сказал король. — Лучше бы ты оставался моим гостем. Впрочем, нет худа без добра. — Он тоже слышал легенды о сокровищах Трора. Вот почему посланцы Барда застали его в пути, со множеством лучников и копейщиков; над ними тучами

режали ворОны, предвкушая поживу, ибо решили, что началась война, да такая, каких в этих краях не случалось долгие годы. Однако король, выслушав вестников, по доброте эльфийского сердца внял их мольбам. Он повернул войско, с которым намеревался идти к Горе, и поспешил к озеру. Лодок и плотов на такое воинство не хватило бы, и пришлось им идти берегом; еду же и другие нужные припасы отправили более скорым речным путем. Впрочем, эльфы легконоги и шли быстро, хоть и отвыкли от дальних походов, а дорог в этих краях совсем не осталось. На шестой день после смерти дракона они вышли к озеру и

увидели разрушенный город. Народ встретил их ликующими возгласами; мэр и жители Эсгарота обещали со временем щедро расплатиться за помощь.

Очень скоро договорились: женщины, дети, старики и больные остались с мэром; им должны были помогать часть мастеровых и самые умелые эльфы. Они принялись валить деревья и принимать лес, который сплавляли из Мирквуда. После этого начали возводить дома для защиты от холодной зимы и, под руководством мэра, продумывать новый город, еще прекрасней и больше прежнего, но на другом месте. Его решили строить севернее

и дальше от берега, потому что люди по-прежнему не смели подходить к озеру, в котором лежал дракон. Исполинским холодным камнем распростерся он на мелководье, и долго еще в ясную погоду между разрушенных свай можно было видеть его костяк. Впрочем, мало кто решался проплыть на лодке над этим проклятым местом, а охотников нырять на дно за алмазами с чешуи не нашлось вовсе.

Однако все воины, кто был в силах, и большая часть эльфов приготовились идти к Горе. На двенадцатый день после разрушения города их передовой отряд прошел под скальными воротами в конце

озера и вступил в разоренные земли.

Глава 15

Тучи сгущаются

Теперь вернемся к Бильбо и гномам. Всю ночь кто-нибудь из них стоял на часах, но утро наступило, а они так и не увидели и не услышали ничего страшного. Только птиц в воздухе становилось все больше. Новые стаи летели с юга; вороны, обитавшие на склонах Горы, кружили над головами.

— Что-то творится странное, — сказал Торин. — Время осенних перелетов миновало, а они все летят; а это птицы, которые зимуют здесь; а там скворцы и зяблики; а за ними

стервятники, как будто ждут битвы.

Внезапно Бильбо указал рукой.

— Вон опять тот самый дрозд! Стало быть, уцелел, когда Смауг обрушил наш склон; зато улитки — вряд ли.

Бильбо не ошибся; когда он замахал рукой, старый дрозд подлетел и опустился на соседний камень. Он распушил перья и запел, потом склонил голову набок, словно прислушиваясь; снова запел и снова прислушался.

— Мне кажется, он что-то хочет сказать, — промолвил Балин, — только я не разбираю язык, слишком он быстрый и трудный. А ты, Бэггинс?

— Пока не очень, — отвечал Бильбо (*вообще-то он не понял ни слова*), — но старина чем-то взбудоражен.

— Ах, был бы он вороном! — сказал Балин.

— Мне казалось, ты их не жалуешь! Помнится, ты их даже боялся!

— То были ворОны! Гадкие, подозрительные, да к тому же и грубые. Слышал бы ты, как они нас обзывали! ВОроны — другое дело. Они жили в дружбе с народом Трора, часто приносили нам тайные вести и получали в награду разные побрякушки, которые любят прятать в своих гнездах. Век у них долгий,

память — крепкая, и знания передаются от стариков молодым. Эта высота прозвана Вороновой, ибо здесь обитала мудрая и прославленная чета, старый Карк и его супруга — вот на этом самом месте, над караульной. Однако вряд ли кто-нибудь из их потомства еще обитает в этих краях.

Не успел он договорить, как старый дрозд громко крикнул и улетел.

— Мы его не понимаем, но он-то ручаюсь, нас понял, — сказал Балин. — Теперь смотрите в оба: что-то будет!

Довольно скоро слышалось хлопанье крыльев. Дрозд вернулся, а

с ним — огромный, неимоверно дряхлый ворон. Он был почти слеп, слысой головой, и едва летел. Ворон грузно опустился на землю, медленно сложил крылья и заковылял к Торину.

— О Торин, сын Траина, и Балин, сын Фундина, — прокаркал он (*Бильбо все понял, потому что ворон говорил на обычном языке, а не на птичьем*). — Я — Роак, сын Карка. Карк умер, но когда-то вы хорошо его знали. Сто лет и три года и еще полстолетья минуло с тех пор, как я вылупился из яйца, однако я не забыл отцовских рассказов. Сейчас я главный у великих вОронов Горы. Мы малочисленны, однако помним

древнего короля. Мои вороны по большей части в отлучке, ибо вести летят с юга — иные добрые, иные не придутся тебе по нраву. Смотри! Птицы слетаются к Горе и к Дейлу с юга, востока и запада, ибо разнеслась весть, что Смауг мертв!

— Мертв? Мертв? — закричали гномы. — Мертв! Так мы напрасно дрожали — и сокровище наше!

Все вскочили и заплясали от радости.

— Да, мертв, — прокаркал Роак. — Дрозд, да не выпадут его перья, видел гибель дракона, а дрозду можно верить. Он видел, как дракон пал в битве с жителями Эсгарота две ночи тому назад на восходе луны.

Прошло немало времени, прежде чем Торин утихомирил гномов и снова усадил их слушать Роака. Описав сражение, ворон сказал:

— Вот тебе первая весть, Торин Дубовый Щит. Можешь без страха возвращаться в свои чертоги; сокровище твое — до поры. Не только птицы слетаются к горе. Вести о смерти стража распространились и вдаль, и вширь, а всем памятны легенды о сокровищах Трора, и многие хотят поживиться. Воинство эльфов уже в пути, и стервятники кружат над ними, предвкушая кровопролитие. У озера ропщут: гномы-де виновники наших

бед, ибо люди остались без крова и многие погибли, и Смауг разрушил их город. Живы вы или мертвы, они ждут компенсации из ваших сокровищ. Мудрость подскажет тебе решение, но тринадцать — малый остаток Доринова рода, обитавшего здесь, а ныне рассеянного по далеким краям. Если хочешь совет — не доверяй мэру; лучше говори с тем, чья стрела сразила дракона. Имя ему Бард, он потомок Гириона и род его — из Дейла; человек он угрюмый, зато честный. После долгих лет разоренья люди, эльфы и гномы могут снова зажить в мире, вот только это будет стоить изрядно в золоте и серебре. Я сказал.

Торин вскипел.

— Спасибо тебе, о Роак, сын Карка. Тебя и твой народ мы не забудем. Однако вора́м не взять нашего золота и грабителям — нашего серебра, покуда мы живы. Если хочешь послужить нам еще, сообщай обо всех, кто сюда приблизится. И молю, если есть среди вас молодые и сильные крыльями — разошли гонцов к нашим родичам в северные горы, к востоку и западу отсюда, а перво-наперво к моему двоюродному брату Даину на Железные холмы, ибо войско его крепко, а живет он ближе других. Вели ему поспешить!

— Не скажу, хорошо или плохо

ты рассудил, — прокаркал Роак, — но, что смогу, исполню. — И он медленно полетел прочь.

— А теперь назад, в Гору! — вскричал Торин. — Времени в обрез!

— И еды тоже! — заметил Бильбо, как всегда практичный в таких вопросах.

Он считал, что приключение, строго говоря, закончилось со смертью дракона — в чем весьма заблуждался — и охотно отдал бы свою долю добычи, чтобы вся эта история завершилась мирно.

— Назад, в Гору! — закричали гномы, словно не слыша его; так что пришлось Бильбо идти с ними.

Поскольку вы уже слышали о

последних событиях, то поймете, что у гномов было в запасе несколько дней. Они еще раз исследовали пещеры и обнаружили (как ожидали), что открыты лишь главные врата; все остальные (кроме, разумеется, маленькой потайной двери) Смауг давно разрушил и завалил. Теперь они принялись усердно укреплять главный вход и восстанавливать дорогу. В старых забоях и каменоломнях сыскался весь нужный инструмент, а умения гномам было не занимать.

Пока они работали, вороны то и дело приносили вести. Так гномы узнали, что король эльфов свернул к озеру, и, значит, время в запасе есть.

Еще больше они обрадовались, услышав, что три пони спаслись и бродят по берегу реки Быстрой неподалеку от первого лагеря. Пока остальные строили укрепления, Фи́ли и Ки́ли, ведомые вороном, отыскали пони и привезли назад все, что смогли на них нагрузить.

Так прошли четыре дня. Вороны донесли, что объединенное войско людей и эльфов выступило к Горе. Однако гномы уже приободрились; запасов при известной экономии должно было хватить на несколько недель. Правда, это был изрядно надоевший крам, но даже крам лучше, чем ничего — а ворота загородила стена из обтесанных

камней, сложенная без раствора, зато очень толстая и высокая. В ней оставили отверстия, сквозь которые можно было смотреть (или стрелять), но не пробраться внутрь. Лазили через нее по лестнице, а грузы втягивали на веревках. Река вытекала в низкую арку под стеной, а дальше русло ее расширили, так что между отвесной скалой и вершиной водопада, откуда поток низвергался к Дейлу, получилось довольно большое озеро. Теперь к воротам можно было попасть либо вплавь, либо по узкому карнизу справа (если смотреть от входа). Пони развьючили возле старого моста и, велев им возвращаться к хозяевам, отправили

без седоков на юг.

Однажды ночью в долине вспыхнуло множество огней, как от костров или факелов.

— Вот и они! — крикнул Балин. — А лагерь-то какой большой! Видимо, под покровом тьмы вошли в долину по обоим берегам реки.

В ту ночь гномы почти не спали. Утро едва брезжило, когда к Горе подступил отряд. Пока они поднимались, стало видно, что это вооруженные Озерные люди и с ними — эльфийские лучники. Наконец передовые воины взобрались на каменные глыбы у подножия водопада; и как же

удивились они, увидев перед собой озеро и свежую стену!

Покуда они стояли, показывая руками и переговариваясь, Торин окликнул их из-за стены.

— Кто вы, — громко крикнул он, — осмелившиеся подступить с оружием к воротам Торины, сына Траина, Короля-под-Горой, и что вам надобно?

Однако те не ответили. Одни сразу повернули назад, другие еще постояли, глядя на ворота, и тоже двинулись вниз. В ту ночь стан перенесли восточнее от реки, в долину между отрогами Горы. Скалы, привыкшие лишь к карканью ворон, огласились пением и

голосами. Слышались звуки эльфийских арф — эхо доносило до Горы их отголоски, и, казалось, самый воздух потеплел и наполнился смутным ароматом весенних трав.

Бильбо захотелось сбежать из темной крепости вниз, к веселью и пиршеству у костров. Даже гномы (из тех, кто помоложе), растаяли сердцем и шептали: жалко, мол, что мы не можем встретить этих пришельцев, как друзей. Однако Торин только стискивал зубы.

Потом гномы тоже достали арфы и другие инструменты из сокровищницы и стали играть, чтобы его смягчить, но напевы их были суровей эльфийских, а слова

напоминали те, что звучали давным-давно у Бильбо в гостинной.

Под Гномьей Горой
ликованье царит,
Король возвратился,
отмститель обид;
Сражен беспощадный
Дракон кровожадный:
Так будет их каждый
обидчик убит!
Крепки и надежны ворота
Горы,
Защитников копья длинны
и остры.
Вернув себе злато, убив
супостата,
Вовек будут гномы сильны

и храбры.

Для древних владык и
эльфийских вождей

Трудились они у
плавильных печей;

Резьбы многограньем,
сапфиров сияньем

Слепили глаза рукояти
мечей.

В эмали сверкали все
краски земли,

В подвесках лучистые
звезды цвели;

И ярче дракона пылала
корона,

Которой венчались тех гор
короли.

Корону они возвратили

назад,
И снова подземные арфы
звонят;
Прислушайся, странник,
печальный изгнанник,
К тебе через горы их зовы
летят.

Они говорят: «Возвратись,
пилигрим,
К вершинам далеким, к
пещерам родным!

Мы жемчугом-златом,
каменьем богатым
И кладом свободы тебя
одарим!»

Под Гномьей Горой
ликованье царит,
Король возвратился,

отмститель обид;
Сражен беспощадный
Дракон кровожадный,
Так будет их каждый
обидчик убит!

Песня пришлась Торину по душе; он повеселел и стал просчитывать, далеко ли до Железных холмов и как скоро Даин доберется до Горы, если выступит немедленно. И песня, и речи Торина привели Бильбо в уныние, уж очень они были воинственные.

На следующее утро с рассветом отряд копейщиков пересек реку и двинулся вверх по долине. Они

несли зеленое знамя эльфийского короля и синее — Озера. Отряд подошел к стене перед воротами, и снова Торин громко их окликнул:

— Кто вы, посмевающие приступить в бранном облачении к воротам Торины, сына Траина, Короля-под-Горой, и что вам надобно?

На этот раз ему ответили.

Высокий человек выступил вперед, темноволосый и угрюмый лицом. Он крикнул:

— Здрав будь, Торин! Зачем ты окружил себя стеной, словно грабитель в своем логове? Мы пока не враги и рады, что ты уцелел, как ни мало мы в это верили. Мы не

рассчитывали застать тут никого живого, но, коли мы встретились, нам нужно переговорить и посоветоваться.

— Кто ты и о чем хочешь вести переговоры?

— Я Бард, моею рукой сражен Смауг и освобождены ваши сокровища. Разве тебя это не касается? Более того, я, по праву рождения, наследник Гириона из Дейла, а в твоей сокровищнице немало того, что дракон похитил из его чертогов и городов. Разве не стоит об этом поговорить? И еще: в последнем бою Смауг оставил без крова жителей Эсгарота, а я пока еще на службе у их мэра. От его имени

спрашивают: неужто тебе не жаль Озерный народ? Эти люди помогли тебе в трудную минуту, а ты принес им лишь разрушение — впрочем, верю, что неумышленно.

Сказано это было честно, хотя сурово и гордо. Бильбо думал, что Торин сей же миг признает справедливость услышанных слов. Он не ждал, разумеется, что кто-нибудь вспомнит о нем (*как-никак, именно он в одиночку узнал про слабое место в броне дракона*); и хорошо, что не ждал, потому что никто не вспомнил. Но не мог оценить он и власть золота, на котором лежал дракон. Да, за последние дни Торин подолгу бывал

в сокровищнице, и его обуяла алчность. Он искал Аркенстон, однако не мог пройти и мимо других бесценных вещей, хранящих память о трудах и горестях его предков.

— Ты поставил свой худший довод на последнее и главное место, — сказал Торин. — Никто не вправе притязать на мои сокровища потому лишь, что похитивший их Смауг лишил его жизни и крова. Нельзя возместить ущерб от драконьих злодейств из сокровищ, ему не принадлежавших. За помощь, полученную от Озерных людей, мы щедро расплатимся — в свое время. Но ничего, даже платы за последний сухарь не получите вы под угрозой

силы. Покуда под Горою стоит войско, мы считаем вас ворами и недругами. Думается мне спросить, какую долю наследства возвратили бы вы нашим родичам, коли нашли бы его без охраны, а нас — мертвыми.

— Справедливый вопрос, — сказал Бард. — К счастью, вы живы, а мы не грабители. Кроме того, богатый мог бы снизойти к страданиям тех, кто поддержал его в нужде. И ты не ответил на другие мои доводы.

— Я уже сказал, что не стану вести переговоры с вооруженными. И уж точно — с подданными эльфийского короля, которого мне

благодарить не за что. Им в этом споре не место! Ступайте прочь, пока мы не подняли луки! И если хочешь еще говорить со мной, отошли прежде воинство эльфов, откуда пришли, и возвращайся, сложив оружие.

— Король эльфов — мой друг, и помог Озерным людям в беде, хоть ничем не был обязан, — отвечал Бард. — Мы дадим тебе время раскаяться в своих словах. Наберись мудрости к нашему возвращению! — И он, повернувшись, пошел прочь.

Несколько часов спустя к крепости вновь подступили знаменосцы и затрубили в трубы.

— От имени Эсгарота и Леса, —

крикнул один, — мы обращаемся к Торину, сыну Траина, именуящему себя Король-под-Горой. Пусть хорошо подумает о наших требованиях или будет объявлен нашим врагом! По меньшей мере двенадцатая часть сокровищ должна быть отдана Барду, сразившему дракона, наследнику рода Гирионова. Из этой доли Бард сам пожертвует на помощь жителям Эсгарота; но коли Торин желает мира и почета от окрестных земель, как было во дни его предков, пусть добавит от своих щедрот на восстановление города.

Тут Торин схватил лук и выпустил в говорящего стрелу. Она воткнулась в щит и осталась торчать,

дрожа.

— Коли таков твой ответ, — крикнул глашатай, — я объявляю Гору в осаде. Мы не уйдем отсюда, пока ты не согласишься на мир и переговоры. Оружия мы на вас не поднимем — оставайтесь со своим золотом. Ешьте его, если хотите!

С этим посланцы ушли, оставив гномов размышлять о положении дел. Торин был так мрачен, что спутники, даже если бы хотели, не смели бы его укорять. Впрочем, почти все были с ним согласны, за исключением толстого старого Бомбура, Фили и Кили. Бильбо, разумеется, совершенно не одобрял такой поворот событий. Ему

осточертела Гора и вовсе не улыбалось сидеть в осаде.

— Тут все провоняло драконом, — ворчал он про себя. — Аж с души воротит. А на крам уже просто смотреть не хочется.

Глава 16

Вор в ночи

Дни тянулись медленно и тоскливо. Гномы коротали время, раскладывая и разбирая сокровища. Торин заговорил об Аркенстоне Траина и велел тщательно искать его по всем закоулкам.

— Ибо Аркенстон моего отца, — сказал он, — сам по себе дороже целой реки золота, для меня же бесценен. Этот камень из всей сокровищницы я нарекаю своим, и горе тому, кто найдет его и скроет!

Бильбо услышал эти слова и испугался. Что если камень

обнаружат в кучке тряпья, которую он использовал вместо подушки? Тем не менее хоббит молчал, потому что тоска все сильнее его томила, а в голове начал созревать план.

Так прошло некоторое время, и вот вОроны принесли весть, что Даин с пятью сотнями воинов в двухдневном переходе от Горы на северо-востоке от Дейла.

— Однако они не смогут пройти к Горе незамеченными, — сказал Роак, — и я боюсь, как бы не завязалась битва. Я не назову твое решение добрым. Хоть они и суровый народ, вряд ли им одолеть осадившее тебя войско, а если и одолеют, останешься ли ты в

барыше? За ними придут зима и снег. Что ты станешь есть, если рассоришься с окрестными землями? Сокровище станет твоей гибелью, хоть дракон и пал!

Однако Торин стоял на своем.

— Снег точно так же накроет людей и эльфов, и несладко им покажется в Драконьем разоре. Между зимой впереди и моими друзьями сзади они, надеюсь, станут сговорчивее.

В ту ночь Бильбо решился. Ночь была черна и безлунна. Как только совсем стемнело, он пошел в свой уголок, вытащил из-под подстилки свернутую веревку и Аркенстон в тряпице, а потом взобрался на стену,

где не застал никого, кроме Бомбура — гномы несли стражу поодиночке, и сейчас был его черед.

— Холодно! — пожаловался Бомбур. — Был бы у нас костер, как у них в лагере!

— А внутри ничего, тепло, — сказал Бильбо.

— Да уж небось; но мне торчать тут до полуночи, — проворчал тостяк. — И вообще, грустно все получилось. Не мне, конечно, осуждать Торина, да станет его борода еще длиннее, но он всегда был кремень.

— Хотел бы я то же сказать о своих ногах, — заметил Бильбо. — Они скоро отвалятся, столько ходить

по лестницам да каменным коридорам. Дорого бы я дал, чтобы пройтись сейчас по травке!

— А я бы дорого дал за глоточек чего-нибудь горячительного и сладкий сон после сытного ужина!

— Вот этого, пока мы в осаде, я тебе устроить не могу, но я давно не стоял на часах и, если хочешь, могу тебя подменить. Все равно мне не спится.

— Ты добрая душа, мистер Бэггинс. Если что, буди меня первым. Я в помещении налево, недалеко от входа.

— Иди, иди! — сказал Бильбо. — В полночь я тебя подниму, чтобы ты разбудил следующего.

Как только Бомбур ушел, Бильбо надел кольцо, закрепил веревку, соскользнул со стены и был таков. У него имелось в запасе часов пять. Бомбур будет спать, как убитый (он засыпал в любое время суток с того самого происшествия в лесу — все мечтал снова попить во сне); остальные гномы в сокровищнице с Торином. Вряд ли кто-нибудь из них, даже Фили или Кили, выйдут на стену, пока не придет их время сменить Бомбура.

Стояла непроглядная тьма. Вскоре знакомая дорога кончилась, и Бильбо пришлось спускаться вниз, к реке. Вот и излучина. Дальше надо было перебираться на другой берег.

Река, хоть и мелкая, разливалась здесь во всю ширь, и перейти ее вброд, да еще в темноте, оказалось для маленького хоббита нелегкой задачей. Он был уже почти на другой стороне, когда вдруг поскользнулся на круглом камне и с плеском рухнул в холодную воду.

Не успел он, дрожа и отплевываясь, выбраться на берег, как из темноты появились эльфы с яркими фонарями.

— Это не рыба! Где-то здесь затаился лазутчик. Спрячьте огни! Они больше на руку ему, чем нам, если это странное маленькое существо, про которое говорят, что оно у гномов на посылках.

— Скажете тоже — на посылках! — фыркнул Бильбо и громко чихнул.

Эльфы тут же сбежались на звук.

— Посветите-ка! — сказал хоббит. — Если вы меня ищете, то вот я! — добавил он, снимая кольцо и выступая из-за камня.

Эльфы очень удивились, но крепко его схватили.

— Ты кто? Гномий хоббит? Что ты тут делаешь? Как прошел мимо наших дозорных? — наперебой спрашивали они.

— Если хотите знать, я — мистер Бильбо Бэггинс, спутник Торины. Я знаю вашего короля, хотя он, наверное, в лицо меня не видел.

Однако Бард меня вспомнит, и с ним я в первую очередь хотел бы поговорить.

— Вот как? — удивились они. — А зачем?

— Зачем, это мне виднее, мои добрые эльфы. Однако если вы хотите вернуться в леса из этого безрадостного края, — отвечал хоббит, дрожа, — то тихонечко отведете меня к костру, чтобы я обсушился, а потом, как можно скорее, к вашим предводителям. У меня всего час или два.

Вот как получилось, что через два часа после своего бегства Бильбо расположился у костра перед большим шатром, а рядом, с

любопытством его разглядывая, сидели король эльфов и Бард. Хоббит в старом одеяле поверх эльфийских доспехов — это зрелище было для них в новинку.

— Видите ли, — говорил Бильбо в своей лучшей деловой манере, — сложилось совершенно невыносимое положение. Лично меня оно утомило. Я хотел бы оказаться у себя дома на западе, где народ не такой упрямый. Однако у меня есть свой интерес в этом деле — если быть точным, одна четырнадцатая часть, согласно письму, которое я, на удачу, кажется, сохранил. — Он вытащил из кармана старого сюртука (который по-прежнему носил под кольчугой)

сложенное во много раз потертое письмо, то самое, что Торин в свое время оставил под часами у него на каминной полке.

— Доля в прибыли, заметьте, — продолжал он. — Лично я охотно рассмотрел бы ваши притязания и вычел их из итога, прежде чем требовать свое. Однако вы не знаете Торуна, как знаю его я. Уверяю, он вполне готов сидеть на груди сокровищ и голодать, покуда вы здесь.

— Добро ж! — сказал Бард. — Пусть голодает, коль он такой глупец.

— Справедливо, — ответил Бильбо. — Однако близится зима. Скоро пойдет снег, с припасами

станет худо — полагаю, даже у эльфов. И это еще не все. Вы слышали о Даине с Железных холмов?

— Слышал, но давно, — отвечал король. — При чем здесь он?

— Так я и думал. Значит, мне известно больше, чем вам. Даин, позвольте сказать, в двухдневном переходе отсюда, и с ним не меньше пятисот гномов, закаленных в войне с гоблинами, о которой вы, несомненно, наслышаны. С его приходом у вас возникнут серьезные затруднения.

— К чему ты это говоришь? Угрожаешь нам или предаешь своих друзей? — сурово спросил Бард.

— Мил-человек! — пискнул

Бильбо. — Что же вы все такие подозрительные! Я просто пытаюсь избавить от неприятностей все заинтересованные стороны! А теперь я хочу сделать вам предложение!

— Послушаем, — сказали они.

— Вот, смотрите! — И хоббит, развернув тряпицу, вытащил Аркенстон.

Сам эльфийский король, видевший немало прекрасного и удивительного, привстал от изумления. Даже Бард только молча смотрел и дивился. Казалось, шар наполнен лунным светом и заключен в сетку, сотканную из сиянья морозных звезд.

— Это — Аркенстон Траина, —

сказал Бильбо. — Сердце Горы и сердце Торина. Он ценит этот камень выше, чем целую реку золота. Забирайте. Теперь, может быть, сторгуетесь.

И Бильбо, не без дрожи сожаления, протянул удивительный камень Барду. Тот, все еще в оцепенении, взял Аркенстон.

— Как же получилось, что им распоряжаешься ты?

— Понимаете ли, — смущенно отвечал хоббит, — он не то что бы совсем мой, но я готов засчитать его вместо своей доли. Может, я и вор — по крайней мере, так говорят, хотя сам я себя им отнюдь не чувствую — однако, даже если так, более-менее

честный. Кроме того, сейчас я вернусь, и гномы могут делать со мной, что захотят. Надеюсь, Аркенстон вам пригодится.

Король эльфов взглянул на Бильбо с новым изумлением.

— Бильбо Бэггинс! Эльфийский доспех тебе больше к лицу, чем многим из тех, на ком он сидит краше. Тем не менее, не уверен, что Торин Дубовый Щит посмотрит на дело так же. Быть может, я знаю гномов лучше, чем ты. Остайся! У нас ты будешь желанным гостем!

— Благодарю за честь, — отвечал Бильбо с поклоном, — мне бы не хотелось так оставлять друзей, после всего, что мы вместе прошли.

И потом, я обещал разбудить старину Бомбура ровно в полночь! Право, мне пора!

Все уговоры были напрасны; поэтому Бильбо дали вооруженный эскорт, а король эльфов и Бард еще раз простились с ним в самых почтительных выражениях. Когда они шли через лагерь, старик в темном плаще, сидевший возле шатра, встал и направился к хоббиту.

— Молодцом, мистер Бэггинс! — сказал он, хлопая Бильбо по плечу. — Ты и впрямь не так прост, как кажется!

Это был Гандальф.

Впервые за много дней Бильбо по-настоящему обрадовался. Ему

хотелось засыпать волшебника вопросами, но времени не было.

— Все в свою пору! — воскликнул Гандальф. — События близятся к завершению, или я сильно ошибаюсь. Тебе придется несладко, однако не падай духом! Все еще может кончиться хорошо. Назревает кое-что такое, о чем не слышали даже вОроны! Счастливо!

Озадаченный, но и приободренный, Бильбо заторопился назад. Его перенесли через реку в безопасном месте; здесь он попрощался с эльфами и принялся карабкаться к воротам. Хоббита одолела непомерная усталость; тем не менее он задолго до полуночи влез

по веревке (которая висела на прежнем месте), отвязал ее, спрятал, сел на стену и стал с тревогой думать, что будет дальше.

В полночь Бильбо разбудил Бомбура и, не слушая его благодарностей (*которых, как ему казалось, вовсе не заслужил*), свернулся у себя в уголке. Скоро он крепко уснул, забыв до утра все свои тревоги. Ему снилась яичница с ветчиной.

Глава 17

Громы и молнии

На следующее утро, чуть свет, в лагере запели трубы. Вскоре на узкой тропке показался одинокий бегун. Он остановился поодаль и, окликнув гномов, спросил, готов ли Торин выслушать посольство, ибо подоспели свежие новости и многое изменилось.

— Это Даин! — сказал Торин, когда услышал весть. — Они узнали о его приближении. Думается, теперь запоют иначе!.. Скажи, чтобы пришли в малом числе и без оружия, тогда я выслушаю! — крикнул он

вестнику.

Около полудня знамена Леса и Озера вновь двинулись к Горе. Приближался отряд из двадцати людей и эльфов. У начала узкой тропы они сложили мечи и копья и направились к воротам. Гномы с удивлением узнали Барда и короля эльфов. Перед ними старик в плаще с капюшоном нес окованный железом деревянный ларец.

— Привет тебе, Торин! — крикнул Бард. — Ты все еще упорствуешь в своем решении?

— Мое решение не меняется с несколькими рассветами и закатами, — отвечал Торин. — Ты пришел задавать пустые вопросы?

Воинство эльфов, которое я требовал отослать, по-прежнему здесь. Покуда они не ушли, мне не о чем с тобой разговаривать.

— Так значит, ничто не убедит тебя отдать часть золота?

— Ничто из того, что можете предложить ты и твои друзья.

— И даже Аркенстон Траина? — сказал Бард.

В то же мгновение старик откинул крышку ларца и вытащил камень. Свет хлынул из его ладоней, ясный и белый под утренним солнцем.

Торин онемел. Довольно долго никто не говорил ни слова. Наконец Торин нарушил молчание, и голос его

был хриплым от гнева.

— Это камень моего отца, и он мой, — сказал предводитель гномов. — Почему я должен выкупать свое? — Однако изумление взяло верх, и он добавил: — Однако откуда у вас наследие моего дома — если есть надобность спрашивать это у воров?

— Мы не воры, — отвечал Бард. — Ты получишь свое за то, что причитается нам.

— Откуда он у вас?! — закричал Торин, распаляясь еще больше.

— Я дал! — пискнул Бильбо, который, вне себя от ужаса, заглядывал через стену.

— Ты!.. Ты!.. — вскричал Торин,

оборачиваясь и хватая Бильбо двумя руками. — Жалкий хоббит! Вор-недомерок! — кричал он, не находя слов и тряся Бильбо, как кролика. — Клянусь бородой Дорина! Был бы здесь Гандальф! Будь он проклят, что выбрал тебя! Да выпадет его борода! А тебя я сброшу на камни! — И он поднял Бильбо высоко в воздух.

— Стой! Твое желание исполнилось! — прозвучал голос. Старик с ларцом отбросил плащ и капюшон. — Гандальф здесь! И вовремя, как я погляжу. Даже если тебе не нравится мой взломщик, все равно не надо его портить! Поставь мистера Бэггинса на место и выслушай прежде, что он скажет!

— Вы все сговорились! — вскричал Торин, но Бильбо выпустил. — Никогда больше не стану связываться с волшебниками или их прихвостнями! Что ты хочешь сказать, крысиное семя?

— Ой-ой-ой! — выговорил Бильбо. — Получилось очень неловко. Ты помнишь, как обещал, что я могу выбрать себе четырнадцатую часть? Может быть, я понял это слишком буквально — мне говорили, что гномы иногда учтивее на словах, чем на деле. Было, впрочем, время, когда ты считал мое участие не вполне бесполезным. Крысиное семя, да уж! Это и есть все услуги ваши и ваших семейств,

которые мне сулили? Считаю, что я распорядился своей долей, и разойдемся на этом.

— Добро, — мрачно промолвил Торин. — Разойдемся на этом, и прочь с глаз! — Потом он повернулся и заговорил через стену: — Меня предали. Расчет верен: слишком дорог мне Аркенстон, сокровище моего рода. За него я отдам четырнадцатую часть золотом и серебром, исключая драгоценные камни, но это будет считаться условленной долей предателя, и с ней он отбудет, а вы уж как хотите, так и делите. Полагаю, немного ему достанется! Забирайте его себе, покуда цел, и всякая дружба меж

нами врозь!

— Спускайся к своим сообщникам! — крикнул он Бильбо. — Или я сброшу тебя со стены!

— Как насчет золота и серебра? — спросил хоббит.

— Все в свое время, — отвечал Торин. — Спускайся!

— До тех пор камень останется у нас, — сказал Бард.

— Не очень-то хорош ты в роли Короля-под-Горой, — промолвил Гандальф, — но все еще может перемениться.

— Верно, — сказал Торин.

Страсть к драконьим сокровищам настолько обуяла его,

что он подумывал, не сможет ли с помощью Даина вернуть камень, а долю Бильбо оставить себе.

И так хоббит спустился со стены и ушел без всякого вознаграждения, если не считать кольчуги, которую Торин отдал ему раньше. Многие гномы были пристыжены и опечалены.

— Счастливо оставаться! — крикнул им Бильбо. — Может быть, мы еще встретимся, как друзья!

— Прочь! — вскричал Торин. — Твое счастье, что на тебе кольчуга, сделанная моим народом. Стреле ее не пробить, но, если не поторопишься, я выстрелю по твоим жалким ногам. Убирайся!

— Не спеши! — сказал Бард. — Мы оставляем тебя до завтра. В полдень мы вернемся и посмотрим, вынес ли ты из сокровищницы обещанную часть. Если все будет честно, мы уйдем и эльфийское воинство возвратится в свои леса. А пока прощай.

С этим они возвратились в лагерь; а Торин отправил гонцов Роака к Даину с вестями обо всем, что случилось, и с просьбой поторопиться.

Прошли день и ночь. На утро ветер задул с запада, погода испортилась. Чуть свет дозорные вбежали в лагерь с криком, что воинство гномов показалось за

восточным отрогом Горы и быстро приближается к Дейлу. Даин шел всю ночь, чтобы поспеть раньше, чем его ждут. Каждый из гномов был в стальной кольчужной рубахе до колен, ноги их покрывали штаны из тонкой и гибкой стальной сетки, секретом которой владел этот народ.

Гномы исключительно сильны для своего роста, а эти были очень сильны даже для гномов. В бою они рубились тяжелыми двуручными кирками, хотя у каждого был на поясе еще и короткий меч, а за спиной — круглый щит. Бороды они заплели в две косицы и заправили за пояс. Шлемы у них были стальные, подошвы — стальные, лица —

угрюмые.

Трубы призвали людей и эльфов к оружию. Вскоре в долину быстрым шагом вступили гномы. Между рекой и восточным отрогом войско остановилось; лишь несколько латников продолжили путь. Они перешли реку возле лагеря, здесь сложили оружие и подняли руки в знак мира. К посланцам вышел Бард, и с ним Бильбо.

— Мы от Даина, сына Наина, — отвечали гномы на вопрос лучника. — Мы спешим к своим родичам в Горе, ибо слышали о восстановлении древнего королевства. Но кто вы, расположившиеся, подобно врагам,

под укрепленными стенами? —
Разумеется, это была старинная и
довольно учтивая речь, означавшая:

«Вам тут делать
нечего. Мы идем к Горе,
так что убирайтесь, или мы
будем пробиваться с
боем!».

Они рассчитывали прорваться
между излучиной и отрогом, по
узкой полоске берега, которая
казалась самой незащищенной.

Бард, разумеется, отказался
пропустить гномов к Горе. Он
намеревался прежде забрать золото и
серебро в обмен на Аркенстон, ибо

не верил, что Торин, получив подкрепление, сдержит свое слово. Войско доставило большой запас провианта — гномы выносили, и, как ни быстро шагали воины, каждый тащил в придачу к оружию огромный заплечный мешок. Это растянуло бы осаду на много недель, а тем временем подоспели бы и другие гномы — у Торины было много сородичей. Кроме того, осажденные могли открыть другие ворота, и осаждающим пришлось бы окружить всю Гору, а для этого у них не хватало людей.

Именно таков и был расчет Торины и Даина, которые постоянно сносились через воронов. Посланцы,

выслушав отказ, вернулись, бурча в бороды. Бард тут же отправил глашатаев к Горе. Вместо золота их встретил град стрел, и они воротились опечаленные. Весь лагерь пришел в движение, как перед боем, ибо Даин приближался по восточному берегу.

— Глупцы! — рассмеялся Бард. — Идут так близко к гребню! Уж не знаю, как там в пещерах, а в искусстве вести войну на земле они явно несведущи! За камнями, справа от них, спрятаны наши лучники и копейщики. Как ни крепки гномьи кольчуги, им не выстоять. Давай ударим с двух сторон, пока они не отдохнули с дороги!

Однако король эльфов ответил:

— Я трижды помедлю, прежде чем начинать войну из-за золота. Гномы не смогут пройти мимо нас, если мы сами их не пропустим, и не предпримут ничего такого, что бы мы не заметили. Давай подождем, может, какой-нибудь случай принесет нам примирение. Если все же дело кончится боем, на нашей стороне перевес.

Он просчитался. Мысль, что Аркенстон в руках осаждающих, распаляла гномов, к тому же те видели, что Барда и его друзей снедают сомнения, и решили напасть немедленно.

Без всякого предупреждения они

молча пошли в атаку. Запели тетивы, засвистели стрелы; бой был неминуем.

И тут, еще внезапнее, пала тьма. Черная туча закрыла небо, от грома содрогнулась гора, верхушку ее озарила молния. А под тучей, клубясь, расстилалась другая мгла, но не ветер ее гнал — то летела с севера огромная стая, подобная птичьей, такая плотная, что крылья, соприкасаясь, затмили свет.

— Стойте! — Гандальф, вскинув руки, выступил между двумя воинствами. — Смотрите! — вскричал он громовым голосом, и посох его блеснул, словно молния. — Ужас надвигается на вас всех! Увы,

это случилось раньше, чем я ждал. Гоблины движутся на вас! Болг с севера, чьего отца ты, о Даин, сразил в Мории! Смотрите! Нетопыри летят над их ратью, как саранча. Гоблины скачут на волках, и варги бегут следом!

Все пришли в замешательство. Пока Гандальф говорил, тьма сгустилась еще сильнее. Гномы остановились и подняли глаза к небу. Эльфы закричали.

— Еще есть время для совета! — воскликнул Гандальф. — Пусть Даин, сын Наина, скорее идет к нам!

Так началась битва, которой никто не ждал, названная потом Битвой Пяти Воинств, кровавая и

ужасающая. Люди, гномы и эльфы противостояли гоблинам и диким волкам.

Гоблины Мглистых гор и прежде ненавидели гномов, но после гибели предводителя ненависть эта вспыхнула с новой силой. Гонцы сновали между горными поселениями и крепостями, ибо гоблины решили покорить весь север. Тайными путями они узнавали все, что происходит; в горах ковали оружие и доспехи. Гоблины начали стекаться по горам и по долам, пробираясь подземными тропами или ночью, под покровом тьмы, покуда у подножия великой горы Гундабад на севере, где был их оплот,

не скопилось огромное воинство, готовое с холодами и грозами хлынуть на юг. Здесь они слышали о гибели Смауга и возликовали; ночь за ночью крались они по горам и, внезапно нагрянув с севера, поспели сразу за Даином. Даже вороны ничего не заметили, пока войско не вступило в окрестности Одинокой горы. Много ли было известно Гандальфу, судить не берусь, но и он не ожидал столько скорого наступления.

Вот что решили на совете волшебник, король эльфов и Бард — и Даин, ибо предводитель гномов стал на их сторону; гоблинов ненавидели все и при их появлении

забыли прочие распри.
Единственной их надеждой было
заманить гоблинов в теснину между
отрогами горы, а самим засесть на
ребнях к востоку и к югу. Однако и
это было опасно: более
многочисленные гоблины могли
захватить саму Гору, а потом напасть
сзади и сверху; впрочем, времени
придумывать другой план или звать
подмогу не оставалось.

Вскоре гроза ушла на юго-
восток, зато небо заполнила туча
нетопырей. Они кружили низко над
головами, заслоняя свет и вселяя
ужас.

— К Горе! — крикнул Бард. — К
Горе! Займем позиции, пока не

поздно!

На южном гребне, на склонах и среди камней у его подножья, засели эльфы, на восточном — люди и гномы. Самые ловкие эльфы и люди вместе с Бардом взобрались на вершину восточного гребня, откуда весь север был как на ладони. Им открылось подножие Горы, черное от гоблинов и волков. Очень скоро передовые отряды нападающих обогнули каменный выступ и хлынули в долину. То были наездники на самых быстрых волках; их вопли и крики разорвали воздух. Горстка храбрецов преградила им путь, якобы прикрывая отступление, и пали, а уцелевшие скрылись на

склонах по сторонам ущелья. Как и рассчитывал Гандальф, уловка сработала, и черное воинство в ярости захлестнуло долину, думая настичь бегущего неприятеля. Бесчисленные знамена, черные и красные, неслись беспорядочной лавиной.

Бой был ужасен — ужаснее всего, что Бильбо пришлось пережить. На протяжении часов ему казалось, что страшнее и быть не может — это к тому, что впоследствии он гордился ими больше всего и о них в особенности любил вспоминать, хотя его собственная роль была самая незначительная. Вообще-то, должен

сказать, он в первые же минуты надел кольцо и пропал из виду. Правда, от опасности это не совсем избавляло. Такого рода волшебные кольца не спасают от летящей стрелы или скачущего на тебя волка, но помогают убраться с дороги, и можно по крайней мере рассчитывать, что гоблин, размахнувшись мечом, не станет нарочно целить в твою голову.

Первыми в атаку бросились эльфы, давние ненавистники гоблинов. Так велика была их ярость, что мечи и копья зажглись холодным огнем. Едва неприятельское войско заполнило долину, эльфы засыпали его градом стрел, и каждая

пламенела на лету. Следом с отрога устремилась тысяча воинов с копьями. Крики их оглушали. Камни почернели от крови гоблинов. Едва противник оправился и начал теснить эльфов, долину заполнил многоголосый рев. С кличем «Мория!» и «Даин! Даин!» гномы Железных холмов ринулись на врага, потрясая кирками, а с ними — ратники Озера, сжимая мечи.

Гоблинов охватило смятение. Едва они повернулись, чтобы отразить новый натиск, как эльфы свежими силами бросились на них сзади. Многие гоблины уже бежали вниз, в надежде вырваться из ловушки, а волки, обратившись

против своих, рвали убитых и раненых. Казалось, победа близка.

И тут с вершины донесся крик.

Гоблины взобрались на Гору с другой стороны и были теперь над воротами; другие потоком сбегали вниз, и многие падали и срывались в пропасть, но остальные продолжали бежать, чтобы захватить гребни. Защитники не могли долго сдерживать их натиск. Радость победы оказалась преждевременной: они отбили лишь первый натиск черной волны.

Шли часы. Гоблины вновь заполнили долину. Подоспели варги, а с ними дружинники Болга, огромные гоблины с острыми

ятаганами. Вечерело, ненастное небо застала мгла, а нетопыри все кружили над головами людей и эльфов и, камнем падая вниз, присасывались к убитым. Барда, оборонявшего восточный гребень, теснили недруги; эльфы сомкнули ряды вокруг своего короля на южном отроге, возле Воронова утеса.

Внезапно раздался грозный клич, и в воротах запела труба. Все забыли про Торуна!

Часть стены, поддетая изнутри рычагами, с грохотом рухнула в запруду. В бой ринулись Король-под-Горой и его спутники. Вместо плащей и капюшонов на них были сверкающие кольчуги; глаза гневно

метали пламя. Их предводитель сиял, словно золото в отблесках догорающего костра.

Гоблины обрушили сверху лавину камней, но гномы сбегали к подножию водопада и устремлялись в битву. Варг и гоблин бежали перед ними или валялись мертвыми. Торин разил топором налево-направо; казалось, он заговорен от ударов.

— Ко мне! Ко мне! Эльфы и люди! Ко мне, о мои родичи! — вскричал он голосом мощным, как боевой рог.

Смешав ряды, гномы Даина ринулись ему на подмогу, с ними — ратники Озера, которых Бард не мог удержать, а с другой стороны бежали

копейщики-эльфы. И вновь гоблины оказались зажаты в ущелье; Дейл почернел под грудами их безобразных тел. Варги рассеялись, а Торин наступал на дружинников Болга. Однако он не смог пробиться сквозь ряды врага. За спиной у него, рядом с мертвыми гоблинами, лежали немало людей и гномов, немало прекрасных эльфов, которым еще долго жить бы и радоваться в лесах. Дальше долина расширялась. Спутники Торины были немногочисленны, их фланги — незащищены. Вскоре нападающие оказались в кольце противника. Дружинники Болга хлынули со всех сторон, как волны на песчаный

обрыв. Никто не мог придти на выручку смельчакам, потому что атака на гребни возобновилась с утроенной силой; эльфы и люди повсюду терпели поражение.

За всем этим в смятении наблюдал Бильбо. Он стоял вместе с эльфами на Вороновом утесе, отчасти потому, что отсюда легче было спастись, отчасти потому, что туковская его половинка хотела в этот последний час оборонять короля эльфов. Гандальф тоже был здесь, сидел на камне, как будто в глубокой задумчивости — думаю, готовил последнее волшебство, намереваясь дорого продать свою жизнь. Казалось, конец близок.

«Еще чуть-чуть, — думал Бильбо, — и гоблины захватят ворота. Нас всех перебьют или сгонят в кучу и возьмут в плен. Обидно до слез — после всего, что мы испытали! Лучше бы уж старый Смауг лежал на своем сокровище до окончания века, чем теперь оно достанется этим мерзостным тварям, а бедного старого Бомбура, и Балина, и Фили, и Кили, и остальных постигнет беда; и Барда, и Озерных людей, и веселых эльфов. И не повезло же мне!

Несчастливая моя головушка!
Я слышал песни о многих
битвах и всегда думал, что
поражение может быть
славным. А на самом деле
все это очень малоприятно,
чтобы не сказать хуже.
Хотел бы я оказаться
далеко-далеко отсюда».

Ветер разогнал тучи, на западе
блеснул алый закат. Бильбо
обернулся, и сердце у него занялось
от радости: он увидел
стремительные черные тени,
маленькие, но величественные на
фоне алого зарева.

— Орлы! — закричал он. —

Орлы летят!

Глаза Бильбо редко его обманывали. Орлы летели по ветру, строй за строем — великое воинство со всех горных гнездовий севера.

— Орлы! Орлы! — кричал Бильбо, приплясывая и размахивая руками.

Эльфы, хоть и не видели его, услышали голос и подхватили. Эхо прокатилось в теснине. Многие в изумлении подняли головы, хотя орлов было видно только с самого гребня.

— Орлы! — еще раз воскликнул Бильбо, но тут брошенный сверху камень ударил его по шлему.

Глава 18

Обратный путь

Когда Бильбо очнулся, то никого рядом не обнаружил. Он лежал на плоских камнях Воронова утеса, один-одинешенек. Солнце стояло в зените, день был холодный и ясный. Бильбо промерз до костей, его била дрожь, но голова горела огнем.

— Хотелось бы знать, что тут произошло, — пробормотал он. — По крайней мере, я пока не в числе павших героев, хотя, полагаю, за этим дело не станет!

Он со стоном сел и, посмотрев вниз, не увидел в долине живых

гоблинов. Постепенно в голове немного прояснилось, и хоббит различил эльфов, которые бродили между камней. Он протер глаза. Вроде бы в долине по-прежнему стоял лагерь, а у ворот происходило какое-то движение. Если глаза его не обманывали, гномы деловито разбирали стену. Однако повсюду стояла мертвая тишина, ни слышалось ни песен, ни голосов; казалось, сам воздух пропитан скорбью.

«Значит, все-таки победа, — подумал Бильбо, ощупывая ноющую голову, — но до чего же

безрадостная!».

Внезапно на тропе показался человек.

— Эй, там! — слабым голосом позвал Бильбо. — Эй! Какие новости?

— Чей это голос из-за камней? — Человек остановился и стал вглядываться туда, где сидел хоббит.

Тут Бильбо вспомнил про кольцо!

«Чтоб мне! Выходит, у невидимости есть обратная сторона, иначе, думается, я провел бы эту

ночь в тепле и уюте».

— Это я, Бильбо Бэггинс, спутник Торина! — крикнул он, поспешно снимая кольцо.

— Хорошо, что я тебя нашел, — проговорил человек, подходя ближе. — Ты нужен, и тебя давно ищут. Если б волшебник Гандальф не сказал, что последний раз слышал твой голос на этом месте, тебя бы сочли мертвым. Меня отправили поискать в последний раз. Ты ранен?

— Кажется, получил камнем по голове, — ответил Бильбо. — Однако она у меня крепкая и в шлеме. Правда, мне нехорошо, и ноги, как ватные.

— Я тебе отнесу, — сказал человек и легко поднял Бильбо на руки.

Он быстро и уверенно спустился с утеса. Скоро хоббит уже стоял перед шатром в Дейле. Здесь же был Гандальф, с рукой на перевязи — даже волшебнику досталось в бою. Во всем войске не пострадали считанные единицы.

При виде Бильбо Гандальф по-настоящему обрадовался.

— Бэггинс! — воскликнул он. — Вот те на! Жив, значит! Как я рад! Уже начал подумывать, не изменило ли тебе везенье. Ужасная история и чуть не кончилась совсем плохо. Однако обо всем после. Идем, —

сказал он, помрачнев. — Тебя хотят видеть, — и повел хоббита в шатер.

— Привет тебе, Торин, — сказал волшебник, входя. — Я его привел.

В шатре лежал Торин Дубовый Щит, весь израненный, на полу валялись порванная кольчуга и зазубренный топор. Когда Бильбо подошел, Торин открыл глаза.

— Прощай, славный вор, — сказал он. — Я иду в чертоги ожидания, где пребуду с моими предками до тех пор, пока обновится мир. Я оставляю золото и серебро и отправляюсь туда, где они не в чести, потому хотел бы расстаться с тобой по-дружески и взять назад то, что сказал и совершил у ворот.

Бильбо, охваченный скорбью, преклонил колени.

— Прощай, Король-под-Горой. Воистину печально приключение, которое должно завершиться так; и никакие горы золота того не стоят. И все же я рад, что разделил с тобой его тяготы — это больше, чем заслужил любой Бэггинс.

— Нет! — сказал Торин. — Ты куда лучше, чем думаешь, дитя доброго Запада. В меру отваги и в меру мудрости — что может быть правильней! Если бы все мы ценили еду, шутку и песню больше, чем груды золота, мир стал бы куда веселее. Однако, веселый мир или грустный, я должен его покинуть.

Прощай.

Бильбо отвернулся, и ушел, и сидел один, закутавшись в одеяло, и — поверите или нет — плакал так, что голос охрип, а глаза покраснели от слез. Добрая, отзывчивая душа... Долго еще маленький хоббит не мог шутить и смеяться.

«Какая удача, — подумал он наконец, — что я очнулся вовремя. Лучше бы Торин остался жив! но хорошо, хотя бы, что мы простились по-доброму. Дурак ты, Бильбо, что заварил эту кашу с камнем — никому лучше не стало,

а дело все равно закончилось битвой, хотя тут, полагаю, ты не при чем».

О том, что случилось, пока он лежал без сознания, Бильбо узнал позже, однако приключение уже окончательно его утомило, а услышанное больше опечалило, чем обрадовало. Всем своим существом он стремился в обратный путь.

Отъезд немного откладывался, так что, пока есть время, я расскажу вам о некоторых событиях. Орлы давно с тревогой наблюдали за гоблинами — от их острых глаз не скрылось движение в горах. Поэтому

они тоже собрались в великом множестве, под предводительством Великого орла с Мглистых гор и, наконец, почуяв битву, успели в последний миг. Это они очистили склоны, сталкивая гоблинов в пропасти или сгоняя вниз, прямо на копья неприятеля. Как только склоны Одинокой горы были освобождены, люди и эльфы с обеих сторон долины смогли придти на помощь товарищам.

Но даже вместе с орлами их было меньше, чем гоблинов и волков.

Под самый конец появился Беорн — никто не знает, как и откуда. Он был в медвежьем обличье и, охваченный яростью, казался

почти великаном. Рев его гремел громче пушек и барабанов; мощные лапы раскидывали гоблинов и волков, как солому и перья. Беорн напал на них сзади и, словно таран, пробил вражеское кольцо.

Гномы еще держались, сомкнувшись вокруг своих предводителей на круглом пригорке. Здесь Беорн нагнулся и поднял Торуна, пронзенного множеством копий, и вынес его из боя. Вскоре он вернулся и с удвоенной яростью бросился на врагов. Никто не мог перед ним устоять — казалось, мечи и копья не причиняют ему вреда. Он рассеял дружинников и, повалив, задрал самого Болга. Охваченные

ужасом гоблины бросились
врассыпную.

Надежда вдохнула в людей и эльфов новые силы; забыв про усталость, они кинулись в погоню, и мало кто из гоблинов уцелел. Многих загнали в реку Быструю, а те, кто бежал на запад или на юг, нашли свою гибель в топях по берегам Лесной; последние остатки врагов добрались до опушки Мирквуда и были перебиты или сгинули в нехоженных чащах. В песнях поется, что треть гоблинского воинства полегла в тот день, и в горах на долгие годы воцарился мир.

Исход сражения стал ясен еще засветло, но на следующий день,

когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня по-прежнему продолжалась; под Горой остались лишь тяжелораненые.

— Где орлы? — спросил он у Гандальфа в тот вечер, лежа под несколькими теплыми одеялами.

— Часть преследует гоблинов, — сказал волшебник, — остальные вернулись в свои гнездовья. Они улетели со светом. Даин увенчал их царя золотой короной и поклялся ему в вечной дружбе.

— Жаль. Я хотел сказать, жаль, хорошо бы их увидеть снова, — сонно проговорил Бильбо. — Может, на обратном пути... Наверное, это

уже скоро?

— Как только пожелаешь, — ответил волшебник.

Однако в путь Бильбо тронулся лишь через несколько дней.

Торина похоронили под Горой, и Бард положил Аркенстон ему на грудь.

— Пусть он лежит здесь, доколе не рухнет гора, — сказал лучник, — и пусть приносит удачу сородичам павшего!

На гробницу король эльфов возложил Оркрист, эльфийский клинок, который у Торина отобрали в плену. В песнях поется, что он лучился во мраке, когда приближались враги, и крепость

гномов нельзя было взять врасплох. Здесь решил поселиться Даин, сын Наина; его короновали Королем-под-Горой, и со временем множество других гномов собралось под его державой. Из двенадцати спутников Торина выжили десять — Фили и Кили пали, защищая его телом и щитом, ибо Торин был старшим братом их матери. Все десять остались с Даином, ибо тот достойно распорядился богатством. Разумеется, не могло быть речи о том, чтобы делить сокровище по уговору между Балином, Двалином, Дори, Нори, Ори, Бифуром, Бофуром, Бомбуром — и Бильбо. Однако четырнадцатую часть в серебре и

золоте, обработанном и в слитках, Даин вручил Барду, сказав:

— Слово павшего для нас свято, Аркенстон же теперь у него.

Даже четырнадцатая часть оказалась несметным богатством — больше, чем у иного смертного короля. Немало золота Бард отправил мэру Озерного города, а своих сподвижников наградил со всей щедростью. Королю эльфов лучник подарил его любимые изумруды — оплечье Гириона, которое получил от Даина.

Бильбо он сказал:

— Это богатство столько же твое, сколько мое. Старые договоренности не в счет, ибо

слишком многие добывали сокровище и отстаивали его. Ты был готов отречься от своей доли, но мне бы не хотелось, чтобы сбылись слова Торина, в которых он раскаялся перед смертью, и ты, по нашей вине, остался ни с чем. Тебя я желал бы наградить щедрее других.

— Спасибо, — ответил Бильбо, — но вообще-то мне так проще. Не представляю, как бы я довез такое богатство до дома без войны и смертоубийств. Да и непонятно, что с ним потом делать. Пусть лучше будет у тебя.

После долгих уговоров хоббит согласился взять два сундучка — один с золотом, другой с серебром —

СТОЛЬКО, СКОЛЬКО МОЖНО НАВЬЮЧИТЬ
НА СИЛЬНОГО ПОНИ.

— Думаю, это будет мне в
самый раз, — сказал он.

Наконец пришло время
расставаться с друзьями.

— Прощай, Балин, — сказал
Бильбо, — и прощай, Двалин,
прощайте, Дори, Нори, Ори, Оин,
Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Да не
поредуют ваши бороды! — И,
обернувшись к воротам, добавил: —
Прощай, Торин Дубовый Щит! И
Фили и Кили! Да не изгладится ваша
память!

Гномы поклонились до земли,
однако слова застряли у них в горле.

— Добрый путь и удачи тебе во

всем, — сказал наконец Балин. — Если наведишь нас еще, когда чертоги заблещут по-старому, то попируем от души!

— Если заглянете в наши края, — отвечал Бильбо, — то заходите, не раздумывая. Чай в четыре, но вас я рад видеть в любое время!

И он отвернулся.

Эльфийское воинство возвращалось домой, увы, сильно поредевшее. Тем не менее многие радовались, ведь северный мир стал светлее на долгие годы: дракон пал, гоблины разбиты, а за холодной зимою придет весна. Гандальф и Бильбо ехали с лесным королем,

рядом шагал Беорн, снова в
человечьем обличе — он смеялся и
распевал во весь голос. Так они
добрались до опушки Мирквуда,
севернее того места, где из леса
вытекала река.

Здесь остановились, потому что
волшебник и Бильбо не хотели
въезжать в лес, как ни уговаривал их
король погостить хоть немного. Они
намеревались обогнуть Мирквуд с
севера, у подножия Серых гор.
Дорога предстояла долгая и
утомительная, но теперь, после
разгрома гоблинов, она была
безопаснее гиблых лесных троп, а
главное, ею собирался идти Беорн.

— Прощай, о король! — сказал

Гандальф. — Да будет весел зеленый лес, покуда мир еще юн! И да радуется весь твой народ!

— Прощай, о Гандальф! — сказал король. — Появляйся и впредь в самую трудную и неожиданную минуту, и чем чаще, тем лучше!

— Очень прошу, — с запинкой выговорил Бильбо, переминаясь с ноги на ногу, — прими вот это! — И он вытащил серебряное с жемчугом ожерелье, прощальный подарок Даина.

— Чем заслужил я подобный дар, о хоббит? — спросил король.

— Мм... э-э... видишь ли, — сконфуженно пробормотал Бильбо. — Я... э-э... хотел бы

отчасти отблагодарить тебя за... э-э... гостеприимство. В смысле, что даже у взломщиков есть совесть. Я выпил немало твоего вина и съел немало твоего хлеба.

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Великолепный! — серьезно ответил король. — И нарекаю тебя другом эльфов. Да не укоротится твоя тень (*иначе воровать станет слишком легко*)! Прощай!

Тут эльфы свернули в лес, а для Бильбо начался долгий путь к дому.

Ему пришлось пережить немало тягот и приключений. Дикий край оставался диким, и там много чего водилось помимо гоблинов; однако у хоббита были надежные спутники —

волшебник и Беорн, — так что настоящая опасность ему не грозила. К середине зимы добрались до Беорнова дома, и здесь задержались надолго. Праздник зимнего солнцеворота выдался на удивление теплым и ясным. Беорн созвал на пир множество гостей из ближних и дальних краев. Немногие уцелевшие гоблины забились в самые глубокие щели, варги в лесах повывелись, и можно было путешествовать без опаски. Беорн со временем стал правителем обширных земель между горами и лесом; говорили, что его потомки до девятого колена умели принимать медвежье обличье. Среди них случались угрюмые и злые, но

большая часть унаследовала Беорнов нрав, если не стать и силу. При них Мглистые горы окончательно очистили от гоблинов, и Диком краю наступил мир.

Была весна, дни стояли теплые и солнечные, когда Гандальф и Бильбо наконец распрощались с хозяином. Как ни тянуло хоббита в родную нору, он уезжал с сожалением, ибо весной цветы у Беорна были ничуть не хуже, чем летом. Наконец выехали на торную дорогу и поднялись на тот самый перевал, где их захватили гоблины. Однако теперь стояло ясное утро. Обернувшись, путники увидели залитый белым солнцем простор. За равниной лежал Мирквуд, синий

вдали и темно-зеленый по опушкам даже весной. На самом краю окоема вздымалась Одинокaя гора; на ее вершине искрилась снежная шапка.

— Значит, после огня — снег, и даже драконам когда-нибудь приходит конец, — сказал Бильбо, поворачиваясь спиной к своим приключениям. Его туковская половинка очень устала, а бэггинсовская крепла день ото дня. — Теперь я хочу одного — поскорее оказаться в собственном кресле!

Глава 19

Счастливое завершение

Был первый день мая, когда они наконец выехали к обрыву, под которым лежал Ривенделл и Последний (или первый) Приветный дом. Снова вечерело, пони устали с дороги, особенно выючный, и все мысли были только об отдыхе. Едва они въехали на крутой спуск, Бильбо услышал эльфийские голоса в кронах деревьев, словно они не смолкали все это время; как только путники оказались на поляне, лес наполнился песней, очень похожей на старую, примерно такой:

Дракон уничтожен,
Весь край содрогнулся,
Меч вышел из ножен
И в ножны вернулся.
Но меч заржавеет,
Рудник истощится,
И мощь ослабеет,
И клад расточится.
Лишь здесь неизменно
Сквозь веток сплетенье —
Зеленые тени,
Утешное пенье:
Забудьте тревоги,
Сойдите с дороги,
В долине — покой!
Тут яркие звезды
Над ветками вязов
Мерцают, как гроздья

Лучистых алмазов;
Костер на поляне
Сверкает светлей,
Чем золото граней
В короне царей.
К чему же скитанья? —
Скорее, скорей!
О, тра-ляли-ляли!
Вы, верно, устали?
Куда вам спешить?
Вы и так опоздали.
Развьючьте лошадок,
Пускай отдохнут,
Отраден и сладок
В долине уют.
Пускай вам эльфийские
Девы споют:
О, тра-ляли-ляли!

О, фа-ляли-ляли!
Останемся тут!

Тут эльфы выступили из-за деревьев, и приветствовали путников, и повели через реку к дому Эльронда. Здесь их ждали теплый прием и множество заинтересованных слушателей. Всем не терпелось узнать о приключениях. Говорил Гандальф, Бильбо сидел притихший и сонный. Большая часть рассказа была ему знакома — он сам участвовал в событиях и многое поведал волшебнику по дороге и в доме Беорна. Тем не менее он время от времени приоткрывал один глаз,

когда слышал о чем-то новом. Из разговора волшебника с Эльрондом хоббит узнал, где был Гандальф — на совете всех белых волшебников, владеющих искусством доброго колдовства, и они наконец изгнали Некроманта из черной крепости на юге Мирквуда.

— Вскоре и сам лес станет светлее, — говорил Гандальф. — Надеюсь, север на долгие годы забудет страх. Если бы удалось и вовсе изгнать его из мира!

— Да, — сказал Эльронд, — но, боюсь, тому не бывать ни в эту эпоху, ни во многие следующие.

Когда закончился рассказ о путешествии, начались другие, а за

ними еще — рассказы о давних временах, и о новых, и о тех, которых вовсе не было. Бильбо уронил голову на грудь и уютно захрапел в уголке.

Он проснулся в белоснежной постели, сквозь открытое окно сияла луна. На берегу реки эльфы громкими чистыми голосами выводили:

Затянемте песню —
дружнее, всем хором!
Над вереском ветер, и
ветер над бором;
Луна — как лампада, и
звезды — как плошки,
У ночи на башне горят все
окошки.

Станцуем все вместе —
дружнее, всем кругом!

Пусть легче пушинки
летать вам над лугом!

Река серебрится, и роща
вздыхает:

Чудеснее майской поры не
бывает!

Теперь — приутихнем!

Споем, но другую

Чуть слышную песню свою
колдовскую,

Чтоб странник уставший
проснулся счастливый,

Ольхой убаюкан и вещью
Ивой!

Умолкните, ели, хотя б до
утра вы!

Погасни, Луна, озарявшая
травы!

Укутайся в сумрак, речная
долина!

Колдуйте, колдуйте, Дуб,
Терн и Рябина!

— Эй, веселый народ! —
крикнул Бильбо, выглядывая. —
Какой нынче час ночи? Ваша
колыбельная разбудила бы и пьяного
гоблина! Но все равно спасибо.

— А твой храп разбудил бы
каменного дракона — но все равно
спасибо! — со смехом отвечали
они. — Час предрассветный, ты
проспал почти всю ночь. Завтра,

возможно, излечишься от усталости.

— Даже краткий сон целителен в доме Эльронда, — сказал Бильбо, — однако не следует пренебрегать лекарством. Еще раз доброй ночи, милые друзья! — С этими словами он вернулся в кровать и проспал до утра.

Усталость его вскоре совсем прошла, и он много дурачился и танцевал с эльфами в долине, утром и по ночам. Но даже этот дивный край не мог его удержать, из головы не шли мысли о собственном доме. Через неделю хоббит простился с Эльрондом, вручил те скромные дары, которые тот согласился принять, и вместе с Гандальфом

тронулся в путь. Когда они выезжали из долины, небо впереди потемнело, задул ветер с дождем.

— Чудеснее майской поры не бывает! — воскликнул Бильбо, когда капли ударили ему в лицо. — Легенды позади, мы возвращаемся. Полагаю, это и есть запах дома.

— Ехать еще долго, — заметил Гандальф.

— И все же это последняя часть пути, — сказал Бильбо.

Они выехали к реке, отмечающей границу Дикого края, — к броду под обрывистым берегом, который вы, может быть, помните. Река вздулась от дождей и весеннего таяния снегов, однако путники

преодолели ее, хоть и не без труда, и поспешили вперед. Все было почти как по дороге туда, только отряд стал меньше и тише; и в этот раз обошлось без троллей. На каждом шагу Бильбо припоминал слова и события годичной — ему казалось, что десятилетней — давности и, разумеется, сразу узнал место, где пони свалился в реку и откуда они свернули навстречу неприятному приключению с Томом, Бертом и Биллом. Недалеко от дороги отыскалось золото троллей, по-прежнему спрятанное.

— Мне уже и так на всю жизнь хватит, — сказал Бильбо, когда они откопали клад. — Возьми его себе,

Гандальф. Ручаюсь, ты найдешь ему применение!

— Еще бы! — сказал волшебник. — Но, как говорится, делись и дели по честному! Возможно, тебе предстоят траты, о которых ты и не помышляешь.

Так что они сложили золото в мешки и навьючили на пони, которым это совершенно не понравилось. Дальше пришлось по большей части идти пешком, что, разумеется, замедлило путь. Впрочем, все зеленело, и хоббит с удовольствием шагал по мягкой траве. Он утирал лицо красным шелковым носовым платком — нет! ни один из его собственных не дожил

до конца странствия, этот ему подарил Эльронд, — с началом лета погода установилось, и вновь стало тепло.

Все когда-нибудь кончается, даже наш рассказ. Наступил день, когда открылась местность, в которой Бильбо родился и вырос, и где каждая кочка и каждое деревце были знакомы, как пальцы на руках и ногах. С пригорка он увидел свой родимый Холм и, внезапно остановившись, произнес:

Вдаль и вдаль ведут дороги
Сквозь туман, дожди и
снег,
Через горные отроги,

К берегам подземных рек;
Под деревьями густыми,
По траве и по камням,
Над ущельями глухими
По разрушенным мостам.
Вдаль и вдаль ведут дороги
В ясный день и под луной,
Но однажды скажут ноги:
Поворачивай домой.
И глаза, что повидали
Кровь и смерть в долинах
тьмы,
Видят вновь родные дали
И любимые холмы.

Гандальф повернулся к хоббиту.
— Бильбо, дорогой, — сказал

он, — что на тебя нашло? Ты совсем не тот, что прежде.

И так они проехали по мосту, и мимо мельницы у реки, и оказались перед самой норой.

— Батюшки! Что происходит? — вскричал Бильбо.

Возле норы наблюдалась непонятная суета, самый разный народ, уважаемый и сомнительный, толкся у двери, многие входили и выходили, не вытирая ног, как с досадой заметил Бильбо.

Если он удивился, то как же удивились остальные! Бильбо вернулся в самый разгар аукциона! На воротах висело большое

объявление, на котором черными и красными буквами значилось, что двадцать второго июня господа Грабб, Грабб и Берроуз пустят с молотка имущество покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-энда Под Холмом, что в Хоббитоне. Торги начнутся в десять часов ровно. Сейчас было время ланча, и многие вещи уже ушли за разные цены, от всего ничего до ломаного гроша (что не редкость на аукционах). Родственники Бильбо Саквилль-Бэггинсы деловито измеряли комнаты, проверяя, встанет ли их мебель. Короче, Бильбо признали умершим, и далеко не все, кто так уверял, были рады видеть его целым

и невредимым.

Возвращение мистера Бильбо Бэггинса наделало шуму под Холмом, за Холмом и за Рекой. Кривотолки и пересуды не умолкали несколько месяцев, а свои дела Бильбо приводил в порядок еще не один год. Очень не скоро мистера Бэггинса окончательно признали живым. Особенно трудно было убедить тех, кто за бесценок приобрел его вещи; под конец, чтобы сберечь время, Бильбо пришлось выкупать собственную мебель. Значительная часть серебряных ложек как в воду канула. Сам он грешил на Саквилль-Бэггинсов, а те, в свою очередь, объявили вернувшегося Бэггинса

самозванцем и при встрече с ним поджимали губы — так им хотелось жить в его чудесной норе.

Вскоре Бильбо понял, что лишился не только ложек, но и репутации. Да, он до конца своих дней сохранил дружбу эльфов, уважение волшебников, гномов и прочего заезжего люда, однако уже не считался вполне уважаемым. Хоббиты по всей округе считали его чудаком, за исключением племянников и племянниц с туковской стороны, да и тем взрослые настоятельно советовали держаться подальше от дяди. Увы, должен сказать, что Бильбо ничуть не огорчился. Он был вполне

доволен; песенка чайника на огне еще больше радовала его слух, чем в тихие дни до появления незваных гостей. Меч висел над камином; кольчуга красовалась в передней, пока Бильбо не отдал ее в местный музей. Золото и серебро в основном ушло на подарки — полезные и дорогие, чем до определенной степени объясняется любовь племянников и племянниц. Волшебное кольцо он хранил в большой тайне, потому что надевал его главным образом перед приходом докучливых посетителей. Он взял обыкновение писать стихи и навещать эльфов. Хотя многие качали головами, крутили пальцами

у виска и говорили: «Бедняга Бэггинс», хотя мало кто верил его рассказам, Бильбо был очень счастлив до конца своих дней, а прожил он на удивление долго.

Как-то осенним вечером, несколько лет спустя, Бильбо сидел у себя в кабинете и писал мемуары — он подумывал назвать их «Туда и обратно, или каникулы хоббита», — когда в дверь позвонили. Это были Гандальф и гном, причем не кто иной, как Балин.

— Заходите! Заходите! — воскликнул Бильбо, и вскоре все трое устроились в креслах у очага. Если от Балина не ускользнуло, что жилетка на Бильбо заметно раздалась вширь

(и на ней настоящие золотые пуговицы), то и Бильбо заметил, что борода у гнома стала на несколько дюймов длиннее, а расшитый камнями кушак поражает великолепием.

Разумеется, заговорили о старых временах. Бильбо спросил, как дела под Горой. Судя по всему, они шли прекрасно. Бард заново отстроил Дейл, и люди потянулись к нему с Озера, с юга и с запада. В долине вновь зазеленели поля и сады. Каменная пустыня теперь цвела весной и плодоносила осенью; ее наполнили птичий гомон и голоса жнецов. Озерный город на новом месте процветал пуще прежнего,

лодки, груженные добром, сновали по реке Быстрой, а эльфы, люди и гномы в этих краях жили в мире и согласии.

Старый мэр плохо кончил. Он получил от Барда много золота для жителей города, но, будучи подвержен драконьей болезни, бежал, прихватив большую часть сокровищ. И умер от голода в каменной пустыне, покинутый своими спутниками.

— Новый мэр поумнее, — сказал Балин, — и в большой чести у горожан, потому что нынешнее процветание считают его заслугой. Жители слагают песни, в которых поют, что при нем реки потекли

ЗОЛОТОМ.

— Значит, старые пророчества все же сбылись! — воскликнул Бильбо.

— Конечно! — отвечал Гандальф. — А как же иначе? Уж не разуверился ли ты в пророчествах только потому, что сам помог им осуществиться? Не думаешь же ты, что твои приключения и чудесные избавления происходили по чистому везению, исключительно ради твоей пользы? Ты славный малый, мистер Бэггинс, и я очень тебя люблю, но, в конечном счете, ты всего лишь маленький хоббит в большом-пребольшом мире!

— Вот и славненько! — сказал

Бильбо со смехом и протянул ему табакерку.

notes

Примечания

карта отсутствует. Возможно, будет в книге, если книгу напечатают